

Борис Акунин

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

1

Борис Акунин

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Роман

1

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2002

ББК 84(2Рос-Рус)6
А 44

Акунин Б.
А 44 Внеклассное чтение: Роман. Т. 1. — ОЛМА-
ПРЕСС, 2002. — 382 с.
ISBN 5-224-03806-5
ISBN 5-224-03807-3 (т. 1)

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-224-03806-5
ISBN 5-224-03807-3 (т. 1)

© В.Акунин. 2002
© Издательство «ОЛМА-
ПРЕСС», 2002

Персонажи и учреждения, упомянутые в этом произведении, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми и организациями либо с подлинными событиями носит случайный характер и не входило в намерения автора.

*Автор благодарит за помощь
Милу, Ирину, Федора, Сергея,
Виктора и Вовочку*

Глава первая

РАССКАЗ НЕИЗВЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Далась им эта любовь, подумал Собкор, шагнув на эскалатор и разглядывая наплывающий сверху рекламный щит. Реклама была такая: рука в старинной кожаной перчатке держит пышную розу за шипастый стебель, внизу двустистишь:

*Чтоб не пораниться колючками любви,
«Трех мушкетеров» ты на помощь позови.*

И ниже готическими буквами: «Презервативы «Три мушкетера». Размеры «Портос», «Атос», «Арамис».

Стишки, конечно, дрянь, но с формальной точки зрения и они тоже поэзия. Разве не странно, что из трех основных инстинктов — насыщения, самосохранения и продолжения рода — поэзия заиклилась именно на третьем, наименее важном. Есть ли хоть одно гениальное стихотворение, воспевающее чувство голода или страха? Нету. А между тем пустое брюхо или смертный

ужас — ощущения посильней любовного томления. Подумаешь, любовь. (Тут Собкор сердито покачал головой.) Теперь вот никакой любви нет, она пятьсот семнадцать дней как на Ваганьковском, а ничего, жить можно. Даже еще лучше, чем прежде. А будь любовь жива, Великая Тайна нипочем бы не открылась. Жил бы себе дурак дураком — «Поле чудес» смотрел да грядки на даче копал. А потом помер бы слепым бараном, не найдя Пути.

С другого плаката, уже не рекламного, а так, для улучшения настроения, Собкору посылала воздушный поцелуй девушка в метрополитеновской форме. «Легкого вам пути», было написано под девушкой. Он вежливо поклонился, сказал: «Спасибо».

Увидел щит, призывающий хранить деньги в отделениях кредитно-сберегательного товарищества «Капитан Копейкин» и уже достал блокнот — взять на заметку, для последующей проверки, но тут углядел впереди непорядок: какой-то парень стоял рядом с размазанной девицей, загородив проход. Собкор поднялся на несколько ступенек, тронул нарушителя за плечо, сказал:

— Стойте справа, проходите слева.

Нарушитель открыл было рот — наверное, собирался сказать грубость, но, повнимательнее посмотрев в строгие, ясные глаза Собкора и задержавшись взглядом на широких плечах (вот они, утренние пробежки и гантели), посторонился.

Пришлось и дальше идти пешком, хотя до верха было еще ого-го сколько. Ничего, это полезно для укрепления мышц.

Больше слева никто не стоял, но, пока поднимался, Собкор успел сказать «Нет» плакату шампуня, призывавшему: «Скажите «нет» перхоти», и спросить «Как?» у тетки со значком «Хочешь похудеть, спроси меня как».

— Что? — сначала удивилась тетка, а потом спохватилась, заулыбалась. — Вы хотите похудеть?

— Нет, — ответил он. — Я уже похудел. Раньше был живот, а теперь видите? — Обтянул на себе пиджак, чтобы она увидела, какая у него замечательная фигура.

— Зачем же вы тогда спрашиваете, как похудеть? — еще больше удивилась тетка.

— Я не спрашивал вас, как похудеть. Я просто спросил: как? Как вам не стыдно обманывать людей и наживаться на их доверчивости? Чтобы похудеть, нужно мало есть, и никаких других способов не существует. Я вот перестал есть и похудел на тридцать два килограмма.

Шарлатанка заглядывалась, голос стал жалобным:

— Что вы ко мне пристали? Кто вы вообще такой?

— Собкор, — ответил он и улыбнулся, потому что звучание этого слова доставляло ему удовольствие.

— А? Чего? — растерялась тетка.

— Вы хотите знать, собкором чего я являюсь? — вежливо осведомился он. — Прав-

ды. Всего вам наилучшего. Задумайтесь, правильно ли вы живете.

Дотронулся двумя пальцами до краешка воображаемой шляпы и ступил с распластавшейся ступеньки эскалатора на серый пол вестибюля.

Так. Где тут выход на Солянку? Ага.

В рекламном объявлении был только контактный телефон, по которому Собкору задали множество совершенно излишних, необязательных вопросов, но хватка у него была профессиональная, журналистская, и своего он добился, выпытал-таки адрес.

Собкор достал из кармана сложенный вчетверо лист еженедельной газеты «Эросс», развернул.

Вот оно.

СТРАНА СОВЕТОВ

Вам нужен добрый совет, но вы не знаете, к кому обратиться?

Готовитесь принять важное решение и колеблетесь в выборе?

Вам кажется, что всё пропало, что выхода нет?

Безвыходных ситуаций не бывает! Выход есть всегда!

Его найдет для вас специалист по умным советам

**МАГИСТР Н.ФАНДОРИН,
ПРЕЗИДЕНТ «СТРАНЫ СОВЕТОВ»**

— волшебного государства, куда не нужна виза и где каждого гостя встретят с уважением и пониманием.

Результат гарантирован!

Контактный телефон 7-095-8887777

Здоровенное объявление, во всю полосу. Собкор позвонил в рекламный отдел «Эрос-са», омерзительного порнографического издания, которое он регулярно покупал в киоске (надо ведь отслеживать степень падения нравов), и выяснил, что объявление на всю полосу стоит пятнадцать тысяч долларов. Значит, у специалиста по умным советам денег куры не клюют, бизнес процветает. Ну и название — «Страна советов». Это у них, современных циников, называется стёбом. Ничего, еще посмотрим, кто будет смеяться.

Здесь же, на газетной странице, мелким, дерганым почерком был записан продиктованный по телефону адрес: ул. Солянка, дом 1, офис 13-а.

Свернув лист и сунув его обратно в карман (там лежала еще одна бумага, и пальцы Собкора любовно погладили ее плотные, острые края), он двинулся налево по подземному переходу.

Каждый раз перед выездной сессией охватывало особенное волнение, пожалуй, составлявшее главную прелесть возложенной на него миссии. С чем бы сравнить это ощущение? Будто грудь всасывает не мутный московский воздух, а охлажденное шампанское, которое щекочет бронхи и трахею веселыми пузырьками. Но это не самодовольство и, упаси Боже, не кураж — мол, захочу казнь, а захочу помилую. Никакого произвола, никакой предвзятости. Раз ты избран быть

взыскующим оком и указующим перстом, изволь отрешиться от всего личного, не зарывайся.

А все же, знать, есть во мне что-то особенное, если избран именно я, подумал Собкор, посмотрел на себя в витрину киоска и остался доволен: статная фигура, гордая осанка, костюм — мешковатый, но элегантный, а ведь куплен еще в семьдесят седьмом, во время бейрутской командировки.

Дом номер один по улице Солянке раскинулся чуть не на целый квартал, был он с несколькими дворами и множеством подъездов. Поди-ка отыщи, где тут офис 13-а.

Ничего, нашел.

Любопытная оказалась фирма «Страна советов»: ни вывески, ни таблички. Знать, не афиширует магистр Н.Фандорин перед соседями свой бизнес.

Горячо, подсказал участвовавший стук сердца, горячо!

Подъезд, правда, разочаровал. Ни охранников, ни консьержки, даже кодового замка нет — входи кто хочет. Стены облупленные, лифт допотопный.

Ясное дело: прибудняется цельнополосный рекламодатель, уклоняется от налогов, не желает делиться с обществом своими жульническими доходами.

На пятом этаже медная табличка — просто «Офис 13-а», и всё. Открыла Собкору длинноногая красавица с фиолетовыми волосами и шальными зелеными глазами. Кожа-

ные рейтузы в обтяжку, высоченные каблукки, оранжевого цвета губы.

— Я не ошибся? — спросил Собкор. — Здесь находится фирма «Страна советов»?

И холодок разочарования: а что если это просто бордель? Вот ведь и реклама напечатана не где-нибудь, а в газете «Эросс». Тогда время потрачено впустую, мелкие грешки не по нашей части.

— Абсолютно, — ответила впечатляющая девица. — Зо вас?

Это по-немецки, не сразу догадался Собкор. Означает: «Ну и?». Не очень-то любезно.

— Я прочитал в рекламе, что здесь торгуют советами... А у меня как раз такая ситуация, что очень нужно посоветоваться...

Нарочно так сказал. Если тут публичный дом, сразу дадут от ворот поворот.

Но экзотическая красotka кивнула:

— Клиент? По рекламе? Антре.

Тоже еще полиглотка выискалась.

Вид офиса подтверждал гипотезу о намерении надуть фискальные органы. Бывшая коммуналка, никаких особенных евроремонтов. Коридор с какими-то гравюрками по стенам вывел в маленькую приемную: письменный стол с оргтехникой, диванчик, кактус на окне — в общем, кто честной бедности своей и всё такое прочее.

Разноцветная нимфа уселась за компьютер, из чего следовало, что она здесь трудится секретаршей. Собкор только головой покачал.

Должно быть, к приходу налоговых проверяльщиков эта Гелла смывает косметику и переодевается скромницей, а то на нее достаточно посмотреть — сразу ясно, за какую работу ей платят зарплату и, можно быть уверенным, не маленькую.

— Логин? Пароль? — спросила фифа, щелкнув по клавиатуре, и Собкор снова забеспокоился — не вышло ли ошибки. Пароль? Здесь что, какой-то закрытый клуб?

— Имя, цель визита? — вздохнув, перевела сама себя секретарша.

Окинула посетителя взглядом и наморщила носик, в точном крыле которого посверкивал маленький бриллиант. Собкор иронически улыбнулся — стало быть, не произвел на нее солидного впечатления.

— Пишите: Николай Иванович Кузнецов. — Сделал паузу, уверенный, что это имя поколению фиолетововолосых и оранжевогубых ничего не говорит. Так и есть — секретарша как ни в чем не бывало запорхала пальцами по клавишам. — А про цель визита я сообщу самому магистру. Можно войти?

Он кивком показал на дубовую дверь, за которой, очевидно, располагался кабинет проходимца.

— Абонент временно недоступен, — буркнула нахалка, отвернувшись от неинтересного клиента.

Достала зеркальце, полюбовалась на свою холеную мордашку. Потом поджала губы, по-

елозила ими туда-сюда. Он знал: это чтобы помада легла равномерней. И Люба так делала. Только помада у нее была приличного цвета, светло-розовая.

Воспоминание относилось к прежней, настоящей жизни, и Собкор затряс головой, отгоняя его прочь.

— Я не понял. Его нет на месте? Или у него посетитель?

Секретарша опять ответила непонятно:

— Шеф путешествует во времени. Хотите — ждите. Вон, в чилл-ауте. — И мотнула головой в сторону диванчика.

Если б были собственные дети, я бы, наверное, лучше понимал язык современной молодежи, подумал Собкор. А так, без домашнего репетитора, чувствуешь себя с новым поколением каким-то иностранцем.

На столике вместо обычных журналов лежали альбомы с репродукциями. Репин, Васнецов, Лансере, Борисов-Мусатов.

Полистал немного. Хорошо раньше художники писали, не то что нынешние.

— Шит-мерд-шайзе! — Секретарша бросила зеркальце на стол. — Не розовый, абсолютно!

Выскочила из-за стола, убежала в коридор, сердито топоча каблучками.

Истеричка. Ведет себя, будто она здесь одна. Или носом чует, у кого есть деньги, а у кого их нет? Которые без денег для нее не люди.

А я теперь и есть не вполне человек, сказал себе Собкор, и внутри у него всё затре-

петало, потому что приближался Миг Истины, высокаторжественный момент Принятия Решения. Тут следовало положиться на первое впечатление, не искажённое фильтром логики и предубеждения, прислушаться к голосу собственного сердца, которое есть частица Бога. Не шутки ведь, человеческая жизнь на весы положена, пускай даже человечешко гад и обманщик. Права на ошибку нет, слишком высока и страшна возложенная ответственность.

Собкор поднялся и, коротко постучав, открыл дубовую дверь.

Кабинет у «президента волшебного государства» был просто тошнотворный. Во-первых, огромный монитор на столе (это у них, новых русских, такая мода — чем больше пластмассовый ящик, тем, как они выражаются, «круче»). Во-вторых, на стене висел старинный портрет какого-то царского чиновника в вицмундире (тоже мода, любой прощелыга нынче — непременно столбовой дворянин и кичится аристократическими предками). В-третьих — какие-то застекленные дипломы (насмотрелись, низкопоклонники, голливудских фильмов). А венец всему — маленький баскетбольный щит в углу. Яппи доморощенный!

И у самого видок соответствующий. Гладкомордый, подтянутый, с аккуратным пробором, в твидовом пиджачке, из кармана торчит платочек в тон галстучку. Фитнес-центр, гольф-клуб, искусственный загар, тьфу!

Н.Фандорин быстро повернул свой монитор-переросток, чтобы вошедший не увидел даже краешек экрана (знать, есть что скрывать!), и поднялся. Ну и дылда — метра два, вряд ли меньше. Губы магистра механически растянулись в улыбке, однако в серых глазах читалось недвусмысленное: принес же тебя черт.

Еще бы! Ведь в эту самую минуту решалась судьба Данилы Фондорина. Сумеет ли юный сержант Семеновского полка попасть в камер-секретари к супруге наследника престола, будущей великой императрице. Для этого нужно было пройти испытание — разгадать хитроумную загадку, предложенную Екатериной Алексеевной. При неудаче Данила попадал на гауптвахту, откуда не так-то просто выбраться, а играющий терял очки и время.

Странное занятие для сорокалетнего отца семейства — сочинять компьютерные игры, да еще в рабочее время. Добро бы на заказ, а то исключительно для собственного удовольствия. Кому еще могут быть интересны квесты и бродилки, героями которых являются твои предки, все эти присыпанные песками времени фон Дорны, Фондорины и Фандорины, секунд-майоры, камер-секретари, статские советники? Вот, может быть, когда сын подрастет...

Ах, если б получше разбираться в программировании, да иметь высококлассную аппара-

туру, тогда можно было бы создать полноценную игру с анимацией и умопомрачительными эффектами, а так приходилось довольствоваться чем-то вроде диафильма. Молодую Екатерину Ника сосканировал с портрета Торелли, только убрал царскую корону. Даниле досталось лицо романтического красавца Ланского — изображений далекого предка в семье не сохранилось. Бог знает, как Данила Ларионович выглядел на самом деле.

От екатерининского камер-секретаря уцелела одна-единственная реликвия, листок с росчерком: *«Вечно признательна. Екатерина»*. Летописец рода, Исаакий Самсонович Фандорин, живший в первой половине девятнадцатого столетия, сопровождал знаменательный документ сухой припиской: *«Собственно-ручная роспись ЕИВ государыни императрицы Екатерины Великой»*, воздержавшись от каких-либо комментариев. Может, вовсе и не Даниле сулила вечную признательность Новая Семирамида — это уж были Никины предположения, хоть и вполне правдоподобные, если учесть близость предка к всероссийской самодержице.

За что признательна — вот вопрос, ответ на который теперь, два с лишним века спустя, сыщется разве что в игре «Камер-секретарь». Никакой ответственности и полный простор для фантазии, то есть абсолютная противоположность всему, чему учили Николаса Фандорина в Кембриджском университете. Жалкая участь для магистра истории:

вместо того чтобы стать серьезным исследователем, превратиться в сочинителя псевдоисторических сказок. Но, поразительная штука (в этом Ника мог признаться разве что самому себе), сказки занимали его воображение гораздо больше, чем научно доказанные факты.

Скредятся ли судьбы семеновца и великой княгини, получит ли Данила возможность оказать Екатерине таинственную услугу, которая, быть может, изменит ход российской истории, — вот к какому нешуточному перепутью подобрался Николас Фандорин, когда дверь кабинета вдруг распахнулась и на пороге возник сутулый человек в мешковатом костюме из давно позабытого синтетического материала (кажется, он назывался «кримплен»), с подложенными плечами и широкими, острыми лацканами — просто ходячий привет из семидесятых.

— Вы ко мне? — глупо спросил Фандорин (ну конечно к тебе, к кому же еще?) и стыдливым школярским движением повернул к себе монитор, чтобы человечек не увидел Данилу (вид сзади) и Екатерину Алексеевну (анфас).

Нужно было возвращаться из восемнадцатого столетия в двадцать первое.

После того как жена подарила Нике на день рождения цельнополосную рекламу в своей газете, в офис «Страны советов» валом повалили посетители. Правда, по большей части из «эроссиян», как называли себя постоянные читатели «Эросса», издания спе-

цифического или, как теперь говорят, узкопрофильного. Прежде всего «волшебным государством, куда не нужна виза», заинтересовались половые затейники, вообразившие, что магистр Н. Фандорин сулит им какие-то доселе невиданные радости плоти. Дальше приемной этот род гостей, как правило, не попадал — искателям чувственных усад не удавалось прорваться сквозь Валю. Беда в том, что новый тип посетителей пришелся Вале по душе, а отдельные представители еще и по вкусу — с такими беспутное существо, исполнявшее в фирме секретарско-ассистентские обязанности, напропалую кокетничало и подчас даже уславливалось о свидании. Николас уже начинал беспокоиться, не привлекут ли его к ответственности за притонодержательство.

Было двое посетителей иной категории, сначала мужчина, потом женщина. Оба мрачные, изъясняющиеся недомолвками. Эти вообразили, будто обещание «гарантированного выхода из любой ситуации» — реклама киллерского агентства, и пришли оформить заказ.

Мужчину, который задумал истребить нечестного бизнес-партнера, Ника сумел образумить — посоветовал отплатить вору той же монетой и даже, пораскинув мозгами, предложил остроумную схему операции под кодовым названием «Возмездие». Клиент ушел окрыленный. Обещал в случае успеха заплатить щедрый гонорар.

Заказчица, жаждавшая крови бабника-мужа, оказалась орешком покрепче. Фандорин прочел ей целую лекцию по патологоанатомии супружеских измен. Сказал, что всегда виноват не тот, кто изменил, а тот, кому изменили. Люди женятся для того, чтобы утолить свой тайный голод. Если супруг ищет удовлетворения на стороне, объяснял Николас, значит, вы не насыщаете его голода. Метаболизм любовных отношений непредсказуем: вы можете быть с вашим партнером добры и щедры, а ему, наоборот, нужна женщина злая и скупая. Вы его кормите пряником, а всё его существо просит кнута. Или наоборот. А если человек мечется от одной интрижки к другой, это означает, что его внутренний голод очень велик, и одному партнеру накормить беднягу не под силу. Дон Жуан — несчастнейшее существо, эмоциональный калека. Его удел — все время поглощать пищу, не ведая сытости. В общем, распинался целый час. Обманутая жена выслушала проповедь молча, сказала «спасибо» и ушла, кажется, оставшись при своем кровожадном намерении.

Алтын, конечно, хотела как лучше. Представить страшно, каких деньжищ стоит реклама на полосу в газете с трехмиллионным тиражом. То есть, разумеется, будучи главным редактором, Алтын не заплатила ни копейки — так сказать, злоупотребила служебным положением (перед самой сдачей номера следа полоса, заабонированная постоянным

рекламодателем, стрип-клубом «Либикина песня»), но всё равно подарок был царским.

Спутница жизни давно ломала голову над тем, как помочь Никиному бизнесу, при этом не ущемив мужского самолюбия. Заработки продавца добрых советов были, увы, смехотворны, не шли ни в какое сопоставление с жалованьем главного редактора еженедельной газеты. Алтын давно твердила: нужна реклама, без нее не продашь никакой товар, даже самый качественный. Вот хитрая азиатка и решила воспользоваться днем рождения, чтобы наполнить рекламным ветром обвисшие паруса «Страны советов».

Название компании рождалось в муках. Никин соучредитель и главный инвестор предлагал окрестить фирму-родоначальницу услуг нового типа «Палочкой-выручалочкой», но Алтын встала стеной, заявила, что с малолетства ненавидит эту слюнявую детскую сказку. Потом, уже возглавив газету «Эросс», из вредности завела рубрику совершенно не детского содержания именно с таким заголовком.

«Страну советов» выдумал сам Фандорин, очень гордился своей находкой, однако отстоял ее с тяжелыми боями. И соучредитель, и жена в один голос твердили, что их тошнит от этого словосочетания, что самим своим звучанием оно будет отпугивать состоятельных клиентов, приманивая лишь козлов-коммунистов, у которых все равно нет денег. И все же Николас не поддался. Нельзя делать вид, что этих семидесяти лет в нашей истории не было, говорил он. По-

чему нужно шарахаться от лексики и символики советского периода? Это всё равно, что делать вид, будто в твоей жизни не было прошлого года, а только позапрошлый и все предыдущие. Или что ты родился на свет не от папы с мамой, а прямо от бабушки с дедушкой. Эти семьдесят лет были, и нечего их демонизировать, малевать сплошь черной краской. От этого лишь возникнет опасность, что некоторое время спустя советскую эпоху вознесут на пьедестал и реабилитируют, как всякого чрезмерно наказанного. Да, в Советском Союзе было много скверного, но ведь немало и хорошего. На счету у злодеев-большевиков по меньшей мере три великих свершения, оказавшиеся не по зубам монархии: накормили голодных, обучили неграмотных и победили германский империализм. А взять те же всеми проклинаемые Советы? Покойного отца, сэра Александра, от этого слова начинало трясти, он даже в бытовой лексике избегал употреблять ужасное звуко сочетание, говорил не «мой вам совет», а «моя вам рекомендация», не «давайте посоветуемся», а «давайте порекомендуемся». Скажите на милость, что плохого в Советах? Стихийно возникшая форма народного парламентаризма.

Ох, и наслушался же Николас оскорблений от любимой супруги за импотентский объективизм и ублюдочное европейское левачество! В какой-то момент даже дрогнул, согласился было на «Страну добрых советов», но в последний момент прилагательное все-таки убрал — очень уж получалось сиропно.

А опасение насчет нищих «козлов-коммунистов», которые валом повалят на родное сердцу обозначение, не сбылось. За все шесть лет существования фирмы этот кримпленовый был первым, кто выглядел как гость из грустного социалистического прошлого.

— К вам, к вам, к кому же еще, — ответил посетитель на дурацкий вопрос и прибавил (кажется, с сарказмом). — Если вы и есть сам Н. Фандорин, магистр, специалист по умным советам и президент. У меня очень сложное, просто-таки совершенно неразрешимое дело. Какая у вас такса?

Николас взглянул на вошедшего по-новому — с надеждой. Может быть, первое впечатление обманчиво и наконец появится настоящая работа? Прорвался же этот плюгавец через Валю — значит, сочтен перспективным. Странно, правда, что вошел без доклада.

Сложных дел «Стране советов» не перепало давно. Впрочем, и несложных тоже. Не считать же работой излечение семнадцатилетней студентки, безнадежно влюбленной в актера Меньшикова¹, или консультирование до-

¹ «Совет»: Запереться в комнате; ни на что не отвлекаясь и не делая перерывов, с утра до вечера смотреть кассету с фильмом «Сибирский цирюльник» вплоть до позит. рез-та.

Процесс: Через 2 дня, после 23-го просмотра, звонок. Рыдания, крики: «Олежек — бог, бог, бог!»

Совет: Продолжать процедуру.

Рез-т: Еще через три дня, после 57-го просм., полное выздоровление. Восстановление сна, аппетита, интереса к др. предст-лям муж. пола». (Из записной книжки Н. Фандорина)

моуправления по поводу участия в конкурсе «Московский дворик»¹?

Правда, в начале осени пришлось изрядно повозиться, вызволяя из нехорошей компании двоюродного племянника жены, шестнадцатилетнего балбеса. Компания оказалась не просто нехорошая, а криминальная, подсаживавшая на иглу подростков, так что консультирование вылилось в целую детективную эскападу, едва не стоившую Николасу жизни, однако не принесшую фирме ни гроша. Не станешь же брать деньги с родственников?

Последний серьезный заработок выпал полтора месяца назад. Одной торговой даме, открывавшей бутик для взыскательной клиентуры, понадобилась оригинальная идея — чтоб магазин получился не такой, как у всех. Ника предложил назвать заведение «Лохмотья», в витрине разложить рваные мешки и грязные ящики, голые кирпичные стены расписать граффити хулиганского содержания, примерочной придать вид милицейского «обезьянника», кассу расположить в мусорном баке и прочее в том же роде. Клиентка от этой чуши была в восторге, давала пять тысяч долларов наличными, однако Ника, принципиальный сторонник законопослушности, попросил перечислить гонорар рублями через

¹ «Совет: не высаживать траву, все равно не приживется; выкрасить стены дома *à la* лунный кратер; членов жюри пригласить на осмотр звездным вечером.

Рез-т: 1-ое место по р-ну». (Из записной книжки Н. Фандорина)

банк. Заказчица никак не могла понять, чего он от нее хочет. В конце концов пришлось перейти на доступную ей терминологию. «Сударыня, — сказал Фандорин. — Я зеленый черняк не беру, извольте слить деревяшкой по безналу». От такой эксцентричности бизнес-леди пришла в неопишуемый восторг: «Деревяшкой, по безналу! Хай класс!». Однако при переводе удержала 31,6% на единый социальный налог. Это бы еще ладно, но ложкой дегтя было то, что подослала денежную клиентку всё та же Алтын. Как ни посмотри, а и тут Николас выходил иждивенцем и захребетником.

Винить в этом кроме самого себя было некого.

Женившись и решив поселиться в России, баронет Николас А. Фандорин, во-первых, счел своим долгом поменять британское гражданство на российское (чего Алтын не могла ему простить до сих пор), а во-вторых, продать лондонскую квартиру и перевести все деньги в московский банк, чтобы содействовать росту отечественной экономики. Во время дефолта 98-го банк преотличным образом лопнул, и бывший подданный ее величества оказался в отчаянном положении: на одной чаше весов неработающая жена, двое годовалых детей и привычка к определенному уровню жизни, на другой — странный бизнес, который неплохо смотрелся как хобби состоятельного рантье, однако обеспечить существование семьи из четырех человек никак не мог. Если б благоде-

тель-соучредитель как раз в ту пору не надумал создавать масс-медиальную империю и не предложил Алтын Мамаевой (взять фамилию мужа свирепая феминистка, конечно, и не подумала) возглавить новый эротический еженедельник, неизвестно, что и было бы.

— Неразрешимых дел не бывает, — успокоил Николас нового клиента и улыбнулся обширной европейской улыбкой, от которой так и не отучился за годы, прожитые в неулыбчивой России, хотя отлично знал, что у аборигенов эта демонстрация достоинств «колгейта» вызывает недоверие и настороженность. Нередко бывало так: подойдет он к человеку на улице спросить дорогу, приветливо улыбнется, а на него сразу рукой машут — отстаньте, мол, надоели, зомби проклятые, со своей Церковью Объединения.

— Про оплату мы поговорим после, когда вы изложите мне суть дела. Но сначала скажите, пожалуйста, как вас зовут. Кто вы по профессии?

— Звать меня Николай Иванович Кузнецов, — представился посетитель, усаживаясь на стул так важно, словно это был королевский трон. — А по профессии я судья. Значит, так-таки не бывает? Любую проблему расщелкаете, как орех?

Фандорин сразу догадался, что имя ненастоящее, но это было нормально — должно быть, деликатное дело, требующее приватности. Судья? Непохож. Но в России судьи вообще мало похожи на судей, нет в них ни

вальяжности, ни ощущения собственной неуязвимости. Хотя взгляд у непрезентабельного господина Кузнецова был, пожалуй, именно такой, какой подобает профессиональному вершителю судеб: тяжелый, уверенный, бескомпромиссный. Может, и вправду судья.

Или псих, подумал вдруг Николас, приглядевшись к «судье Кузнецову» повнимательней. Неужто снова пустая трата времени?

— Если хорошенько подумать, — сказал он вслух, улыбнувшись еще шире, — выход отыщется всегда, даже в самом тяжелом положении.

Аноним (именно так мысленно окрестил Фандорин собеседника, потому что в России называться «Кузнецовым» — все равно что представляться мистером Иксом) удовлетворенно кивнул, будто именно на такой ответ и рассчитывал. Глаза с расширенными зрачками блеснули не то азартными, не то все-таки безумными искорками.

— Сколько этажей в этом доме? — спросил он ни к селу ни к городу.

— Шесть, — терпеливо ответил Фандорин. — И еще чердак. А почему вы спра...

— Отлично. Предположим, полез я на крышу — ну, к примеру, поправить телевизионную антенну. Поскользнулся, да и сорвался — несчастный случай. Лечу вниз, мимо вашего чудесного окошка. — Посетитель показал на высокое окно, выходившее на Солянку. — Вы и в этом случае найдете для меня спасительный выход? Поможете умным советом?

— Разумеется. Если вы по дороге залетите ко мне в форточку и сформулируете свою проблему, — в тон ему ответил Николас. — Но вы ведь пока не упали с крыши, так что давайте не будем терять времени попусту. Что вас ко мне привело?

— Та-ак, — зловеще протянул человечек и вполголоса пробормотал. — Пишем в протокол: оказывается, фирма «Страна советов» все же может найти выход не из всякой ситуации.

И в самом деле полез во внутренний карман, будто собирался сделать соответствующую запись.

Начиная злиться, Фандорин заметил:

— Человек, падающий с крыши, лишен возможности выбора, поскольку представляет собой предмет, движущийся к земле с ускорением 981 сантиметр за секунду в квадрате, и более ничего.

— Ага, вот я вас и поймал. Стало быть, вам нужна свобода выбора. Тогда нужно было написать в объявлении: «Выход гарантирован лишь клиентам, обладающим свободой выбора». Было бы правильней. И честней.

Упрек, при всей своей несуразности, задел Николаса за живое — он считал себя человеком слова и на малейшие сомнения в собственной порядочности реагировал болезненно.

— Ничего вы меня не поймали. Тут вопрос терминологии. Что такое, с вашей точки зрения, «выход из тяжелой ситуации»?

— Избавление от этой ситуации.

— Ну, тогда не о чем и говорить, — съязвил Ника. — Скоро вы долетите до земли и отличным образом избавитесь от своей ситуации.

Разговор превращался в нелепое препирательство из-за ерунды, да еще с человеком, который, кажется, все-таки был не в себе, поэтому закончил Фандорин сухо и без улыбки, как бы подводя черту в дурацкой полемике:

— Выход — это выбор оптимального, то есть наиболее эффективного или, по крайней мере, наименее вредоносного решения. Вот из какой трактовки исхожу я.

— Ладно, — хищно улыбнулся аноним Кузнецов. — Черт с вами, пускай будет выбор. Предположим, у меня двое детей. Маленьких. Поехал я с ними... ну, скажем, в Кисловодск или в Минеральные Воды. В общем, в какую-нибудь здравницу Кавказа. И вдруг похитили нас террористы, чеченские боевики, взяли в заложники. И вот они мне, отцу, говорят: «Одного из твоих детей мы убьем, выбирай сам, которого». Какой у меня будет выход из подобной ситуации?

— Нужно объяснить этим людям, что так поступать нельзя, что тем самым они только повредят своей идее...

— Попытался, — перебил неизвестный, хмыкнув. — Но это не люди, а обкурившиеся анаши звери.

— Тогда... Скажите им, чтоб они лучше убили вас, а детей не трогали.

— Сказал — смеются. Им нравится смотреть, как я мучаюсь.

— Послушайте, что вам от меня нужно?! — стукнул кулаком по столу Фандорин и сам удивился неадекватности своей реакции. Вроде бы считаешь себя уравновешенным, выдержанным человеком, а потом привяжется такой вот Кузнецов, и нервы дадут сбой. Вероятно, всё дело было в том, что природа наделила магистра истории чересчур живым воображением, а поскольку у Николаса в самом деле было двое маленьких детей, то он на миг, всего на миг представил себя в описанной психом ситуации...

Вспышку немедленно погасил, взял себя в руки. Если это сумасшедший, не нужно его провоцировать. Что это он всё держит руку во внутреннем кармане? А вдруг у него там бритва?

— Хорошо, я дам вам совет. — Фандорин осторожно отодвинулся от стола, чтобы в случае чего успеть вскочить на ноги. — Эта коллизия известна из литературы, есть целый роман на эту тему, и, читая его, я думал, как поступил бы на месте несчастного родителя. Выход такой: бросьтесь на того из бандитов, который отвратительней, впейтесь ему зубами в глотку и пусть вас убьют. Но ни в коем случае не выбирайте между своими детьми.

Аноним впервые утратил самоуверенность, растерянно моргнул — очевидно, не ожидал такого ответа.

— Ничего себе! — загорячился он. — Разве смерть — выход?

— Я же вам сказал: выход — это выбор оптимального, то есть в данном случае наименее вредоносного решения. Даже если существует загробная жизнь и муки ада, худшей пытки, чем предложенная вами ситуация, там быть не может. Так что вы в любом случае окажетесь в выигрыше.

Неизвестный вынул руку из кармана (слава богу, пустую, без бритвы) и посмотрел на Нику по-другому, без издевки и блеска в глазах.

— Существует, — сказал он.

— Что «существует»?

— Загробная жизнь. Но сейчас это к делу не относится. А что вы скажете, если я вам задам такой ребус...

Ободренный тем, что в руке посетителя не оказалось колющего или режущего предмета, Фандорин решил, что пора проявить твердость:

— Может быть, достаточно ребусов и абстрактных задачек? Мы ведь занимаемся *вашей* проблемой.

Собеседник строго произнес:

— Это *вам* так кажется, — и бросил на Николаса взгляд, от которого хозяину кабинета стало окончательно не по себе.

Как бы узнать, на месте ли Валя? Фандорин покосился на дверь. Если Кузнецов сейчас впадёт в буйство, в одиночку с ним, возможно, не справиться — известно, что у су-

масшедших во время припадка сила удесятается.

— Так я, с вашего позволения, изложу вам свой рассказец? — вполне миролюбиво спросил аноним. — Уверю вас, в нем нет ничего абстрактного или фантастического.

— Хорошо-хорошо, — поспешно согласился Ника.

— Итак. Жил-был на свете один человек. Прожил с женой двадцать восемь, ну пускай для ровного счета тридцать лет. Детей у них не было. Это важно, потому что, когда есть дети, любовь имеет обыкновение рассеиваться, а тут, знаете, все чувства в одну точку. Короче говоря, очень этот человек любил... то есть, собственно, и сейчас еще любит свою жену. Можно сказать, она у него — единственный свет в окошке.

Николас слушал, сдвинув брови — уже заранее знал, что рассказ будет неприятным, вроде того, про заложников.

Так и вышло.

— И вдруг у жены обнаруживается болезнь. Тяжелая, а может, и неизлечимая, — припечатал Кузнецов и сделал паузу, чтобы слушатель как следует осознал, вник.

И Фандорин сразу же вник, выражение лица у него сделалось страдальческим. Была у Николаса такая особенность — можно даже сказать, профессиональная черта: когда кто-нибудь рассказывал про свои проблемы, глава «Страны советов» не просто ставил себя на место рассказчика, а на время как бы даже

превращался в этого человека. И сейчас перед глазами, конечно же, сразу возникла картина. Возвращается Алтын от врача, смотрит в сторону, неестественно спокойным голосом говорит: «Ты только не волнуйся, это еще не наверняка, он говорит, просто нужно подстраховаться...» Бр-р-р.

Он передернулся, а мучитель разворачивал свой «ребус» дальше:

— Муж, само собой, запаниковал. Бросился туда, сюда. Караул, кричит, люди добрые, спасите, помогите! И люди добрые тут же сыскались, спасальщики-помогальщики. Они на крики «караул» сразу слетаются и нюхают, пахнет деньгами или нет. Если унюхают — сулят чудеса и даже стопроцентно гарантируют. Это раньше, во времена проклятого тоталитаризма, чудес не бывало: если можно вылечить — лечат, если нельзя, говорят: медицина, мол, бессильна. А нынче ведь невозможного не стало, верно? Результат гарантирован, — подмигнул Кузнецов, очевидно, цитируя рекламу «Страны советов». — Были бы деньги. Только вскоре у мужа деньги кончились, и чудеса не замедлили иссякнуть. Вот вам и ребус: время упущено, жена умирает, поделать ничего нельзя. Хотя нет, — плотоядно улыбнулся садист. — Я вам еще краше картинку нарисую. Когда поделать ничего нельзя — это что ж, на нет и суда нет. А тут, представьте себе, спасение есть. Правда, далеко, в Швейцарии. Есть там некая волшебная клиника, в которой одной только и дела-

ют спасительную операцию. Но вот ведь за-
кавыка: стоит курс лечения денег, которых
этому человеку ни в жизнь не раздобыть. Тут
не важно, какая именно сумма — важно, что
она совершенно за пределами реального. На-
зовем ее условно: миллион. Ну-ка, специалист
по безвыходным положениям, что вы тому
человеку посоветуете?

Улыбка исчезла бесследно, в голосе грохот-
нул раскат грома, глаза метнули в мастера
добрых советов молнию.

Ника, пока длилась печальная повесть, весь
исстрадался — болезненно морщился, взды-
хал, рисовал на листке ножи и стрелы. Дело
у господина Кузнецова и в самом деле выхо-
дило сложным, муторным и, увы, опять безо
всяких видов на заработок.

Дослушав, Фандорин открыл записную
книжку.

— Миллион — это слишком много, таких
расценок за курс лечения не бывает, — хму-
ро сказал он. — Мне все-таки необходимо
знать точную сумму. Это первое. Второе.
Мне понадобится полный комплект медицин-
ской документации: справки, анализы, вы-
писка из истории болезни, заключение спе-
циалистов. Главное — не отчаивайтесь. Свет
не без добрых людей. Есть международные
фонды, есть благотворительные организации.
Я не знаю подробно, потому что сам в та-
кой ситуации не был. — Мысленно приба-
вил: тьфу-тьфу-тьфу, скрестил пальцы и еще
бесшумно постучал по ножке стола. — Но

обещаю вам: уже завтра соберу всю нужную информацию. Приходите ко мне... в четыре. Нет, лучше в пять, чтоб наверняка. Принесёте все бумаги. Письма благотворителям я напишу сам — у меня английский язык родной. Не падайте духом. Всё, что можно сделать, сделаем.

Однако вопреки ожиданиям клиент не возликовал и не стал рассыпаться в благодарностях. На худом, пучеглазом лице отразилось крайнее удивление, впрочем, в следующую же секунду сменившееся облегчением.

— Вы забыли, что у этого человека нет денег! — торжествующе воскликнул он. — Это совершенно некредитоспособный субъект! Он не сможет вам заплатить. Я же говорил, все его сбережения съели шарлатаны и обманщики!

— Это я уже понял. Тем не менее, постараюсь помочь вашей жене.

От этих слов аноним вдруг как-то поник. Устало поморгал, потер веки. Вяло сказал:

— С чего вы взяли, что речь обо мне? Это я так, некую трудную ситуацию обрисовал...

И тут Нику сорвало с винта во второй раз, куда основательней, чем в прошлый.

Он вскочил так порывисто, что отъехало кресло, и заорал на псевдо-Кузнецова самым недостойным, постыднейшим образом. Нет, оскорблений в его филиппике не содержалось, но слово «совесть» прозвучало трижды, а выражение «кто дал вам право» целых четыре раза. Черт знает, что творилось сегодня с рус-

ским англичанином — он сам себя не узнавал. Должно быть, перенервничал из-за несуществующей бритвы.

Пакостник слушал Никину тавтологию внимательно, не проявлял ни малейших признаков раскаяния или обиды. Скорее в его глазах читалось нечто вроде радостного изумления.

На шум и крик в кабинет влетела Валя. То есть влетел, потому что женщина-вамп, явившаяся утром на работу и всего полчаса назад поившая шефа чаем, успела трансмутироваться в стройного бритоголового юношу. Исчезли косметика и фиолетовый парик, туфли на десятисантиметровом каблуке сменились тяжеленными ботинками, блузка — асимметричным свитером грубой вязки. Эта метаморфоза означала, что фандоринский ассистент, личность капризная и непредсказуемая, ошибся в дефиниции сегодняшнего дня и на ходу поменял его цвет с розового на голубой.

Валя Глен появился на свет существом мужского пола, однако в процессе подрастания и взросления гендерное позиционирование необычного юноши утратило определенность. Иногда Вале казалось, что он — мужчина (такие дни назывались голубыми), а иногда, что он, то есть она — женщина (это настроение именовалось розовым). Фандорин сначала пугался интерсексуальности своего помощника и никак не мог разобраться с грамматикой — как говорить: «Ты опять стро-

ила глазки клиенту!» или «Ты опять строил глазки клиентке!» Но потом ничего, привык. По розовым дням ставил глаголы и прилагательные в женский род, по голубым — в мужской, благо спутать было трудно, поскольку Валя даже говорил двумя разными голосами, тенором и контральто.

Стало быть, вбежал в кабинет андрогин, успевший перекрасить сегодняшнее число в цвета неба, и воинственно подлетел к посетителю.

— Вас ист лос, шеф? Сейчас я этого гоблина делитом и в баскет!

Сиюминутная половая самоидентификация никак не отражалась на Валином лексиконе — в любой из своих ипостасей он выражался настолько своеобразно, что без привычки и знания языков не поймешь. Во всем было виновато хаотичное образование: Глен успел поучиться в швейцарском пансионе, американской хай-скул и закрытой католической школе под Парижем, но всюду задерживался ненадолго и нахватался от разных наречий по чуть-чуть. Николас содрогался от мысли, что через сто лет всё человечество, окончательно глобализовавшись, будет изъясняться примерно так же. Да и выглядеть, наверное, тоже. Пока же, слава Богу, Глен мог считаться существом экзотическим.

Сделалось стыдно — и за собственные вопли, и за невоспитанного ассистента. Фандорин махнул Вале, чтоб исчез, а перед посе-

тителем извинился, закончив словами: «Вы должны меня понять».

— Ничего, я понимаю, — снисходительно обронил несостоявшийся клиент, проводив взглядом Валю. — Этот молодой человек очень похож на вашу секретаршу. Ее родственник? Он тоже работает у вас?

— Да, брат. Помогает, когда дел много, — соврал Ника. Не объяснять же про голубое и розовое — у человека и так психика не в порядке.

Удовлетворившись ответом, странный гость снова воззрился на Фандорина. Пожевал губами. Изрек:

— Случай не очевидный. Суд удаляется на совещание.

Встал, с достоинством кивнул и прошествовал к выходу. Ну явный шизофреник, что с такого возьмешь.

Николас сокрушенно вздохнул, развернул монитор поудобней. Экран скинул черную завесу, ожил. Возник крупный план: лицо Екaterины. Величайшая женщина русской истории смотрела на Нику внимательно, не мигая, как будто знала, что решается ее участь.

Глава вторая

КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ?

Глаза же у матушки-государыни оказались светло-серые, лучистые, с хитрыми морщинками по краям. А может, морщинки не от хит-

рости, а от щек, подумал Митридат. Вон какие щеки пухлые, словно две подушки. Давят, поди, на глаза-то.

Богopodobная Фелица была вся такая: толстая, раздутая, будто едва втиснувшаяся в платье. Ступня, поставленная на резную скамеечку, выпирала из сафьяновой туфельки, как разбухшее тесто из чугунок, подбородок висел складками, и даже под носом, где по физиогномическому устройству вроде бы и не положено, тоже была складка — надо думать оттого, что ее величеству приходится много улыбаться без истинной веселости, по привычке извлек причину из следствия Митя.

Августейший взгляд задержался на маленькой фигурке на какую-нибудь секундочку, но Митридат сразу же прижал руку к сердцу, как учил папенька, и изящно поклонился, отчего на лоб щеко́тно сыпануло пудрой с волос. Увы, царица равнодушно скользнула своим светоносным взором снизу вверх, с полуторааршинного мальчугана на саженного индейца, не заинтересовалась и им. Чуть подольше разглядывала усатую женщину. Раздвинула губы в рассеянной улыбке, снова посмотрела в карты.

— Я чай, дама-то бубновая вышла? — произнес слабый, дребезжащий голос, выговаривавший слова на немецкий манер. Жирная рука нерешительно взяла из желоба на столе белую фишку, подержала на весу.

Как вам это понравится, а? Хороша повелительница Российской империи, не может за-

помнить, какие карты вышли, а какие нет! Это в бостон-то, игру простую и глупую, где всего тридцать шесть листков!

Тут Митя в императрице окончательно разочаровался. На портретах-то ее Минервой рисуют, Афиной Палладой, а сама как есть бабушка старая. Точь-в-точь ассессорша Луиза Карловна, что заезжает к маменьке по четвергам кофей пить. Даже чепец такой же! А что это у ее величества пониже уха (государыня как раз повернулась к партнерше слева)? Ей-богу, бородавка, сиречь кожный узелок на эпителиуме, и из бородавки седые волоски. Ну и ну!

Он жалостливо покосился на папеньку, что стоял справа и немного позади, как было предписано инструкцией. Вот уж кто, должно быть, сражен и убит. Как он живописал небесную красоту и величавость новой Семирамиды! Бывало, даже глаза увлажнялись слезой, а тут нате вам.

Но папенька, казалось, не заметил ни поросячьих щек, ни противной складки под носом, ни волосатой бородавки. Его прекрасные, немного навывкате глаза сияли экстатическим восторгом. Алексей Воинович тихонько ткнул сына пальцем в плечо: не вертись, стой смирно. И Митридат стал стоять смирно, только смотрел уже не на жирную старуху, а на других игроков, которые были несравненно приятней взору.

Когда Екатерина, наконец, решилась и на синее сукно неуверенно легла карта, моло-

денькая дама, что сидела слева, быстро захлопала пушистыми ресницами, закусилла нижнюю губку и неуверенно оглянулась на соседа, славного юношу в голубом мундире. Этих двоих Митя сразу признал, потому что, в отличие от царицы, оба были похожи на свои портреты. Юноша — его высочество Императрицын Внук, а прелестная особа — его супруга, урожденная маркграфиня Баден-Дурлахская. (Митя по привычке проверил память: маркграфство Баден — 712 тысяч населения обоого пола, из коих две трети придерживаются лютеровой веры; обширность — 3127 квадратных миль; добывают железо, а еще курят вина, славнейшие из которых «маркграфское» и «клингельбергское».) Ее высочество чуть повернула свои карты, чтобы супруг мог в них заглянуть, великий князь шепнул нечто в розовое ушко, и она тихонько прошелестела:

— Je passe.

Августейший Внук тоже спасовал — видно, и у него карта не задалась. Зато четвертый игрок, небывалый красавец в голубой муаровой ленте, с бриллиантовым кренделем на плече, на туфлях — замечательные пряжки из сверкающих камешков (надо думать, не цветные стеклышки, как у Митридата, а самые настоящие рубины-изумруды), — небрежно шлепнул государынину карту своей.

— Вот она, дама-то. Запомятавали, матушка, — засмеялся победитель и придвинул все фишки к себе.

Митя уже догадался, что это непременно должен быть наиглавнейший при ее величестве человек, сам Фаворит, светлейший князь Платон Александрович Зуров, больше никому. Папенька про князя много рассказывал. И всякий раз при том губу закусывал, крыльями носа дергал — сетовал на судьбу за злейшее к себе неблаговоление. Одному всё: и генерал-фельдцейхмейстер, и главноначальствующий флотом, и генерал-от-инфантерии, и крестьян пожаловано по круглому счету до пятидесяти тысяч, а другому, отнюдь не менее достойному, — разбитая жизнь, неутешное сердце да горькие сожаления. А ведь могло всё иначе быть, говаривал папенька, и тут его глаза всякий раз загорались искрами, подщипанные брови выгибались, а голос начинал трепетать и срываться.

Историю эту Митя слышал множество раз и знал в доскональности, слово в слово. Как служил папенька в юные годы в том же конногвардейском полку, откуда впоследствии вознесся Платон Александрович, и тоже сумел себя показать — уже присматривалась к писаному красавцу царица. Что присматривалась! Однажды (о вечнопамятный день!) изволила поманить пальцем, взяла за подбородок и повернула папенькину голову в профиль, а уж профиль у секунд-ротмистра Алексея Карпова был чистый бронза-мрамор, после чего кандидат был отправлен на осмотр к лейб-медику и достойно прошел апробацию у самой «испытательницы» Анны Степановны Протасовой,

чем впоследствии особенно гордился. В чем заключалась апробация, Митя представлял себе неявственно, но в этом месте родительского рассказа ему всегда делалось страшно. По словам папеньки, прославленная камер-фрейлина Анна Степановна была страшней африканского единорога, а единорогов Митридат видал на картинке в энциклопедии — куда как ужасны. Это у государыни нарочно так устроено, объяснял Алексей Воинович, — чтобы себя от женской обиды уберечь: если уж кандидат самой Протасовой не заробел и молодец себя проявил, то и ее царское величество не расстроит.

А только зря папенька геройствовал. Вернулся в столицу не ко времени грозный Киклоп, да и вышиб бойкого офицера и из Петербурга, и из гвардии, да так свирепо, что у папеньки тогда нервная болезнь приключилась, еле-еле потом пиявками да грибами-мухоморами залечился. Когда Митя был несмышленищем, ему часто по ночам мерещился Киклоп, злоковарное чудище с одним-единственным огненным глазом, замыслившее истребить весь карповский род. Это уж потом, войдя в разум и сделавшись из Митеньки Митридатом, он узнал, что папеньку обидел не греческий пещерный великан, а князь Потемкин-Таврический. Тому три года всемогущий временщик издох, и отставной секунд-ротмистр быстренько собрался в столицу, однако не задержался там и вернулся в слезах: оказалось, что новый Фаворит, этот вот

самый Зуров, сидит на своем месте прочно, собою ослепительно хорош, да и моложе папеньки на целых десять лет.

Про ослепительную красоту Митя неоднократно читал в романах, но думал, что это так пишут в метафорическом смысле. Оказалось, правда. Князь Зуров и в самом деле ослеплял: кожа на лице и руках вся посверкивала золотыми звездочками — прямо глазам больно. До сего дня Митя твердо знал, что самый красивый мужчина на свете — его отец, Алексей Воинович Карпов, а теперь вдруг усомнился. Тут же себя и устыдил: если папеньке на его белый с серебром камзол столько же бриллиантов понашить, да лицо-руки золотой пудрой присыпать, это еще посмотреть надо, кто выйдет краше.

— Еще партию? — спросила матушка-государыня — не у великого князя и великой княгини, а у Зурова.

Фаворит потянулся, скучливо зевнул, не прикрывая рта — блеснули ровные, крашеные жемчужной эмалью зубы.

— Надоело.

Их высочества, не дожидаясь ответа императрицы, сразу же поднялись из-за стола. Подсеменил пожилой лакей, ловко смахнул карты и фишки на серебряный поднос.

Государыня ласково поправила князю замывшийся кружевной манжет.

— Так не угодно ль в шахматы, друг мой?

Папенька снова ткнул сзади пальцем — вот оно, начинается, зри в оба.

А другой лакей уже нес доску, распрекрасную собой, слоновой кости и эбенового дерева; третий в два счета расставил фигуры — ее величеству белые, его светлости черные.

Придворные подошли, встали у стола почтительным полукругом — раньше, пока шла карточная игра, приблизиться не смели. Пользуясь сим прикрытием, папенька поднял Митю на руки — чтоб поверх пудренных затылков и дамских куафюр наблюдать за баталией.

Теперь, когда Внук с супругой встали, кроме двух играющих сидеть остался только один человек удивительно некрасивой наружности. Митя еще прежде на него поглядывал, пытался вычислить, кто таков, почему держится наособицу от всех прочих, отчего лицом дергает. И без того урод-уродом: нос утицей, шишковатый лоб, плешивый череп — прямо мертвая голова какая-то. На камзоле у некрасивого человека сверкала звезда, но какого именно ордена, Митридат не знал, ибо к внешне-декорационной сфере общественного организма интереса не испытывал — глупости это, не достойные внимания разумной личности. Несмотря на орден, непохоже было, что утконосый важная персона. Сидит себе один-одинешенек, никто на него и не смотрит, а те, кто близко стоят, все поотвернулись. Должно быть, увечный, стоять не может, пожалел урода Митя, вон у него и палка в руке. Ладно, Бог с ним, с инвалидом.

За спиной у государыни встал старый старик в черном одеянии, даже парик у него, и тот был черный, как при Петре Великом носили. Из всех мужчин один только этот старик был в парике с буклями, прочие, согласно моде, накладных волос не носили, пудрили свои собственные. Как ворон меж попугаев, подумал Митя про черного, странно смотревшегося среди пышных платьев, золоченых камзолов и разноцветных фраков. Только лицо не вороновье, скорее собачье, как у английского мопса: по бокам брыли, нижняя губа налезла на верхнюю, носишко совсем никакой, а глазки быстрые, пуговками.

Перед тем, как царице сделать первый ход, мопс наклонился к ней, зашептал что-то.

— Без тебя, сударь мой, знаю, — ответила она, поморщившись, и пошла пешком с е2 на е4. — Вы бы, Прохор Иванович, поменьше сырým луком увлекались.

Старик сконфуженно улыбнулся:

— Так ведь знаете, матушка, как в народе-то говорят: «Лук от семи недуг».

Ответа на шутку не последовало, и мопс сник, но от игроков не отошел. Митя и его тоже пожалел. Почтенный человек, сидел бы лучше дома, с внуками, чем шею тянуть, на цыпочки привставать.

Фаворит подумал-подумал и ответил правым конем на лодейное поле. Ага, будет разыгрывать карлсбадское начало. Интересно! Но на государынино выдвижение белого офицера светлейший бухнул пешкой на h5, и ста-

ло ясно: никакое это не карлсбадское начало, а просто Зуров ходит не думая, на авось. Что это за игра такая? Митя дальше и смотреть не стал.

В углу что-то стукнуло. Некоторые из придворных обернулись, увидели, что это у курносого калеки упала трость, и тут же утратили интерес к маленькому происшествию. Он, бедный, сам свою клюку (впрочем, замечательно красивую — красного дерева и с золотым набалдашником) поднять не мог, так и сидел неподвижно, только тонкой губой задергал.

Митя хотел подбежать, подать, но папенька удержал за фалду, шепнул испуганно: «Ты что, это ж Наследник!»

Ах вот кто это. Его императорское высочество, сын великой императрицы. Тоже несколько на свои портреты не похож — на портретах-то он хоть и не красавец, но величавый, важный. Может, раньше и был такой, пока паралич не разбил. Однако что же это ему никто не поможет? Или по церемониалу не положено?

Нет, мопс в черном бесшумно попятился от высочайшего стола, подсеменил к наследнику, нагнулся, подал упавшую трость и почтительно поклонился.

Сидевший посмотрел на доброхота, как показалось, с удивлением, но не поблагодарил и даже не кивнул — наоборот, дернул головой кверху. Славный старик около инвалида не задержался, тут же вернулся на прежнее

место — и вовремя. Государыня не оборачиваясь спросила:

— Что, Прохор Иванович, брать мне у князя пушку иль не брать?

— Беспременно брать, ваше величество.

А чего ее брать-то? Зурову уж давно сдаваться пора.

— Царицын сын — расслабленный телом, да? — шепнул Митридат папеньке.

Тот ответил тоже шепотом:

— Нет, это он от чванности. Ты за игрой следи.

Вот еще.

Митя стал вертеть головой по сторонам, исследовать, что за Малый Эрмитаж такой.

На стене большущая картина: Леда, лежащая в страстном положении с Юпитером во образе лебедя. Другой холст, немногим меньше: дева или, может, дама, в античной хламиде и златом венце, за нею чудесный дворец восточной наружности, на крыше зеленеет пышный сад. Ага, это, надо думать, изображена вавилонская царица Семирамида (правильнее Шаммурамат, поминается у великого Геродота) со своими висячими садами. Понятно.

Куда примечательней был висевший подле окна прибор — бронзовый, круглый. Ух ты, сообразил Митридат, и градусы показывает, и пульсацию атмосферы. Подойти бы, разглядеть получше, да жалко нельзя.

А больше ничего особенно любопытного в зале не было. Ну люстра хрустальная, радуж-

ная. Ну мраморные бюсты. Ну паркет с инкрустацией. От покоев, где собирается ближний круг величайшей монархии мира, можно было ожидать чего-нибудь и почудесней.

— Вот вам, Платон Александрович, и мат, — объявила Екатерина, и зрители мягко, деликатно похлопали. — Да не кручинься, душа моя, я тебя после утешу.

Наклонилась, зашептала придвинувшемуся Зурову что-то, по всему виду, веселое — сама мелко смеялась, трясла подбородками. Придворные тут же отодвинулись, а некие из них даже сделали вид, будто рассматривают люстру и лепнину потолка.

Фаворит тоже улыбнулся, но кисло. Молвил:

— Благодарю, ваше величество.

Ах, да что на них смотреть?

Больше всего Мите хотелось изучить диковинных соседей — американского дикаря и женщину с лихими, закрученными кверху усами. Он сделал два шажка назад, чтоб не в упор пялиться, и вывернул шею вправо, где переминалась с ноги на ногу удивительная усачка.

Вот уж чудо так чудо! Ведь анатомо-физиологическая наука утверждает, что особы женского пола, будучи наделены повышенной способностью к произращению волос в макушечно-теменной и затылочной частях краниума, к лицевой волосатости от природы не расположены. Подергать бы ее за ус — не приклеенный ли?

Похоже, и государыне пришло в голову то же.

Она снова, уже во второй раз, глянула на отдельно стоящих: Митридата с папенькой, индейца, мужчино-женщину и (впереди, в позе полкового командира на параде) обер-шталмейстера Льва Александровича Кукушкина, папенькиного с Митей благодетеля.

— Кого нынче привели, Лев Александрович? Чем распотешите? — спросила царица, приглядываясь. — Усы-то у нее настоящие?

Индеец, весь в перьях и стеклянных цветных шариках (вот бы потрогать!), шевельнулся. Не понимает по-нашему, догадался Митя. Думает, может, про него речь.

— Самые что ни на есть настоящие, ваше царское величество! Уж я девицу Евфимию за растительность дергал-дергал, все пальцы исколол. Намертво! — бодро, весело гаркнул Кукушкин. Ему и полагалось говорить весело — такая у Льва Александровича должность: придумывать затейства и кунштюки для увеселения ее величества.

Щелкнул усачке пальцами — приблизься, мол. И сам за ней подкатился, весь кругленький, легкий.

— Да вы, милая, точно женщина? — улыбнулась ее величество, оглядывая чудо природы.

Кукушкин приложил руку к груди:

— Лично проверял, ваше величество. Вся женская кумплектация на месте.

Придворные с готовностью захохотали — видно, ждали от Льва Александровича остроумия.

Засмеялась и императрица:

— Ой ли?

Лев Александрович поднял два пальца:

— Фима, давай.

Женщина громким шепотом спросила:

— Уже заголяться?

Присела, стала подбирать подол юбки. Хохот сделался пуще.

Ослабшая от смеха Екатерина махнула рукой:

— Ну тебя, старый греховодник. Убери свою монстру. Да сто рублей подари. Ох, распотешил...

Обер-шталмейстер поклонился, другой рукой, согнутой за спиной (Мите-то сзади хорошо видно), щелкнул — и сразу подскочили два служителя, утянули усатую Фиму прочь.

Теперь дошла очередь и до Карповых — российская Юнона, еще не доулыбавшись, повела взором с Мити на папеньку. Тот сглотнул, да и у Мити в грудной полости, где сердце, ёкнуло.

— А из этих кто? — спросила Екатерина. — Большой или маленький? Что они?

Папенька выступил вперед, раскланялся изящным манером, заговорил плавно, мягко, самым лучшим своим голосом:

— Вашего императорского величества покорнейший слуга, отставной конногвардейский секунд-ротмистр Алексей Карпов.

И чуть помолчал. Проверяет, не вспомнит ли его государыня, догадался Митя.

Нет, не похоже, чтоб вспомнила. Даже странно — такого красивого, приятного, и не вспомнить? Хотя что ж, она ведь старая уже, шестьдесят шестой год. В преклонные лета, как известно, умственная тинктура замедляет свое обращение, образуя в мозгу узелки и спайки, нарушающие стройность памяти.

— Вот сын мой Митридат, — продолжил папенька, указав на Митю, и тот низко, позаученному поклонился. — Посредством каждодневных многочасных экзерциций я развил в сем чудо-младенце невиданную остроту ума и ученость. Митридат перемножает и делит любые числа с резвостью непревзойденной. Столь же легко возводит числа в квадрат, извлекает корень, равно как производит и иные математические операции, еще более сложные. А еще, — здесь папенькин голос сделался совсем бархатным, — Митридат превосходнейше овладел тайнами благородной утехы монархов и мудрецов Востока. [Плавный жест в сторону шахматной доски.] И в сей игре ему нет равных, даже и среди признанных мастеров. А мальчику всего шестой годок...

Договорив приготовленную речь до конца, Алексей Воинович снова склонился, да так и застыл в благоговейном изнеможении. Митя вздохнул. Ничего не шестой, это уж папеньку занесло. Через полтора месяца сравняется семь.

— Такой крошка, а знает шахматы?

Touchè! Ключула! Государыня повернулась всем своим грузным телом, отчего нога, покоившаяся на скамеечке, соскользнула на пол.

— Ой!

Екатерина болезненно поморщилась, вскрикнула.

Из дальнего угла, расталкивая дам и кавалеров — будто фрегат, рассекающий волны, — к столу ринулся смуглый человек в расшитом позументами морском мундире.

— Съто, матуська, нозька болит? — закричал он, смешно коверкая слова. — А вот он я, твой верный Козёпуло, и волсебная водитька со мной!

Выхватил из преогромного кармана склянку с ядовито-лиловой жидкостью, бухнулся на коленки, осторожно снял туфлю и стал порхать по распухшей ступне ловкими жирными пальцами — мазать, тереть, мять, приговаривая что-то под нос на непонятном наречии.

— Влез, орех грецкий, — досадливо пробормотал обер-штабмейстер. — Всё испортил!

Папенька выпрямился, в отчаянии всплеснул руками:

— Кто этот невежа?

— Контр-адмирал Козопуло, морской разбойник. Наш новейший чудотворец, нынче при государыниной больной ноге состоит. Вишь ты, снадобье у него какое-то особенное. Лучше б его, щетинную морду, турки на кол посадили!

Щеки у адмирала и в самом деле были фиолетовыми от проросшей к вечеру щетины, да и на пирата он тоже чрезвычайно походил. Митя представил грека не в военном камзоле, с пудреными волосами, а в черном платке на голове, в алой, расстегнутой на волосатой груди рубахе, с кривой саблей за поясом — вот была бы картинка! Что ему по морям не плавалось?

— А вот и англичанин, лейб-медик Круис, — ухмыльнулся Кукушкин. — Ну, сейчас будет баталия при Лепанто.

Толпа придворных снова заколыхалась — к столу проталкивался строгий господин в золотых очках. Еще издали, тоже смешно выговаривая слова, но только не мягко, как адмирал, а чересчур твердо, он закричал:

— Извольте немэдленно прекратит! Ваше величество, вы губите свое августэйшее здоровье, доверяяс этому шарлатану! Я дэдал анализ его so-called эликсир! Это конская моча с самым дешовым матросским ромом!

И схватил сухой рукой грека за плечо, пытаясь оттащить.

— Ну да, лосядиные саки. — Адмирал двинул локтем, и лейб-медик отлетел в сторону. — И сьто? Моя бабка, старая лахудра, есё добавляла туда немнозько оветьих какасек, а я придумал лутьсе — натираю обезьянье... — И моряк употребил слово, которого, по мнению Мити, в царском дворце звучать никак не могло.

— Я ваших медицинских терминов не разумею, — засмеялась Екатерина. — А вы,

Яков Федорович, на моего Костю не серчайте. Он хоть в университетах не учился, но в разных странах бывал, всё повидал и руки у него мягкие. Ну а вы-то, Аделаида Ивановна, куда морду тычете? Ах, полизать хочет, мое золотце!

Митя вздрогнул и привстал на цыпочки. Слава Богу, последние слова адресовались не какой-нибудь из придворных дам, а жемчужно-серой левретке, усердно облизовавшей императрицыну щиколотку. Вон оно тут как: собаку зовут по имени-отчеству, а адмирала просто «Костей».

— А про нас с индейцем забыли, — шепнул Митя папеньке. — Выходит, Прожект не получился, да?

Тот лишь всхлипнул. Да и индеец хлопал своими глазами-маслинами невесело. Тоже и у него, дикого жителя девственных лесов, на этот день, надо полагать, имелось какое-нибудь особенное упование.

— Вы, сударь, из каких индейцев будете? — спросил Митя тихонько, сначала по-английски, потом по-французски. — Я про ирокезов читал, еще про чирокезов и алгонкинцев.

Вроде вежливо спросил, уважительно, а дикарь почему-то напугался. Отскочил от Мити, пробормотал:

— Big little man!

И еще перекрестился. Вот тебе и дикарь.

Папеньку было ужас как жалко. Ведь столько ждали этого дня! Денег одних из-

держано — на дорогу, да на наряды, да на кормовые, да Льву Александровичу Кукушкину на подарок, чтоб приглашение на малоэрмитажный четверг устроил (хоть и старый знакомец, а тоже ведь отблагодарить надо)!

Собственно, сколько издержано денег, сосчитать было нетрудно, потому что вести счет папенька доверил сыну — сам-то с арифметикой был не очень. Стало быть, так: двадцать восемь рублей тридцать три с четвертью копейки на лошадей, восемь рублей тринадцать с половиной копеек столовых, пятьсот тридцать рублей на платье, сто пятьдесят рублей за бронзовую наяду для Льва Александровича да на четыре рубля одиннадцать копеек прочих расходов, а всего (исчисление было простейшее, и Митя даже лоб морщить не стал) 720 рублей 57 копеек да три полушки. Шутка ли?

Да разве в одних деньгах дело?

Папенька своему Прожектору всю душу отдал, сколько раз маменьке во всех подробностях обсказывал, как оно все превосходно в их жизни переменится, когда матушка-императрица Митридатом восхитится и к своей особе его приблизит, а там, глядишь, вспомнит прежнюю симпатию и устремит свой солнечный взор на некоего отставного секунд-ротмистра. Ах, да куда солнцу до этого взора? Оно способно произрастить из семечки травинку, не более, а волшебный взор Екатерины может самую малую травинку вмиг

обратить в прегордый баобаб. Маменька слушала эти мечтания и только пунцовела от счастья.

Три с лишком года готовил папенька Митю. Можно сказать, только Прожектом и жил с того самого мгновения, когда обнаружил, что сынок у него не такой, как прочие дети.

До того дня младшенького жалели, считали дурачком. Мите ведь уже четвертый годок шел, а он ни слова не говорил. Губками пошлепывал, шелестел что-то, а никакого членораздельного речения от него не было. Уж и увещевали, и кричать пробовали — помалкивает и только, хотя вроде не глухой, всё слышит. Наконец махнули рукой, решили, что, видно, не жилец, приберет его Господь в невеликих годах, а пока пускай себе растет, как хочет.

Как Митюшу самому себе предоставили, тут у него самая интересная жизнь и началась. Больше всего он полюбил сидеть в классной комнате, где старшего брата Эндимиона мосье де Шомон и семинарист Викентий поочередно обучали наукам. Если малыша гнали, он закатывал рев и после долго икал, потому гнать перестали — пускай его сидит. Еще выяснилось, что кроха надолго затихает, если дать том из французской «La Grande Encyclopédie» (ее Алексей Воинович некогда со столичной службы привез, получил в уплату карточного долга). Глядели взрослые на маленького дурачка — умилялись: уставится на большенную страницу,

будто и впрямь читает. Если б им сказать, что Митя на четвертом году жизни и в самом деле читал французскую энциклопедию статью за статьей, том за томом, нипочем бы не поверили.

Но тут надо с самого начала рассказывать — с того самого мига, когда потомственный дворянин Звенигородского уезда Дмитрий Алексеевич Карпов начал свое знакомство с подлунным миром. Сей отпрыск старинной фамилии (в гербе — конское копыто и собачья голова на палке) явился на свет не как обычные пискуны, а в полном молчании и с широко открытыми глазами, которыми, к удивлению лекаря и повивальной бабки, принялся немедленно вращать и хлопать. Что новорожденный молчал, было, пожалуй, не столь и удивительно — очень уж оглушительны были стенания роженицы, измученной безысходными многочасовыми потугами и принужденной подвергнуться жестокой операции чревовзрезания. При отчаянном шуме, производимом несчастной, надежды быть услышанным у новопришельца было бы немного. А вот открытые, ясные глазенки, с первого же мига зажегшиеся ненасытимым любопытством, и в самом деле являли собой феномен в своем роде исключительный.

Другая интригующая особенность проявилась чуть позже, когда на голове младенца отросли волосенки — всюду каштановые, а на

темечке седое пятнышко, из которого со временем произросла серебристая прядка. Однако значение этой символической меты открылось много позднее, а поначалу никто ничего такого не подумал. Мало ли что: у одного родимое пятно, у другого веснушки, а у этого на голове белая клякса.

Отец заранее приготовил для второго чада, буде родится мужского пола, превосходное имя Аполлон, однако был вынужден поступиться благозвучным прозванием в пользу обыденного Дмитрия. Так звали тестя, в денежном воспомоществовании которого у отставного конногвардейца в ту пору как раз явилась самая неотложная нужда в связи с некими карточными обстоятельствами.

Крохотный Дмитрий Алексеевич был помещен в колыбельку, построенную умельцем из родительского имения Утешительного (прежней Сопатовки) на манер корабля, и пустился на сем челне в плавание по морю жизни, поначалу тихому и мелководному.

В спаленке на потолке было изображено вращение планет вокруг Солнца. Эту-то картину Мите и суждено было лицезреть в продолжение всего первого года своего земного бытия. Напротив каждого небесного тела русскими и латинскими буквами указывалось его название, так что объект и его письменное обозначение слились для Мити воедино много ранее, чем сопутствующее тому же предмету устное наименование. Сначала было **Солнце** ☼ **Sol**; потом, когда Митеньку первый раз

вынесли в сад и показали на желтый жаркий кружок, появилось «*солнце*», а соединил первое и второе он уже собственным разумением, и то был самый волнующий и таинственный миг в его жизни.

Ужасно хотелось поскорей выучиться ходить, но изверги продержали спеленутым чуть не до года. Зато когда пустили ползать, Митя уже к вечеру научился переступать, держась за стенку, а назавтра ходко ковылял по всему дому, делая всё новые и новые открытия.

Что не разговаривал ни с кем до трех лет, так недосуг было. Что интересного мог он услышать от окружающих? От няньки Малаши, когда укладывает в кроватку: «Баю-бай, баю-бай, заберет тебя Мамай». От маменьки, когда утром принесут к ней в спальню — показать: «Усю-сю, Митюшенька, сахарный мой душенька». От братца Эндимиоши, когда забежит в детскую спрятать в верное место, под колыбелькой, рогатку или тряпицу с уворованным у папеньки табаком: «Что, урод, всё в пеленки гадишь?» (Вот и неправда. Митя с шести месяцев приучил няньку: как зацокает языком, стало быть, зов натуры. А что она, дура непонятливая, раньше не скумекала, об чем цоканье, так то не его вина.)

Главное Митино приключение той безгласной эпохи было потихоньку забраться к папеньке в кабинет, где книги, или, того лучше, к гостям — под столом сидеть. То-то слушаешься, то-то нового узнаешь: и про войну с турками-шведами, и про якобинцев,

и про московские происшествия. Но во взрослых комнатах тем более языком болтать незачем, иначе сразу подхватят на руки и уволокут назад, к Малаше, по тысячному разу слушать ерунду про Кота Котовича и Бабу Ягу.

Вот когда Митя отвоевал себе право сидеть у брата в классной комнате, тогда и началась настоящая жизнь. Каждый день открытия, пир разума! Мосье де Шомон учил по-французски и по-немецки, да из географии, да из истории, да из астрономии. Викентий — арифметике, да русской грамматике, да Божьему Закону. Жаль, уроки были всего два часа в день, и еще раздражал тупостью Эндимион, сколько времени из-за него попусту пропадало! Про себя Митя называл старшего брата Эмбрионом, ибо по развитию мыслительной функции сей скудоумец недалеко продвинулся от человеческого зародыша.

Вечером, когда дом засыпал (а ложились в Утешительном рано: летом в десятом часу, зимой в восьмом), наступало самое главное время.

Тихонько, на цыпочках, мимо храпящей на сундуке няньки, в коридор; там легкой мышкой на лестницу — и в верхнее жилье, по-французски *belle-étage*, где кабинет. Под столом заранее спрятаны свеча и тяжелый, не поднимешь, том «Великой энциклопедии». Часов до пяти существуешь по-царски, общаясь с особами, равными тебе разумом, — перед одним благоговейно склонишь голову, с

иным, бывало, и заспоришь. В шестом часу назад, спать. Это ведь уму непостижимо, что человеки треть своей жизни, и без того недлинной, на подушке проводят! Зачем столько? Трех часов для телесного отдыха и освежения ума куда как довольно.

Еще и посейчас Митя, бывало, сомневался, не зря ли он в тот осенний день разомкнул уста. Минутный порыв, понуждение чувствительного сердца положили конец тихим радостям безмолвного уединения. Очень уж жалостно было смотреть, как убивается в гипохондрии папенька, который только что вернулся из Петербурга, куда ездил, обнадеженный смертью Киклопа, да несолоно вернулся. День за днем, прямо с утра и до вечера, Алексей Воинович горько плакал, воздымал к небу руки и проклинал жестокую судьбу, обрекшую его прозябать в подмосковном ничтожестве, на две тысячи восемьсот рублей годового дохода, безутешным родителем двух выродков — никчемного балбеса и бессловесного дурачка.

В доме было тихо. Маменька терзалась головными вапёрами, братец спрятался на чердаке, чтоб не высекли, дворовые тоже позатаились. И тогда Митя принял великодушное решение: пускай папеньке хоть в чем-то будет облегчение. Пускай утешится по поводу младшего отпрыска, который никакой не дурачок и слова произносить, если пожелает, очень даже умеет.

Сначала, для практикума, попробовал говорить вслух сам с собой. Раньше, конечно, тоже иногда разговаривал в монологическом регистре, но беззвучно, одними губами, а тут обнаружилось, что голос за мыслью никак не поспевает. (Эта скороговорливость и потом осталась, так что не всякий ее и понять мог, особенно если Митя увлечется какой-нибудь интересной мыслью.) Тут еще следовало учесть папенькину бурливость чувств. Произнесенная фраза должна была быть короткой и завершиться прежде, чем Алексей Воинович начнет бурно восклицать и тем испортит всю эффективность. Самое простое — войти и поздороваться, но не по-русски (эка невидаль для трехлетки), а на иностранном языке. И коротко, и впечатлительно.

Вошел в столовую, где у окна рыдал папенька, рассыпав незавитые и даже нечесанные локоны по подоконнику. Сказал, стараясь выговаривать французские звуко сочетания в точности как мосье де Шомон: «Bon matin, рара¹».

Папенька обернулся. То ли не расслышал, то ли решил, что почудилось. Страдальчески поморщился, простонал: «Поди, поди, дитя неразумное!» И рукой на дверь показал, а сам зарыдал еще пуще — вот как от Митинога вида расстроился.

Тогда Митя ему про разумность и неразумие процитировал из Паскалевых «Pensées»

¹ Доброе утро, папенька (фр.)

(как раз накануне ночью книгу прочел и многие максимы слово в слово запомнил — до того хороши): «Deux excès: exclure la raison, n'admettre que la raison»¹.

Вышло еще эффектнее, чем хотел. Недооценил Митя папенькиной чувствительности — Алексей Воинович, прослушав максиму, закатил глаза и пал в обморок. А когда очнулся, увидел над собой оконфуженное лицо меньшого сына, бормотавшего по-русски, по-французски и по-немецки слова утешения, то воздел руки к небу и возблагодарил Провидение за явленное чудо.

Потом папенька долго ахал и дивился, узнавая, что малыш может и по-латыни читать, и в разных науках сведущ изрядно. Но более всего родителя поразили Митина памятьливость и сноровка в арифметических исчислениях. Ну, запоминать интересное — невелико чудо, хоть бы даже и целыми страницами — это он папеньке легко объяснил, а вот про цветные цифры растолковать затруднился, ибо и сам не очень понимал, как в мозгу свершается арифмометрическая механика.

Тут было так: единица — она белая, двойка малиновая, тройка синяя, четверка желтая, пятерка коричневая, шестерка серая, семерка алая, восьмерка зеленая, девятка лиловая, ноль черный. Кто этого не видит, без толку и объяснять, что, когда берешь, к при-

¹ «Есть две крайности: перечеркивать разум вовсе и признавать один лишь разум». (фр.)

меру, число 387, оно навроде трехцветного леденца — сине-зелено-алое. Перемножаешь его с числом 129, бело-малиново-лиловым, все цифры вмиг переплетаются в толстую многоцветную косичку, колоры перетекают из одного в другой, и дальше просто: называй образовавшиеся части спектра подряд, вот и выйдет искомое 49923. Тож и при делении.

Папенька послушал-послушал невнятные разъяснения и вдруг наподобие Архимедеса Сиракузского как закричит: «Эврика!» Подхватил Митеньку на руки и побежал на маменькину половину. Там пал на колени и стал целовать маменьку в живот, прямо через платье. «Что вы делаете, Алексис?» — вскричала та испуганно.

— Лобзаю благословенное ваше чрево, произведшее на свет Геракла учености, а вместе с тем проложившее нам дорогу к Эдему! Воззрите, любезная Аглая Дмитриевна, на сей плод чресел наших!

В тот миг и родился Прожект.

Во времена папенькиного детства много говорили о маленьком музыканте Моцарте, которого отец возил по Европе, показывал монархам и получал за то немалые награды и почести. Чем Дмитрий Карпов хуже немецкого натурвундера? В музыке несведущ? Да кому она у нас в России нужна, сия глупая забава. Свет-государыня хоть оперы с симфониями слушает, но больше для назидательности и привития придворным изящного вкуса,

а сама, рассказывают, иной раз и засыпает прямо в ложе. Не нужно никакой музыки! В столице все только и говорили, что о новом увлечении ее величества, шахматной забаве. Многие кинулись изучать умственную игру. Папенька тоже купил доску с фигурами, выучился головоломным правилам — ну как пригодится? Увы, не пригодилось. У царицы и без Алексея Карпова было с кем повоевать в шахматы.

А если предъявить ее величеству небывалого партнера — премаленького мальчишечку, от горшка два вершка? Это будет кунштюк получше Моцарта!

Бледнея от страха разочароваться, звенигородский помещик перечислил своему удивительному отпрыску правила благородной игры, и, разумеется, свершилось чудо, а вернее, никакого чуда не произошло, ибо шахматные премудрости показались поднаторевшему в цветных исчислениях Мите сущей безделицей. В первой же партии трехлеток одержал над отцом решительную викторию, а вскоре обыгрывал всех подряд, давая в авантаж королеву и в придачу пушку.

Отныне в жизни карповского семейства и прежде всего самого младшего его члена всё переменилось. Гераклу учености наняли полдюжины преподавателей для постижения всех известных человеческому роду наук, и успехи юного Митридата (так теперь именовали бывшего Митюшу) превосходили самые смелые чаяния счастливого родителя. Раз в ме-

сяц нарочно ездили в Москву покупать новые книги — какие только Митя пожелает. Крестьянам и в Утешительном, и в дальней деревне Карповке для того назначили специальную подать, книжную: по полтине в год с ревизской души, либо по две курицы, либо по три фунта меда, либо по мешку сушеных грибов, это уж как староста решит.

Митя в доме стал самый главный человек. Если сидит в классной комнате, все говорят шепотом; если читает книгу, опять же все ходят на цыпочках и разувшись. А поскольку новоявленный Митридат все время либо учился, либо читал, стало в господском доме тихо, шепотно, будто на похоронах.

Нянька Малаша теперь тиранствовать над мальчиком не могла. Не хочет спать — не укладывала, не хочет каши — насильно не пичкала. Очень за это убивалась, жалела. Однажды, когда Митя при всех домашних блестяще сдавал экзамен по немецкому, стрекоча на сем наречии много быстрее учителя, нянька молвила, пригорюнясь: «Ишь как жить-то поспешает. Видно недолго заживется, сердешный». Папенька услышал и велел выпороть дуру, чтоб не каркала.

Конечно, в новой Митиной жизни не всё были розы, хватало и терниев. К примеру, очень докучал братец — завидовал, что «малька» теперь одевали по-взрослому, в кюлоты с чулками, в сюртучки и камзолы. То ущипнет исподтишка, то уши накрутит, то в башмак лягушонка подложит. Пользовался, му-

читель, что Митя придерживался стоической философии и брезговал доношением. Да что с неразумного взять? Одно слово — Эмбрион.

Через год Митридат был готов. Хоть сажай в карету и вези прямо к государыне или даже в Академию де сиянс — лицом в грязь не ударит. Дело медлилось за малым — подходящей оказией. Как чудесного отрока государыне предъявить и заодно себя показать? (Маменьку по понятной причине брать с собой ко двору не предполагалось.)

Оказии ждали еще два года, пока в Москву не пожаловал благодетель Лев Александрович. За это время Митя «Великую энциклопедию» всю превзошел и увлекся интегральными исчислениями, что на папенькин взгляд уж и лишнее было. Алексею Воиновичу ожидание давалось тяжело, как отцу девицы-красы, у которой никак не составитсЯ достойная партия, а девка тем временем перезревает, застаивается. Одно дело четырехлетний шахматист и совсем другое — почти семилетний.

А Митя ничего, не томился. Жить бы так и дальше, с книгами да уроками. Папеньку вот только было жалко.

Сколько трудов и надежд положено, сколько преград одолено, а она и смотреть не желает! За папенькин жалкий вид, за изнурительно тесный камзол, за чешущуюся под насаленными волосами голову (а ногтями поскрести ни-ни, про это строжайше предупреждено)

Митя разозлился на толстую старуху, брови насупил. Если б глаза могли источать тепло, подобно тому как солнце ниспосылает свои лучи, прямо подпалил бы неблагодарную, поджег ей взбитую пудреную куафюру!

Тепло не тепло, но некую субстанцию Митин взгляд, похоже, излучил, потому что императрица, еще не отсмеявшись над препирательством грека с англичанином, вдруг повернула голову и взглянула на маленького человека в лазоревом конногвардейском мундирчике в третий раз. Тут-то Митя и отплатил ей, привереде, разом за всё: скорчил обидную рожу и высунул язык. На-ка вот, полюбуйся!

Глаза Семирамиды изумленно расширились — видно, во дворце никто ей языка не показывал.

— Сколько лет, говорите, вашему крошке? — спросила она у папеньки.

— Шесть, ваше императорское величество! — вскричал окрыленный Алексей Воинович. — У меня и приходская книга с собой прихвачена, можете удостовериться!

Розовый палец поманил Митю.

— Ну, скажи мне...

Хотела вспомнить имя, но не вспомнила. Папенька сладчайше выдохнул: «Митридат».

— Скажи мне, Митридат...

Не сразу придумала, что спросить. По ласковой улыбке видно было, что хочет задать вопрос полегче.

— Какой нынче у нас год?

— По какому летоисчислению? — быстро спросил Митя, подбираясь к старухе поближе (от нее пахло лавандой, пудрой и чем-то пряным, вроде муската). Не дожидаясь ответа, зачастил. — От сотворения мира по греческим хронографам — год 7303-ий, по римским хронографам — 5744-ый, от Ноева потопа по греческим хронографам — 5061-ый, по римским — 4088-ой, от Рождества Христова 1795-ый, от Египы сиречь бегства Магометова 1173-ий, от начатия Москвы — 648-ой, от изобретения пороху — 453-ий, от сыскания Америки 303-ий, а от воцарения государыни Екатерины Второй — 33-ий.

Царица руками всплеснула, и все вокруг сразу зашущукались, языками зацокали. Ну а дальше всё как по маслу пошло.

Митя немножко поумножал трехзначные числа (Фаворит самолично пересчитал столбиком на салфетке — сошлось); потом извлек квадратный корень из 79566 (проверить смог только Внук, да и то с третьего раза, всё сбивался); назвал все российские наместничества, а про какие особо спросили — даже с уездными городами. Дальше так: обыграл в шахматы обер-шталмейстера Кукушкина (четыре хода хватило) и черного старика, оказавшегося тайным советником Масловым, начальником Секретной экспедиции (этот играл изрядно, но где ж ему против Митридата?), а напоследок сразился с самой государыней. Тут немножко увлекся, забыл, что папенька учил ее величеству поддаться, и разгромил белую

рать в пух и прах. Но Екатерина ничего, не обиделась, а даже облобызала Митю в обе щеки. Назвала «милончиком» и «умничкой».

Еще продекламировал державинскую «Фелицу», стихи глупые, но приятно-трескучие, в завершение же триумфального действия с низким поклоном произнес:

— Лыщусь надеждою, что сими скромными ухищрениями сумел отвлечь великую государыню от бремени державных забот. Почту за высшее счастье, если ваше императорское величество и ваши императорские высочества, равно как и ваша светлость [это Фавориту — папенька велел про него ни в коем случае не забыть], в награду за мое доброе намерение ответят на мой поклон прощальными рукоплесканьями.

Глава третья

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

Вежливо попрощавшись с лысым братом фандоринской секретарши (тот выщипывал пинцетом фиолетовую, как у сестры, бровь и на уходящего даже не взглянул), Собкор покинул офис 13-а в глубокой задумчивости.

Потыкал пальцем в кнопку вызова лифта и нескоро сообразил, что кабина приезжать не собирается. За время, которое Собкор провел в «Стране советов», скрипучий элеватор успел выйти из строя. Такой уж, видно, нынче выдался день, топать пешком по ступенькам — то вверх, то вниз.

Ладно, спуститься с пятого этажа — дело небольшое, ноги не отвалятся.

Собкор двигался навстречу окну и жмурился — сквозь пыльные стекла светило солнце, погода для ноября стояла удивительно ясная и теплая.

Семь раз отмерь, один раз отрежь, бормотал он себе под нос. Урок, хороший урок на будущее. А то мы всё сплеча да наотмашь. Вот ведь по всем признакам гад и брехун, а поближе посмотреть да в глаза заглянуть — живой человек. Если тебе оказано такое доверие, если тебе дана такая власть, ответственной нужно, без формализма. А то ведь там долго разбираться не станут, раз-два и готово. Еще и дети невинные пострадают, как тогда, в «мерседесе». В Содоме и Гоморре тоже, надо думать, были малые дети, которые во взрослых безобразиях не участвовали, а ведь и на них тоже пролил Господь серу и огонь — заодно, до кучи. А кто виноват? Не Бог — Лот. Это он, Божий уполномоченный, должен был подумать о детях и напомнить руководству. Тоже ведь был, можно сказать, собкором. Должность нешуточная. Вот в редакции, перед тем как первый раз в долгосрочку послать, сколько человека проверяли, перепроверяли, инструктировали. Чтоб понимал: собственный корреспондент — глаза и уши газеты, да не абы какой, а самой главной газеты самой главной страны. И то была всего лишь газета, а тут инстанция куда более возвышенная.

Нельзя заноситься, нельзя отрываться от людей, строго сказал себе Собкор. Приговор отменить, это первым делом. Пускай себе живет, раз не пропащий человек.

На площадке четвертого этажа расположилась компания бомжей. Двое сидели на подоконнике (на газетном листе бутылъ бормотухи, вареные яйца, полуобгрызенный батон), третий уже сомлел — лежал прямо поперек лестницы, раскинув ноги. Глаза закрыты, изо рта свисает нитка слюны, к небритой щетине пристала яичная скорлупа.

Какой он к черту буржуй, подумал Собкор про магистра-президента. Офис без евроремонта, лифт не работает, в подъезде вон бомжи киряют.

— Да здравствуют демократические реформы? — сказал он вслух и подмигнул бедолагам. — Так что ли, мужики?

Лежащий на его слова никак не откликнулся. Один из сидящих, с рыжеватыми волосами и, если помыть, еще совсем молодой, сказал с набитым ртом:

— Чего ты, чего. Сейчас докушаем и пойдем. Кому мы мешаем?

Другой просто шмыгнул распухшим утиным носом, подвинул батон к себе поближе.

Эх, несчастные люмпены. Щепки, отлетевшие от топоров рыночных лесорубов.

— Да мне-то что. Хоть живите тут, — махнул рукой Собкор.

Надо бы порасспросить, как до такой жизни дошли. Наверняка на пути каждого из них

встретился какой-нибудь гниlostный гад — обманул, выгнал из дому, лишил работы, подтолкнул оступившегося.

Собкор замер в нерешительности — вступать в беседу, не вступать. Мужики смотрели на него с явной тревогой. Не будут откровенничать, им бы сейчас выпить да закусить.

Ну, пускай расслабляются.

Прошел мимо сидящих. Через спящего алкаша пришлось переступить — очень уж привольно расположился.

В тот самый миг, когда Собкор уже поставил одну ногу на ступеньку, расположенную ниже лежащего, а вторую еще не оторвал от площадки, клошар вдруг открыл ясные, совершенно трезвые глаза и со всей силы ударил Собкора грубым армейским ботинком в пах.

Ослепший от боли Собкор не успел и вскрикнуть. Рыжий и курносый вмиг слетели с подоконника, заломили ему локти за спину, причем оказалось, что оба бродяги почему-то в прозрачных резиновых перчатках, а тот, что притворялся спящим, задрал Собкору брючину и ткнул в голую лодыжку черной трубкой с двумя иголками.

Раздался треск электрического разряда, пахло паленым, и в следующую секунду (впрочем, следующей она была только для выпавшего из режима реального времени Собкора) перед его глазами оказался дощатый потолок, с которого свисали лохмотья паутины и клочья отслоившейся краски.

Потолок был наклонный, в углу смыкавшийся с полом. А когда Собкор повернул голову, то увидел сияющий квадрат окна с треснувшим стеклом, услышал откуда-то снизу завывание автомобильной сигнализации и подумал: я нахожусь на чердаке большого дома. Окошко выходит во двор, не на улицу — иначе был бы слышен шум движения.

Дул сквозняк, а холодно не было. Крышу солнцем нагрело, что ли.

Собкор посмотрел в другую сторону. Увидел сверху и чуть сбоку, совсем близко, небритую рожу Яичного. Скорлупы на щеке у него уже не было, но мысленно Собкор называл разбойника именно так. В руке Яичный держал большой ком ваты, источавший резкий и неприятный запах. Нашатырь. Очевидно, только что отнял от лица пленника. Рыжий и Курносый стояли чуть поодаль.

«Идиоты, нашли кого грабить», хотел сказать им Собкор, но вместо этого только замычал — губы не пожелали размыкаться. Оказывается, они были залеплены пластырем, а он сразу и не заметил.

К жертве грабителей понемногу возвращалось сознание, и открытия следовали одно за другим. Руки-то скованы за спиной наручниками. А ноги стянуты ремнем. Судя по тому, что сползли брюки, его же собственным.

— С возвращением, — сказал Яичный, оттянув пленнику веко. — Зрачок нормальный, контакт с действительностью восстановлен.

Приступаем к прениям. Извольте обратить свой просвещенный взор вот сюда.

Собкор скосил глаза и увидел зажатый в пальцах бандита шприц.

— Тут, коллега, едкий раствор. Игла вводится в нервный узел. Интенсивность и продолжительность болевого синдрома зависят от дозы.

«Интенсивность, синдром», ишь ты, прямо профессор, подумал Собкор.

Яичный дернул его за руку, чуть не вывернув плечевой сустав, и аккуратным, точным движением, прямо через пиджак и рубашку, ткнул иглой в локоть.

Гххххххххх, подавился невыплеснувшимся воплем Собкор и секунд десять корчился, стучась затылком и каблуками об пол.

Подождав, пока конвульсии утихнут, Яичный продолжил:

— Это была минимальная доза. В порядке дегустации. Для экономии времени и сил. Моего времени и ваших сил. И чтобы вы поняли: мы не дилетанты, а профессионалы. Вы сами-то профессионал или как?

Собкор вопроса не понял, однако кивнул.

— Ну, значит, умеете оценивать ситуацию. Раунд проигран, информацию из вас мы все равно добудем. Вы знаете, что технические средства это гарантируют, вопрос лишь во времени. Так что, поговорим?

Собкор снова кивнул.

— Ну вот и золотце, — усмехнулся Яичный. — Значит, так. Официальную биогра-

фию можете не рассказывать, ее мы знаем. Лучше поведайте нам, уважаемый Иван Ильич Шибякин 1948 года рождения, как складывалась та линия вашей судьбы, что сокрыта от невооруженного глаза. Я спрашиваю, вы отвечаете. Четко, полно, честно. Я обучен определять дезинформационные импульсы по микросокращениям зрачка. Чуть что — получите дозу. Итак. Вопрос номер один. В какой структуре проходили спецобучение? ГРУ?

Собкор кивнул и в третий раз.

— Отлично. Я чувствую, мы поладим. — Яичный потянул за пластырь. — Вопрос номер два. Сколько вас?

Едва рот освободился от липкого плена, Собкор, не теряя ни мгновения, вцепился допросителю зубами в палец. Вгрызся, что было сил. На языке засолонело. Хотел во все откусить, но Яичный, выматерившись, ткнул Собкора указательным пальцем другой руки куда-то под скулу, и от этого лицо вдруг одеревенело, челюсти разжались сами собой.

Укушенный налепил пластырь обратно, затряс окровавленной рукой.

Протягивая ему платок, Рыжий сказал:

— Она же предупреждала: вряд ли профи, скорее идейный. Такого на два прихлопа не расколешь. Чего ты вздумал в гестапо играть? Сказано, в Мухановку, значит, в Мухановку. Всё выслужиться хочешь, в дамки лезешь?

Яичный скрутил платок жгутом, перетянул раненый палец.

— Нам тут так на так до ночи сидеть, — зло процедил он. — Не тащить же его через двор среди бела дня? Время — субстанция конечная, его беречь надо. Опять же не впускую париться, а дело сделать. Ничего, я всяких колол. И идейных тоже. Пытка — не попытка. Да, товарищ?

Это он уже обратился к Соббору — наклонился к самому лицу пленника, подмигнул, а у самого глаза бешеные. Разозлился, значит, из-за пальца-то.

Собкор говорить не мог, а потому тоже подмигнул. Мысль у него сейчас была одна: пробил час испытания. Нисколько не боялся. Даже обрадовался, потому что знал — выдержит.

Рыжий сказал:

— Охота тебе. В Мухановке вколем дозу — скворушкой запоем. Всё расскажет: и сколько, и кто, и где.

А третий, которого Собкор окрестил Курносым, помалкивал, держал руки в карманах. Слова Рыжего взволновали пленника. А ну как в самом деле накачают наркотиками? Не выболтать бы, о чем не положено знать никому и никогда.

— Охота, — отрезал Яичный. — Я эту гадюку кусачую сейчас без химии поучу уму-разуму, по-афгански.

Он нагнулся, взялся одной рукой за ремень, которым были стянуты щиколотки Соб-

кора, и рванул, намереваясь выволочь узника на середину чердака.

Рывок был такой мощи, что старый, в нескольких местах перетертый ремень лопнул. Яичный едва удержался на ногах, Собкор же проворно встал на колени, потом на корточки, увернулся от рук Курносого и, не тратя времени на то, чтобы распрямиться, метнулся к окошку. Вышиб головой прогнувшую раму, кубарем прокатился по теплой, сверкающей бликами крыше и ухнул вниз, в густую тень.

Об асфальт он ударился спиной. Боли и звуков не было, но зрение и обоняние Собкора покинули не сразу. Он судорожно вдохнул запахи двора: сырость, бензин и карбид. В голубом прямоугольнике зажатого меж корпусами неба светило солнце.

Внезапно, очень явственно и отчетливо он увидел себя, молодого, четверть века назад. Рядом стояла жена. Они только что приехали на Остров Свободы, в первую загранку, вышли на балкон и смотрели на океан, на залившую солнцем Гавану. «...Семьсот сертификатов будем тратить на жизнь, а по пятьсот пятьдесят будем откладывать, да, Вань? Накопим, Вань, и купим двухкомнатную на Ленинском или на Академической», — щебетала Люба счастливым голосом. Собкор слушал и улыбался, а вокруг было столько света, сколько никогда не бывает в северных широтах.

Вдруг солнце начало стремительно меркнуть, небо потемнело, а облака сделались по-

хожи на черные дыры. Это конец света, удовлетворенно подумал Иван Ильич. Допрыгались, гады? Ну, теперь вы за всё ответите.

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер.

Глава четвертая

АМУР И ПСИШЕЯ

*Ах, лутьше б умер я, несчастный,
Нежель сердечну муку длить
И тицтсья пламень сладострастный
Слезами горькими залить,*

— бормотал себе под нос нечесаный господин в засаленном сюртуке, отчаянно гримасничая и размахивая кулаком.

Пиит, с уважением подумал Митя. Внимает зову музыки. Однако на всякий случай отодвинулся подальше — еще зашибет в лирическом упоении, ручища-то вон с оглоблю, да и пахло от Аполлонова жреца нехорошо, кислятиной и пóтом.

Среди собравшихся в сей позднеутренний час в апартаментах светлейшего князя Зурова стихотворец один был обтрепан и не напудрен, все прочие явились парадно, благоухая цветочными ароматами и немецкой туалетной водой.

Снова, как вчера, приходилось ждать, но умудренный опытом Митя уже понимал: придворная жизнь по большей части состоит в

ожидании. Сегодня, правда, томились не только Карповы, а все, пришедшие засвидетельствовать почтение великому человеку. Дам почти не было, всё больше господ, в том числе преважные, иные в генеральских мундирах, а у некоторых на камзолах такие бриллиантовые пуговицы, что за каждую, наверно, можно по два Утешительных купить. Стояли смирно, в голос никто не говорил, и вообще, как приметил Митя, держали себя здесь много строже, чем давеча в высочайшем присутствии. Сам же себе сей удивительный феномен и разъяснил: там, на четверговом собрании у государыни, что — лестно быть приглашенным, и только, а тут у людей судьба решается. Вот где подлинное вместилище власти, в этих беломраморных комнатах, примыкающих к внутренним царицыным покоям.

Человек с полста собралось, не меньше, и все беспрестанно поглядывали на высокую злато-белую дверь, откуда, должно быть, и следовало появиться Платону Александровичу. Каждый день в десять утра светлейший завивал волосы, попутно принимая просителей и значительных персон, кто приехал в Петербург или же, наоборот, собирался отъехать. Всякий посланник, даже из наипервейших европейских держав, знал: прежде чем предстать перед императрицей, надобно засвидетельствовать почтение Фавориту, иначе милостивого приема не жди. Вот и сегодня вместе с прочими дожидался какой-то восточный вельможа, в парчовом тюрбане, при

красной бороде. Пальцы достойно сложены на брюхе, веки приопущены, из-под них нет-нет да и блеснет искорка — приглядывается, высматривает. Интересно, кто таков — перс или, может, бухарец? Вот бы с кем потолковать, порасспрашивать, чем попусту время тратить.

Митя с папенькой пришли загодя, в начале десятого, а уже минуло одиннадцать. Что-то заспался князь, но посетители, даже самые развельможные, не роптали. Лишь один пухлый генерал с черной повязкой на глазу все причитал, что кофей простынет. Рядом с Карповыми топтался говорливый старичок со звездой, он и шепнул, что сей заслуженный воин, измайльский герой, научился у турков варить замечательный кофей. Однажды Платон Александрович отведать знаменитого напитка и изволил похвалить, с тех-то пор Михайла Илларионович (так звали героя) почитает за обязанность каждое утро приезжать к светлейшему и собственноручно варить кофе. Ловок, с завистью сказал старичок. Этак в аншефы выплывает, на кофее-то.

Неужто это и есть чудесная придворная жизнь, о которой мечталось папеньке, вздохнул Митя. Сколько за вчера и за сегодня можно бы книг перечесть, интересных дум передумать...

— Не вертись, — шепнул Алексей Воинович. Нагнулся, поправил сыну тупей и тихо, чтоб сосед не слышал: — Ничего, mon ange,

потерпи. Они все просители, а мы приглашенные. Это большая разница.

Руки у папеньки трепетали еще больше, чем вчера. Шутка ли — сам Зуров к себе позвал! Императрица, та подарила сто червонцев и велела завтра ввечеру приходить в Бриллиантовую комнату, в шахматы играть, но сказала это лениво, зеваючи, а вот светлейший, прежде чем последовать за ее величеством в опочивальню, изрек кратко, непрекаемо: «Чтоб завтра на завивке были у меня. Оба».

Всю ночь папенька не спал, метался по гостиничной комнате. То страшился Фаворитовой ревности, то уповал на невиданные милости, то истово бил поклоны перед дорожной иконой. Мите и самому любопытно было — зачем это они князю понадобились? Может, хочет в шахматы поучиться, чтоб царицу обыгрывать? Это бы легче легкого.

Наконец-то! Ручка знаменательной двери дернулась, шелест голосов сразу затих. Все приготовились, умиленно заулыбались.

Однако в залу вышел не светлейший, а высоченный офицер-преображенец с хмурым, мятым лицом. Не взглянув на собравшихся, протопал к золоченому столику, где был сервирован фриштик на одну персону, налил из графина полный бокал вина, стал пить. Кадык у офицера дергался, и в тишине было слышно, как вино с бульканьем льется в глотку.

Старичок шепнул:

— Капитан-поручик Андрюша Пикин, князев адъютант. Забубенная башка, ему б в остроге сидеть. Всё разбойнику с рук сходит.

Допив и смачно крякнув, капитан-поручик повеселел. Поправил лихой ус, облизнул красные губы и, звеня шпорами, направился к стоявшим у стены креслам, куда никто доселе присесть не осмеливался. Этот же развалился самым вольным образом, ногу на ногу закинул и еще трубку закурил.

Снова скрипнула дверь, снова сделалось тихо, но и на сей раз то был не князь, а презищенный господин, лицом удивительно похожий на стерлядку, какой Митя с папенькой угощались вчера вечером после малоэрмитажной виктории: такой же задранный кверху острый носик, широченный тонкогубый рот, и даже задом новоприбывший вихлял совершенно на манер рыбьего хвоста.

— Метастазियो, Еремей Умбертович, — сообщил полезный старичок. — Секретарь светлейшего. Пойти, поклониться. Сейчас Сам пожелует...

И карповский сосед кинулся к секретарю, только где ему, старому, было протиснуться через иных соискателей. Господина Метастазियो обступили со всех сторон, совали какие-то бумаги, пытались шепнуть что-то на ухо. Он же на месте не стоял — легкой, порхающей походкой шел через залу, и вся толпа, толкаясь, двигалась за ним.

— Он итальянец, да? — спросил Митя вернувшегося ни с чем старичка.

— Проходимец он, — сердито ответил тот, потирая зашибленный локоть. — Его в Милане за шулерство к постыдному столбу выставляли. Давно ли барышень танцулькам обучал по рублевику за час, а ныне кавалер и действительный статский советник. — Сплюнул. — У царя дьяк, у дьяка хряк. Вот кто истинно империей-то правит. Никуда без него, вертялого, не двинешься.

Сказал и сам напугался, аж рот себе зажал, по сторонам заоглядывался.

Проходимец ли, нет ли, но смотреть на итальянца было интересно. Всё-то он, шустрый, попевал: и с вельможами раскланяться, и выслушивать нескольких просителей сразу, и даме ручку поцеловать. Вдруг остановился, сказал — чисто, почти без акцента:

— Вы, генерал, первый. Вы, граф, второй. После вы, сударыня, а дальше я укажу, кому...

Не договорил, склонил голову по-собачьи, прислушиваясь к чему-то, внятому ему одному. Стремительно вскинул руку — будто капельмейстер пред оркестром.

— Его светлость Платон Александрович Зуров!

Из-за двери донеслись громкие, неспешно приближающиеся шаги.

Сияющие створки в третий раз скрипнули, и впереди стоявшие согнулись в низком

поклоне, так что теперь поверх спин и белых затылков Мите стало всё очень хорошо видно.

Ух ты!

На середину залы, потешно переваливаясь, выбежала мартышка в короткой юбчонке и кружевных панталончиках. Увидела склоненные тупеи и давай в ладоши стучать, скалить желтозубую пасть.

А уж потом из-за створки высунулся сам Платон Александрович, да и покатился с хохоту.

— По... похвально, что даму чтите!

Прямо слезы у него из глаз, так смеялся. Преображенец Пикин с кресла вскочил, еще громче князя заржал, Метастазию же ограничился веселой улыбкой.

— Хорошо. В добром расположении пребывают, — обрадовался старичок.

И начался прием.

Светлейший, вышедший к посетителям в китайском халате, сначала закусывал: кушал маслинки, начиненные соловьиными язычками, и щипал шемаханский виноград. Потом ковырял в зубах. Покончив с зубами, взялся за нос, нисколько не смущаясь многолюдства. С утра кожа Платона Александровича золотом уже не искрилась, но впрочем цвет лица у его светлости был свеж, а щеки румяны. Большую часть просителей он слушал скучливо или, может, не слушал вовсе — мысли любимца Фортуны витали где-то далеко. Иной раз по понуждению

куафера он вовсе поворачивался к низко кланяющемуся человеку затылком. О чем просили, Мите слышно не было, да и всяк старался изложить дело потише, склоняясь чуть не к самому уху князя.

Одним он не отвечал вовсе, и тогда нужно было пятиться прочь, а непонятливых господин Метастазियो брал двумя пальцами за локоть или за фалду и тянул назад: подите, мол, подите. Митя приметил, что несколько раз итальянец что-то нашептывал патрону про очередного искателя, и таких Зуров слушал внимательнее, ронял два-три слова, которые секретарь немедленно записывал в маленькую книжечку.

Папенька предпринял тактический маневр. Взял Митю за рукав и тихонечко, тихонечко переместился влево. Расчет был такой: когда светлейшему кончат завивать правую сторону головы, он повернется другим профилем — и как раз узрит отца и сына Карповых.

Так и вышло. Увидев же Митридата и его родителя, светлейший вдруг оживился, взор из скучающего сделался осмысленным.

— А, вот вы где! — вскричал князь, дернул головой и вскрикнул — забыл про раскаленные щипцы.

— Руки велю оторвать, образина! — рявкнул он на куафера по-французски. — Отойдиди прочь. А вы, двое, сюда!

Папенька ринулся первым. Подлетел к его светлости соколом, поклонился и замер, как

лист перед травой. Митя припустил следом, встал рядом. Ну-ка, что будет?

— Как вас... Пескарев? — спросил Зуров, вглядываясь в красивое лицо Алексея Воиновича, и отчего-то поморщился.

— Никак нет. Карпов, отставной секунд-ротмистр, вашей светлости по Конной гвардии однополчанин.

— Карпов? Ну, не важно. Вот что, Карпов, вашего сына я беру к себе в пажи. У меня будет жить.

— О! Какая честь! — возликовал папенька. — Я не смел и мечтать! Мы немедленно переедем на квартиру, которую вашей светлости будет благоугодно нам назначить.

— Что? — удивился Зуров. — Нет, вам, Карпов, никуда переезжать не нужно. Вы вот что. — Он снова поморщился. — Вы отправляйтесь... ну, в общем, туда, откуда приехали. Без промедления, нынче же. Еремей!

— Да, светлейший? — привстал на цыпочки Метастазио.

— Ты ему дай тысячу или там две за утруждение, пускай его посадят в санки и скатертью дорога. Да гляди у меня, Карпов, — строго молвил Платон Александрович, переходя с помертвевшим папенькой на «ты». — Не вздумай в Петербург возвращаться, тебе здесь делать нечего. А о сыне не тревожься, он у меня ни в чем нужды знать не будет.

— Но... но... Родительское сердце... Совсем дитя... И потом, в Брильянтовую комнату,

приглашение ее величества, — залепетал Алексей Воинович бессвязное.

Однако князь его не слушал, а Метастазियो уже тянул за фалду.

— Папенька! — закричал Митя, бросаясь к отцу. — Я с вами поеду! Не хочу я тут, у этого!

— Ты что, ты что! — зашептал папенька, испуганно улыбаясь. — Пускай так, это ничего, ладно... Приживешься, понравишься, и о нас вспомнишь. Ты его светлости угождай, и всё хорошо будет. Ну, храни тебя Христос.

Наскоро перекрестил сына и не посмел более задерживать, попятился к двери, кланяясь Платону Александровичу.

— Попрощались? — спросил тот. — И отлично. А теперь поди-ка сюда, лягушонок.

Один остался Митя, совсем один среди всех этих чужих, ненужных людей. И как быстро всё стряслось-то! Только что был с родителем и ничего на свете не боялся, а тут вдруг обратился сиротой, малой травинкой среди преогромных деревьев.

— Еремей, как он тебе? — Зуров слегка ущипнул Митю за щеку.

— Смотря для какой надобности ваша светлость намерена сего отрока употребить, — ответил итальянец, разглядывая мальчика.

Тот слушал ни жив, ни мертв. Как это «употребить»? Не съесть же? Тут вспомнилось прочитанное из китайской гиштории — про злого богдыхана, который омолаживал кожу в крови младенцев. Неужто?!

— Как для какой? — осерчал князь. — Иль ты не знаешь, отчего я утратил сон и дижестицию желудка? Скажи, годится ли он в посланцы любви?

Над головами просителей вылезла косматая башка давешнего пиита.

— Сиятельный князь произнес слово «любовь»? — закричал стихотворец и замахал листком. — Вот обещанная ода, которую желал бы возложить к стопам вашей светлости и за авторство сих вдохновенных строк нисколько не держусь! Дозвольте прочесть?

Зуров не дозволил:

— Недосуг.

Секретарь взял у пиита листок, сунул в немытую лапищу золотой и замахал на толпу: отодвиньтесь, отодвиньтесь, не для ваших ушей.

Подтанцевал обратно к столику, успев по дороге погладить Митю по голове.

— Не мал ли?

— Глуп ты, Еремей, хоть и слынешь умником. Мал золотник да дорог. А я сразу придумал, вчера еще. — Хитро улыбнувшись, Зуров достал из кармана мелко исписанную бумажку. Велел Мите. — Слушай и запоминай.

Стал читать вполголоса, проникновенно:

— *«Павлина Аникитишна, топ âте, топ tout ce que j'aime! Напрасно вы бежите меня, я уже не есть тот, который был. Не беспутной ветреник и не любитель стару-*

¹ душа моя, всё, что я люблю (фр.)

шьего плотолубия, каким ты, верно, меня мнишь, а истинный Вертер, коему от несчастных страсти неутоления жизнь не мила, так что хоть пулю в лоб или в омут головой. А чувствительнее всего мне то, что смотреть на меня не желаешь и когда мимо твоего дома верхами проезжаю, нарочно велишь ставни закрывать. Жестокосердная! Пошто не бываешь ни в балах, ни на четвертках? Уж и она заметила. Давеча говорила, где моя свойственница, а у меня сердце в груди так затрепыхалось, словно крылья бога любви Амура. И то вам подлинно сказать могу, голубушка Павлина Аникитишна, что я буду не я, естли не стану с тобой, как Амур с Псишеей, ибо вы самая Псишея и есть. Помните сии вирши иль нет? «Амуру вздумалось Псишею, резвяся, поимать, опутаться цветами с нею и узел завязать». Так ведай же, о, Псишея души моей, что узел меж нами завязан волею небес и никоим силам немочно тот узел развязать! *Топ Аmour*».

Пока читал, прослезился от чувств, промокнул манжетом глаза.

— Ну-ка, премудрый Митридат, повтори. Да гляди, ни слова не выпусти. Сможешь?

Чего ж тут мочь? Митя повторил, не жалко. Светлейший следил по бумажке.

— Ага! Всё в точности! Как по-писаному! — взликовал он. — Видишь, Еремей? Буду ей писать, моей душеньке, а письмеца никто не выкрадет, не трясись. Если что —

малец сам выдумал, всегда отпереться можно. Старуха мне поверит. Да еще гляди. — Зуров взял Митю за плечи, повернул и так, и этак. — Волосья ему подвить, хитончик пошить, сзади крылышки из кисеи — будет Купидон. Еще можно малый лук золоченый, со стрелами.

Тут Метастазियो заволновался, стал шипеть Фавориту в ухо. Митя отошел — пускай себе секретничают, не очень-то и нужно.

Всё не мог опомниться от приключившегося жизненного переворота. Куда прислониться? У кого спросить совета?

Побродил по зале, повздыхал и пристроился подле знакомого старичка — все ж таки не совсем чужой, больше часа бок о бок простояли.

— С милостью вас, — сказал тот и присел на корточки, чтоб быть вровень с Митиным лицом. — Кто рано начинает — высоко взлетает. Может, когда-никогда выдастся оказия, и за меня словечко замолвите? Третью неделю паркеты топчу, всё никак не протолкаюсь. А дело у меня, сударь мой, вот какое...

И завел что-то про младшего сынка-недоросля, но так долго и подробно, что Митя скоро отвлекся — стал за мартышкой наблюдать. Очень уж затейная была, бестия, пронырливая. Понравился ей чем-то кофейный генерал, застыла она перед ним, уставилась снизу вверх своими блестящими глазенками, морщинистый палец в рот засунула — ну прямо по-человечьи.

— Ой, берегись, Михайла! — весело предупредил Фаворит. — Зефирка у меня влюбчивая. Гляди, не попользуйся девичьей слабостью. Обрюхатишь — жениться заставлю.

Генерал княжьей шутке обрадовался, ответил в тон:

— Так ведь это, Платон Александрыч, от приданого зависит, какое пожелаете. А то и женюсь, ей-богу.

Наклонился к скотине и представил ей пальцами козу. Зефирка застеснялась, генералову руку своей лапкой пихнула, головенку вбок отвернула, а сама на героя глазенками так и стреляет. Все давай смеяться мартышкиной кокетливости. Она того пуще законфузилась, опустилась на четвереньки, попятилась и вдруг как спрячется ближней даме под пышную юбку.

Что тут началось! Дама стоит ни жива ни мертва, только приседает да повизгивает. Публика корчится от хохота, громче всех заливается сам Фаворит.

А Мите даму жалко. Каково ей? Не юбки же задирать, чтоб животное выгнать? И рукой через жесткие фижмы тоже не достанешь.

— Ай, ай, — причитала бедная. — Перестань! Миленькая, Зефирочка! Ай, что ты делаешь!

Хотела к выходу просеменить, но чуть не упала. Видно, мартышка ей в ноги вцепилась — ни шагу не ступишь.

Митя увидал, что у несчастной пленницы по лицу текут слезы, даже мушка со щеки отклеилась, вниз поплыла. Неужто никто не поможет, не заступится? Что ж, тогда на помощь ей придет рыцарь Митридат.

Он подбежал, тоже встал на четвереньки, приподнял край парчового платья и пролез под проволочный каркас.

Там было темно, тесно и пахло звериным запахом — надо думать, от Зефирки.

Хохот из многих глоток, когда лиц не видеть, звучал жутковато, будто свора собак осипла от заполошного лая. Ну и пускай их хохочут.

Мартышка скрючилась, обхватив белеющую во мраке полную ногу. Не исцарапает? Нет, обрадовалась избавителю — обняла его за шею, и он полез обратно, стараясь не слишком высоко поднимать юбку от пола.

Митю встретили рукоплесканиями и шутками. Шутки были взрослые, несмешные. Митя умел их распознавать по особенному тону, каким сии *mots* произносились, и в смысл не вникал — пустое.

— Мал, да удал! Везде побывал, все повидал!

— Одним махом двух нимф усладяхом!

— С новым галантом вас, Марья Прокофьевна!

Право, как дети малые.

Зефирка ручонки расцепила, скользнула на пол, да и замерла, очарованная пряжкой

на Митином башмачке. Цветные стеклышки так переливались, так сверкали — заглядение.

Потрогала, подергала, потом вдруг как рванет!

— Отдай!

Куда там. Коварная тварь сунула трофей в зубы и припустила прочь на всех четырех лапах, ловко лавируя меж ног.

— Пиши пропало, — сказал старичок-сосед. — Что пряжка, третьего дня эта поганка у меня с груди звезду Александра Невского уперла! Любит, сволочь, блестящее. Хотел у его светлости попросить, чтоб отыскали, да не осмелился. Жалко, беда! С алмазами была звезда-то...

А Митя взглянул на осиротевший башмак, еще недавно столь нарядный и прекрасный, — слезы брызнули. Ну, проклятый *Cercopithecus*¹ из семейства приматов, нет такого закона, чтоб у дворянских сыновей пряжки воровать! И ринулся в погоню — тоже на четвереньках, ибо так обсервация лучше.

Ага, вон ты где, за лаковыми ботфортами!

Зефирке игра в догонялки, похоже, понравилась. Она оборачивалась, корчила рожи, в руки не давалась.

От ботфорт к палевым чулкам; потом к старомодным башмакам с высокими красными каблуками; потом под кресло. Чуть-чуть не поспел за юбчонку ухватить, выскольз-

¹ Мартышка (лат.)

нула. Но дальше прятаться Зефирке было негде: голый паркет, стена, боковая дверь. Попалась!

Митя поднялся, растопырил руки.

— А ну, дай!

Мартышка вынула пряжку изо рта, сунула под мышку и вдруг отмочила штуку: подпрыгнула, повисла на дверной ручке, и дверь приоткрылась. Подлая воровка шмыгнула в темную щель, исчезла.

Ну нет, шалишь! Митридат Карпов от поставленной цели не отступится.

Митя оглянулся назад — одни спины, никто не смотрит. Стало быть, вперед, в погоню.

Зефирка ждала на том конце большой, с завешенными окнами комнаты. Задрала юбку, махнула хвостом, для которого в панталончиках имелся особый вырез, и побежала дальше — но не слишком споро, будто не хотела, чтоб преследователь совсем отстал.

Так пробежали пять или, может, шесть пустых комнат. Митя их толком не рассмотрел, не до того было. А в невеликой, славно топленной каморе (в углу поблескивала белосиними изразцами большущая голландская печь) воровка прыгнула на лавку, с лавки на портьеру, с портьеры под потолок и вдруг исчезла.

Что за чудо?

Митя пригляделся — вон оно что! Печь шла не до самого потолка, там была щель, этак с пол-аршина. Надо полагать, для циркуляции нагретого воздуха.

По портьеру лазить человеку невозможно, поэтому со скамьи он вскарабкался на подоконник, оперся ногой на медную ручку заслонки, другой встал на приступку, ухватился за фрамугу, а там уже можно было и до печного верха дотянуться.

Ну вот и встретились, мадемуазель Зефира!

В узком, темном надпечье передвигаться получилось только ползком. В носу щекотало от пыли, и мундир с кюлотами, наверно, запачкались, но зато пропажа была возвращена — мартышка без боя вернула пряжку, сама протянула.

Выходило, что она не подлая и не жадная. Оказавшись на печи, уgomонилась, дразниться перестала. Может, она вовсе и не бежала от Мити, а к себе в гости звала?

А судя по некоторым признакам, именно здесь, на печи, находилось Зефиркино жилище или, вернее сказать, ее эрмитаж, куда посторонним доступа не было. Когда глаза приобвыклись с темнотой, Митя разглядел разложенные по кучкам сокровища: с одной стороны пол-яблока, несколько коржиков, горку орехов; с другой — вещи поинтересней. Золотая ложечка, большой хрустальный флакон, еще что-то, переливавшееся голубоватыми бликами. Взял в руку — алмазная звезда. Верно, та самая, утащенная у незадачливого старичка. Надо вернуть, то-то обрадуется. Во флаконе темнела какая-то жидкость. Духи?

— Нехорошо, — сказал Митя хозяйке. — А если каждый начнет таскать, что ему нра-

вится? Это у нас тогда как во Франции выйдет — революция.

Зефирка погладила его сухой лапкой по щеке, сунула огрызок печенья — угощайся, мол.

— Мерси. Давай-ка лучше отсюда слезать, не то...

Тут в комнате раздались шаги — вошли двое, а то и трое, и Митя замолчал. Ах, нехорошо. Найдут на печи, да еще с ворованным. Не ябедничать же на Зефирку, тварь бессловесную и к тому же, как выяснилось, нескверную сердцем.

— ...Будто мало девок! Никогда не мог понять, почему нужно непременно упереться в какую-нибудь одну! — произнес мужской голос, показавшийся знакомым. — Ведь суть-то одна, вот это, и ничего более. — Раздалось легкое пошлепыванье, будто стучали ладонью по ладони или, скорее, по сжатому кулаку, после чего говоривший продолжил. — Эх что придумали, статс-даму вам подавай! Царскую свойственницу! Да в своем ли вы уме, князь? Блажь, и к тому же преопасная. Предосторожность с мальчонкой вас не спасет. Князь, вы не думаете ни о себе, ни о преданных вам людях!

Метастазιο — вот кто это, узнал Митя.

— Оставь, надоед, — ответил второй (уж понятно, кто). — Клянусь, она будет моей, чего бы мне это ни стоило.

— *Чего бы ни стоило?* — зловеще переспросил итальянец. — Даже, к примеру, положения, высшей власти, наконец, самое жиз-

ни? Помните про завещание. Вы в двух шагах от сияющей вершины, а норовите броситься в пропасть! Что вас ждет, если воцарится курносый — об этом вы подумали?

— Ему что, — басисто вступил в разговор третий, неизвестно кто. — Ну, в поместье сошлют или, шишки зеленые, за границу укатит. А за горшки платить нам с вами, Еремей Умбертович. Ma foi¹, Платон, ну ее к черту, дуру жеманную. Ты не думай, нешто я не понимаю, каково тебе со старухой слюнявиться? Я тебе, сосенки точеные, нынче же из табора такую богиню доставлю — затрясешься. И шито-крыто будет, никто не сведает!

— Молчи, Пикин. Ты дурак, тебе только по шлюхам таскаться. Оба заткнитесь! Мое желание вам — закон. А перечить будете, выгоню прочь. Нет, не выгоню — болтать про меня станете. В медвежью яму кину, ясно?

Загрохотали гневные шаги — один ушел, двое остались. Значит, придется еще ждать. Зефирка положила Мите голову на плечо, сидела тихо.

Внизу помолчали.

— Ну что, Пикин? — медленно произнес секретарь светлейшего. — Сами видите, наш петушок вовсе ума лишился. Дальше ясно: поймают с поличным (уж ловильщики сыщутся) да и взащей. Старуха не простит. Время теряем, Пикин. Вы завтра во дворце на дежурстве, так?

¹ Право (фр.)

— Так.

— Ну и подмените склянку, как велено. Старуха выпьет и околеет, но не сразу — дня через два. Успеет и завещание объявить, и Внуку скипетр передать. Тогда нам бояться нечего, в еще большей силе будем. Что вы усами шевелите? Или перетрусили, прославленный храбрец?

А ведь «старуха» — это государыня императрица, догадался Митя, и ему стало очень страшно. Околеет? Отравить они ее, что ли, хотят? Как Мария Медичи наваррскую королеву? Ах, злодеи!

— Еремей Умбертович...

— Что это вы, Пикин, в глаза не смотрите? Или забыли про расписку? А про ту шалость? Это ведь каторга, без сроку.

— Ладно пугать, не из пугливых, — огрызнулся преображенец. — Нашел чем страшать — каторгой. Бутылку подменить дело ерундовое, да только вот какая оказия... Пропала склянка-то.

— Что-о?! Как пропала?!

— Ума не приложу. В спальне у меня была, в сапоге. Думал, никто не залезет. А нынче утром сунул руку — пусто.

— Это Маслов, — простонал итальянец. — Он, ворон, больше некому. Тогда непонятно одно: почему вы еще на воле? Или не опознал? Навряд ли. Он у старухи каждый день, не мог не заметить, что склянка точь-в-точь такая же. А если... Тс-с-с! Что это? Вон там, на печи!

Ах, беда! Выдала Митю несмышленная Зефирка. Надоело ей тихо сидеть, зашебуршилась, заелозила, да и брякнула каким-то из своих сокровищ.

— Мышь.

— Странная мышь, со звоном. Ну-ка, кликните слуг.

— Зачем слуг? Сам взгляну. Я, Еремей Умбертович, ужас до чего любопытный.

Внизу, совсем близко, загрохотало — это Пикин лез любопытствовать. Не торопился, лиходей, да еще напевал хрипловатым голосом:

*Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой.
Псишея не бежит, не стонет —
Свились, как лист с травой.*

В щель просунулась ручища, блеснув золотой пуговицей на обшлаге.

Митя вжался в самую стену, затаил дыхание. Да где там — не укроешься: капитан-поручик шарил обстоятельно, не спеша.

*Парапам, парапам, согласиём дыша.
Та цепь тверда, где сопряжённа с любовью
душа...*

Глава пятая

ИСТРЕБЛЕНИЕ ТИРАНОВ

Едва цепь, соединявшая душу Ивана Ильича Шибякина с телом, оборвалась, как сразу же выяснилось, что всё обман — никако-

го конца света не предполагается. Небо немедленно посветлело, облака из черных снова стали белыми, да и солнце передумало гаснуть. Какой там — оно засияло еще пуще, торопясь завершить свой недолгий осенний маршрут.

Когда же на город сошли густые ноябрьские сумерки, Николас Фандорин оторвался от уютно мерцающего экрана, потянулся и подошел к окну.

Одуревшему от программирования взору Москва явилась странно расплывчатой и даже, выражаясь языком компьютерным, глючной. На первый взгляд обычный вечерний ландшафт: разноцветные рекламы, волшебнo-светозарная змея автомобильного потока, извивающегося по Солянке, подсвеченные прожекторами башни Кремля, вдали — редкозубье новоарбатских «недоскребов». Но, если присмотреться, все эти объекты имели различную консистенцию, да и вели себя неодинаково. Кремль, церкви и массивный параллелепипед Воспитательного дома стояли плотными, непрозрачными утесами, а вот остальные дома едва приметно подрагивали и позволяли заглянуть внутрь себя. Там, за зыбкими, будто призрачными стенами, проступали контуры других построек, приземистых, по большей части деревянных, с дымящими печными трубами. Машины же от пристального разглядывания и вовсе почти растаяли, от них осталась лишь переливчатая игра бликов на мостовой.

Николас посмотрел себе под ноги и увидел внизу, под стеклянным полом, крытую дранкой крышу, по соседству, в ряд, другие такие же, еще острый верх бревенчатого частокола. Это амбары с солью, догадался магистр истории. Задолго до того, как в начале двадцатого века Варваринское товарищество домовладельцев выстроило многоквартирную серокаменную махину, здесь находился царский Соляной двор. Неудивительно, что в этих каменных теснинах ничего не растет — земля-то насквозь просолена. Тут Фандорин разглядел у ворот Соляного двора часового в тулупе и треугольной шляпе, на штыке вспыхнул отблеск луны. Это уж было чересчур, и Николас тряхнул головой, отгоняя не в меру детальное видение.

Разве можно до такой степени погружаться в восемнадцатое столетие? Время — материя коварная и непредсказуемая. Однажды так вот нырнешь в его глубины, да и не сумеешь вернуться обратно.

Ещё раз встряхнулся, энергично, и наваждение рассеялось. Пол снова стал непроницаемым, дубовым, на улице заурчали автомобили, а с верхнего этажа донеслась дерганая карибская музыка — там жил растаман Филя.

Надо сказать, что отношения с местом обитания у Фандорина сложились странноватые. Такой уж это город — Москва. В отличие от Венеции или Парижа, она берет тебя в плен не сразу, при первом же знакомстве, а просачивается в душу постепенно. Этакая гиган-

тская луковища: сто одежек, все без застежек, снимаешь их одну за одной, снимаешь, сам плачешь. Плачешь оттого, что понимаешь — до конца тебе не раздеть ее никогда.

Голос у тысячелетнего Города — в смысле, настоящий, а не обманной, который для гостей столицы — не шум и гам, а тихий-пре-тихий шепот. Кому предназначено, услышит, а чужим незачем. С некоторых пор Ника научился разбирать эти приглушенные речи. А потом, лиха беда начало, приспособился и видеть такое, что открывается немногим. Например, контуры прежних зданий, проступающие сквозь стены новых построек. Парящие над землей разрушенные церкви. Гробы забытых кладбищ под многолюдными площадями. Даже людей, которые жили здесь прежде. Толпы из разных московских времен скользили по улицам, не пересекаясь и не замечая друг друга. Иногда Фандорин останавливался посреди тротуара как вкопанный, залюбывавшись какой-нибудь незнакомкой в пышной шляпке с вуалью. На долговязого растяпу налетали сзади, обзывали сердитым словом (и поделом обзывали). Опомившись, Николас виновато улыбался и шел дальше, но всё оглядывался, оглядывался — не вынырнет ли снова у витрины «Седьмого континента» силуэт из столетнего далека.

Как-то раз, сдуру, попробовал рассказать про *другую Москву* жене. Та встревожилась, потащила к психиатру — еле отбилась. Что ж, если это было и сумасшествие, Нике оно нра-

вилось, излечиваться он не хотел. Во всяком случае, он псих тихий и никому не докучающий, не то что сегодняшний господин Кузнецов. «Суд удаляется на совещание». Каково? Ладно, а сам-то, сам: президент фирмы добрых советов, подверженный галлюцинациям и тратящий уйму времени на никому не нужные игрушки.

За этим дурацким занятием не заметил, как день пролетел. С загадкой для сержанта в конце концов всё устроилось. Придумался такой фокус — пальчики оближешь или, как выражается Валя, *абсолютный супер-пупер*.

Секретарь разок заглянул в кабинет, наверное, хотел что-то спросить, но Николас замахал на него: уйди, уйди, не до тебя — перед Данилой никак не желала открываться дверь в Бриллиантовую комнату. То и дело звонил телефон, но, судя по тому, что Валя обходил сам, ничего важного. Говорить пришлось всего однажды, с женой.

— Пожар, — сказала Алтын, как всегда, без вступлений и нежных словечек, даже без «здравствуй». — Из Питера позвонили. Там «Возня» горит. Заболел председатель секции по растленке. Нужно выручить. Я из редакции в аэропорт. Забери зверят из сада. Вернись через три дня. Ты в порядке?

— Да, но...

— Не скучай.

И повесила трубку. Жена у Николаса была ужасно невоспитанная. Он давно к этому при-

вык и не обижался, только иногда, в философские минуты, диву давался — что за диковинную пару они собой представляют: двухметровый рефлексирующий мямля, воспитанный в вест-эндской частной школе, и маленькая, задиристая пантера из бескудниковских джунглей. Налицо несхожесть вкусов, противоположность темпераментов, даже внутренние хронометры у них настроены по-разному — Алтын живет по секундной стрелке, а он ведет отсчет времени на века. Почему молодая, стильная, победительная женщина до сих пор не послала «баронета хренова» (как выражалась Алтын в сердитые минуты, и это еще в лучшем случае) к королеве-матери (еще одно выражение из ее динамичного лексикона), для Фандорина было загадкой, чудом из чудес. Однако спасибо за то, что на свете есть чудеса, и не стоит подвергать их химическому анализу.

Полное название «секции по растленке» было такое: Секция по борьбе с растлением несовершеннолетних при Всероссийском Обществе Защиты Нравственности Юношества (в просторечии «Возня»), одним из учредителей и спонсоров которого являлась газета «Эросс». К этим общественным обязанностям Алтын относилась не менее серьезно, чем к редакционным, и никакого противоречия между обеими сферами своей деятельности не видела. На ехидные Никины замечания отвечала: полноценная сексуальная жизнь нравственности не помеха, а если ты, дожив до

сорока лет, этого еще не понял... — и дальше начинались оскорбления.

Забрать из детского сада детей? Однако Николас обещал, что съездит с Вале́й Гленом в Мюзик-холл. Валя давно занимался современным танцем, но исключительно для собственного удовольствия, а тут вдруг решил попробовать свои силы на профессиональной сцене. В Мюзик-холле шел открытый кастинг для нового супер-продакшна «Пиковый валет», и человек будущего очень нервничал, просил оказать моральную поддержку. Должно быть, затем и в кабинет заглядывал — проверить, не забыл ли шеф про обещание.

Сейчас четверть седьмого. В саду детей держат до восьми, самое позднее до половины девятого. Значит, нужно было торопиться.

Фандорин вышел в приемную.

Глен стоял у окна, выходящего во двор, и что-то сосредоточенно разглядывал. По стеклу плыли неземные красно-синие отсветы. Заинтересовавшись их происхождением, Николас присоединился к своему помощнику.

Колодец двора, расписанный домоуправлением в цвета лунного кратера, смотрелся жутковато, но красиво. Окна сияли, как планеты, а внизу стоял луноход — милицейский автомобиль, гонявший по стенам красные и синие блики. Какие-то люди водили по земле кружками яркого света, и на мгновение из полумрака выхватился нарисованный мелом контур человеческой фигуры.

— Что там такое? — спросил Фандорин.

— Улет, старфлайт, — мечтательно протянул Валя.

— Какой улет?

— Полный. Мужик какой-то взял и улетел. Абсолютно. Послал всех на факофф и улетел. Наверно, вмазал «белого» или стэмпов нализался — от них тоже крылья вырастают.

— Кто-то выкинулся из окна? — спросил дрогнувшим голосом Ника. — Только что?

Живешь обычной, счастливой жизнью, расстраиваешься или радуешься из-за пустяков, а в это время совсем рядом кто-то задыхается от нестерпимой боли или невыносимого одиночества и выносит сам себе смертный приговор...

— Не, давно уже. Часа три. Сначала альтефрау дворовые заголосили, потом приехали флики. Я хотел вам сказать, а вы меня по бэксайду веником.

— Ты что тут про стэмпы плел? — нахмурился Николас, отходя от окна. — Какие еще крылья? Смотри, Валентин, ты мне слово давал. Будешь баловаться с наркотиками — вылетишь в секунду, без выходного пособия.

— То-то с бонанзы соскочу, — съязвил ассистент.

Туше. Что правда, то правда — денег Николас платил своему помощнику мало, да и те с задержками. С другой стороны, Глен работал в «Стране советов» не из меркантиль-

ных соображений. Мать-банкирша (Валя называл ее Мамоной) выдавала сынуле на кино и мороженое куда больше, чем Николас зарабатывал в самые хлебные, докризисные времена. Фандорин неоднократно намекал представителю золотой молодежи, что при нынешней конъюнктуре вполне может обойтись и без секретаря, но реакция на подобные демарши была бурной. В голубые дни Валя наливался скупой на слова мужской обидой, а в розовые закатывал, то есть закатывала истерику с рыданиями.

Глен не делал секрета из причины, по которой пять дней в неделю, с одиннадцати до шести, просиживал в приемной офиса 13-а. Причина была романтической и называлась «Любовь». В каком из двух своих качеств Валя был (была?) влюблен(а) в шефа, для последнего оставалось загадкой, ибо Николас ловил на себе томные взгляды ассистента и в голубые, и в розовые дни. Глен обладал чудовищным терпением гусеницы-древоточицы и, несмотря на абсолютную невосприимчивость обожаемого начальника к андрогинным соблазнам, явно не терял надежды рано или поздно добиться своего. Фандорин понемногу привык к утомительным повадкам секретаря — зазывному трепету ресниц, облизыванию якобы пересохших губ, беспрестанному соскальзыванию бретельки с точеного плечика — и перестал обращать на них внимание. В конце концов, с канцелярской работой Валя справлялся пре-

восходно, а на выезде и вовсе был незамечен. Где найти другого такого сотрудника, да еще за столь неубедительную зарплату? В этой логике безусловно присутствовал постыдный элемент соержанства, но Фандорин рассчитывал, что Валина страсть постепенно перейдет в платоническую фазу — ведь сексуальная жизнь человека будущего протекала куда как бурно и без Никиного участия.

Баля укоризненно потупился, ласкающим движением руки провел по своей тонкой шее, любовно обрамленной воротом пятисотдолларового свитера, погладил себя по полированной до зеркального блеска макушке. Он очень гордился идеальной формой черепа и в мужской своей ипостаси выставлял ее напоказ, в женской же предпочитал разнообразие в прическах — в особом шкафу у него висело несколько десятков париков самых невообразимых фасонов и расцветок.

— Ладно вам закидываться. — Глен одним пальцем дотронулся до Никиного плеча. — Захотел человек и улетел. Его прайваси. Мы все как перелетные фогели. Поклюем семечек, выведем птенцов и курлык-курлык, пора в райские страны. Шеф, мы едем в театр или нет? Ай эм соу нёрвэс, прямо кошмар!

Всё он врал про кошмарное волнение. Это стало ясно, когда три десятка претендентов стали отплясывать на сцене, следуя командам режиссера («Ручейком назад! Прыжок!

Еще! Теперь поработайте ногами! Девушка в зеленом трико, я сказал ногами, а не задницей! Волну руками! Так! Показали растяжку!»).

Среди всего этого броуновского движения Глен смотрелся прима-балериной в окружении кордебалета. Его прыжки были самыми высокими, ручеек самым изящным, ноги он закидывал так, что колено сливалось с плечом, а когда режиссер велел «поддать эротики», все, кто сидел в зале, смотрели уже только на новоявленного Антиноя.

При этом Валя еще успевал метать быстрые взгляды на шефа, так что замысел был очевиден: привел для того, чтобы впечатлить. Фандорин вздохнул, посмотрел на часы — через десять минут пора было ехать за детьми.

Режиссер выставил со сцены всех кроме Вали и теперь гонял его одного, так что исход конкурса можно было считать предрешенным.

И следующая группа конкурсантов, и болельщики, и даже посрамленные претенденты не сводили глаз с божественного танцовщика, подбадривали его криками и аплодисментами. Особенно усердствовали девушки. Николас заметил, что некоторые из них с явным интересом поглядывают и на него. Это было лестно. Если в сорок лет на тебя засматриваются нимфетки, значит, ты еще чего-то стоишь. Он расправил плечи, небрежно закинул руку на спинку пустого соседнего кресла.

Одна девчушка, очень худенькая, из-за алого трико похожая на весеннюю морковку, пошептавшись с подружками, направилась к Фандорину. Ну, это уж было лишнее. Невинно полюбоваться молодой порослью — это одно, но вступать с нею в переговоры, да еще, возможно, нескромного свойства?

На всякий случай он снял руку с кресла, застегнул пиджак и нахмурился.

— Извините, вы голубой? — спросило дитя, приблизившись.

Зная раскованность московской молодежи, Николас не очень удивился. Просто ответил:

— Нет.

Морковка просияла, обернулась к подружкам и показала им два пальца, сложенные колечком — окей, мол.

— Значит, вы его ботинок? — кивнула она в направлении сцены. — Пришли попсиховать?

Только теперь до Николаса дошла причина девичьей заинтересованности в его персоне. Слово «ботинок» (производное от «батя») на живом великорусском означало «отец».

— Не ботинок, а коллега, — печально молвил он. — Однако не советую вам, милая барышня, увлекаться Вале́й.

Девчушка схватилась за сердце.

— Так это он голубой? Он не по девчонкам, да?

Николас не сразу придумал, как объяснить окрашенность Валиных пристрастий.

— Он... полихромный. Но, повторяю еще раз, не советую. Наплачетесь.

— Вы, дяденька, советами своими на базаре торгуйте, — ответила повеселевшая барышня. — Хорошие бабки получите.

И пошла себе. Вот уж воистину: устами младенца.

На Покровку, в детский сад «Перипата», Николас домчал быстрее, чем рассчитывал. Всегдашней пробки на бульваре не было — спасибо ноябрю, полудремотной поре, когда замедляется ток всех жизнеформирующих жидкостей, в том числе московского трафика.

Сад был не обычный, казенного образца, а прогрессивный, частный. Некая преподавательница-пенсионерка, устав прозябать на полторы тысячи в месяц, набрала группу в десять детей. Ее соседка по коммуналке, в прошлом художник-график, отвечала за питание. Стихийно возникший штат дошкольного учреждения дополняли остальные соседи: безработная аптекарша и увечный майор-спецназовец, которому доверили спорт и подвижные игры. Платить за детей приходилось немало, но «Перипата» того стоила — даже взыскательная Алтын была детсадом довольна.

Геля сидела в прихожей на галошнице, болтая ногами.

— Явился, — сказала она (научилась суровости у матери). — Между прочим, восемь часов. Костю с Викой уже забрали.

Прислушавшись к воплям, доносившимся из глубины квартиры, Николас парировал:

— Но остальные-то еще здесь.

— А Костю с Викой уже забрали, — не-преклонно повторила дочь, но всё же чмокнула отца в щеку, и Ника привычно растрогался, хотя поцелуй был всего лишь данью традиции.

— Что же ты не играешь?

— Я не люблю про взятие дворца Амина.

— Какого дворца? — изумился Фандорин.

— Ты что, пап, с Чукотки? — покачала головой Геля. — Амин — это афганистанец, который хотел нас всех предать.

— Афганец, — поправил Ника, мысленно, уже в который раз, пообещав себе поговорить с майором Владленом Никитичем, забивающим детям голову всякой чушью. И потом, что это за выражение про Чукотку? Или побеседую с самой Серафимой Кондратьевной, дал себе послабку магистр, потому что несколько побаивался ветерана спецназа, у которого вместо куска черепа была вставлена титановая пластина.

Минут двадцать ушло на то, чтобы вытащить из боя сына. Эраст дал себя эвакуировать, лишь получив тяжелое ранение в сердце. Николас вынес героя в прихожую, одел, обул. Сознание вернулось к раненому только на лестнице.

Все-таки удивительно, до чего мало близнецы были похожи друг на друга. Геля свет-

ловолосая, в отца, а глаза мамины, темно-карие. Эраст же, наоборот, получился черноволосым и голубоглазым.

Из-за имен между супругами разразилась целая баталия — никак не могли между собой договориться, как назвать сына и дочку. В конечном итоге поступили по-честному: мальчика нарек отец, девочку мать. Оба — Николас и Алтын — остались крайне недовольны выбором противной стороны. Жена говорила, что мальчика задразнят, будут обидно рифмовать, про героического прадеда Эраста Петровича слушать ничего не желала. Ника тоже считал имя Ангелина пошлым и претенциозным. Хотя дочке оно, пожалуй, подходило: при желании она могла изобразить такого ангелочка, что умилился бы сам Рафаэль.

В отсутствие Алтын принцип единоначалия в семье Фандориных действовать переставал, начинался разгул анархии и вседозволенности, поэтому уложить детей в кровать Николасу удалось только к десяти. Теперь оставалось прочесть вечернюю сказку, и можно будет поработать над сценарием дальнейших приключений камер-секретаря.

— «Иван-царевич и Серый Волк», — прочитал Ника заглавие сказки и подержал вкусную паузу.

Эраст, мальчик толстый, неторопливый, обстоятельный, подпер голову рукой и сдвинул брови. Угол, где стояла его кроватка, был сплошь увешан оружием и батальными рисунками. Геля приоткрыла губы, одеяло натяну-

ла до самого подбородка — приготовилась бороться. На стене у нее было нарисовано окошко с видом на море, поверх рисунка — настоящие занавески с кружевами.

— «В одном царстве, в русском государстве жил-был царский сын Иван-царевич», — начал Фандорин.

— Мальчик? — немедленно перебила Геля. — Опять? То про Мальчика-с-пальчика, то про Емелю. А про девочку когда?

Эраст выразительно закатил глаза, но проявил сдержанность, ничего не сказал.

— Будет и про девочку, — пообещал Фандорин, наскоро пробегая глазами по строчкам — по правде говоря, сказку про Серого Волка он помнил плохо, разве что по картине Васнецова. — Попозже.

— Так нечестно. Пускай сразу про девочку.

— Ну хорошо. И жила там же девочка, звали ее Марья-царевна. Собою пригожа, да мила, да кожей бела...

— А Иван-царевич? — немедленно взревновал сын. — Он что, не пригож?

— Конечно, пригож.

— И мил, и кожей бел, — закончил Эраст.

— Да. — Николас отложил книжку. При таком интерактивном режиме дочитать сказку до конца удавалось редко — приходилось выдумывать на ходу. — Полюбили Иван-царевич и Марья-царевна друг друга, решили пожениться...

— Нельзя, — отрезал Эраст.

— Почему?

— Они брат и сестра.

— С чего ты взял?

— Отчество одинаковое. Иван Царевич и Марья Царевна. Сестры с братьями не женятся, так не бывает.

Николас подумал и нашелся:

— Это же сказка. В сказках, сам знаешь, всё бывает.

Эраст кивнул, можно было продолжать.

— Но полюбил Марью-царевну злой волшебник Кашей Бессмертный, похитил ее и уволок далеко-далеко, в тридевятое царство, в тридешатое...

Тут перебили оба.

Геля заявила:

— Если полюбил, значит, не такой уж он злой.

Сын же подозрительно прищурился:

— Не по-онял. — (Это он из телевизионной рекламы научился так говорить, теперь не вытравить.) — Какой такой Кашей Бессмертный? Которому мы с Иванушкой-дурачком сначала яйцо разбили, а потом иголку сломали? Он же пал на землю и издох!

— Ну... — не сразу нашелся Фандорин. — Это потом было. Марью-царевну он раньше украл.

— Значит, и рассказывать нужно было сначала про Иван-царевича, а потом уже про Иванушку-дурачка, — проворчал Эраст. — А то так неправильно. Ладно, давай дальше.

Геле на ее замечание про любовь, совершенно справедливое, Николас ничего не ответил, только улыбнулся и погладил по мягким волосам. Она нетерпеливо дернула головой — не до глупостей, мол, продолжай.

— Сел Иван-царевич на доброго коня и отправился на поиски Марьи-царевны. Едет через темные леса, через глубокие моря, через высокие горы, за синие озера. Месяц едет, два, три, и попал в такое место, что ничего там нет, только ветер воет да вороны каркают. Видит — лежит на дороге большой-пребольшой камень, и на нем написано: «Прямо пойдешь — жизнь потеряешь, налево пойдешь — душу потеряешь, направо пойдешь — коня потеряешь, а назад отсюда дороги нет».

— Может, хватит уже про Иван-царевича? — взбунтовалась Геля. — Теперь нужно про Марью-царевну рассказать. Как она там жила, у Кашея Бессмертного, о чем они разговаривали, чем он ее угощал, какие подарки дарил.

— Почему ты думаешь, что он ее угощал и дарил подарки?

— Ведь он же ее полюбил.

— Да, правильно. — Николас почесал нос. — Ну, в общем, жила она у него не сказать чтобы плохо. Мужчина он был собой видный, еще нестарый, много повидал на своем веку, да и умный. Рассказчик замечательный. Но не могла Марья-царевна его полюбить, потому что...

— Потому что сердцу не прикажешь, да? — подсказала дочь.

Эраст деликатно покашлял:

— Кхе-кхе.

Это означало: не хватит ли про ерунду?

Фандорин двинул фабулу дальше:

— Стоит Иван-царевич перед камнем, выбирает, куда ехать. Жизнь ему терять неохота, душу тем более...

— А как это — душу потерять? — заинтересовалась Геля.

— Это самое страшное, что только может случиться. Потому что со стороны совсем незаметно. Вроде человек как человек, а души в нем нет, одна видимость, что человек.

— И много таких? — встревожилась дочка.

— Нет, — успокоил ее Ника. — Очень мало. Да и те не совсем пропащие, потому что, если очень захотеть, душу можно обратно отыскать.

— Мы сказку рассказывать будем? — положил конец схоластической дискуссии Эраст. — Куда же он поехал?

— Направо, конечно.

Геля спросила дрогнувшим голосом:

— А конь? Он же добрый был, ты сам сказал.

И сын насупился: непорядок.

— А коня он с собой не взял, — придумал Ника. — Около камня оставил, пастись.

— Это правильно, — одобрил практичный Эраст. — Можно его на обратном пути забрать.

Тут по законам жанра требовалось подпустить саспенса, и Николас заговорил страшным голосом:

— Пошел Иван-царевич направо и забрел в густую-прегустую чащу. Ух, как там было темно! Под ногами что-то шуршало, над головой шелестели чьи-то крылья, а из мрака светились чьи-то глаза.

— Ой, — сказала Геля и натянула одеяло до самых глаз, а Эраст лишь мужественно стиснул зубы.

— Вдруг на тропинку как выскочит Серый Волк! — продолжал нагнетать Николас. — Зубы вот такие, когти вот такие, шерсть дыбом! Как оскалит желтые, острые клычищи...

Здесь пришлось прерваться, потому что зачирикал дверной звонок. Кто бы это мог быть, в одиннадцатом часу? Может, Алтын передумала ехать на свою растленку?

— Сейчас открою и вернусь, — сказал Ника, поднимаясь.

Нет, это была не Алтын.

На лестничной площадке стоял мужчина в спортивной куртке. Лицо бритое, с упрямо выдвинутой челюстью, глаза маленькие, бойкие. Под мышкой незнакомец держал ложнокожаную папку на молнии.

— Николай Александрович Фандорин здесь проживает? — спросил он, глядя на долговязого хозяина квартиры снизу вверх.

— Да, это я, — настороженно ответил Николас.

Всякому жителю России известно, что от поздних неожиданных визитов добра не жди.

— Так это я, выходит, к вам, — широко улыбнулся мужчина, словно сообщал необычайно радостную весть. — Из МУРа я, из шестнадцатого отдела. Оперуполномоченный Волков Сергей Николаевич.

Открыл перед носом маленькую книжечку, подержал, но недолго — Фандорин успел лишь прочесть слово «капитан».

— Разрешите войти? Разговорчик есть.

Капитан качнулся вперед, и Николас инстинктивно отступил, давая дорогу.

Переступив порог, оперуполномоченный МУРа жизнерадостно объявил:

— Хреновые ваши дела, гражданин Фандорин. Как говорится, заказывайте белые тапочки.

И оскалил острые, желтые зубы в хищной улыбке.

От этого оскала Николас непроизвольно сделал еще два шага назад, и капитан немедленно завладел освободившейся территорией. Он повертел головой вправо-влево, зачем-то потер пальцем старинное зеркало в раме черного дерева (куплено на Арбате во времена преддефолтного благополучия).

— Венецианское? Вещь!

— Почему венецианское? Русское, московской работы, — пролепетал Ника. — Какие тапочки? Что вы несете?

— Поговорить нужно, — шепнул милиционер, трогая хозяина за пуговицу — такая уж, видно, у него была дурная привычка, за всё хвататься руками. — Ага, поговорить.

От этого бесцеремонного хватания, от idiotского шепота Фандорин наконец пришел в себя и разозлился. Не на позднего гостя — на себя. Что за дикость, в конце концов? Почему честный, законопослушный человек должен нервничать из-за визита милиции, хоть бы даже и криминальной?

— Кому нужно? — неприязненно спросил он, снимая с груди руку капитана. — Почему вы пришли без предварительного звонка, да еще в такое позднее...

— Вам нужно, — перебил Волков. — В первую очередь вам. Зайти-то можно?

— Входите, раз пришли.

Николас первым вошел в гостиную.

Можно ли позвонить, капитан уже спрашивать не стал. Достал из кармана мобильный телефон — дорогой, побогаче скромного Никиного «сименса» — нажал одну кнопочку.

Коррупционер, решил Фандорин, которому развязный опер ужасно не понравился. Известно, какая в милиции зарплата, на нее такой телефон не купишь. Взятки берет или «крышует» — знаем, по телевизору видели.

— Алё, Миш? — забубнил Волков, отвернувшись. — Это я, Серый. Ну чё там у вас с трупняком? ... Понятненько. И особые по нудлям? ... Ясно... Хрена, сам на Колобки воло-

кись, я вам не нанялся... Да кручусь пока... Ага, у этого, у кандидата. — Тут он коротко обернулся на Николаса, и тот понял, что он и есть «кандидат». Почему-то от этого невинного слова по коже пробежали мурашки. — Отбарабанюсь — звякну... Ага, давай.

Повертев по сторонам круглой, стриженной под полубокс башкой, капитан спросил:

— Наверно, в загородном проживаете. А тут так, место прописки?

— Почему? — удивился Фандорин. — Здесь и живу. Загородного дома у меня нет.

Эта информация оперуполномоченного почему-то озадачила. Он проворно подошел к двери в кабинет, сунул нос и туда — вот какой бесцеремонный.

— Послушайте, капитан Сергей Николаевич Волков из шестнадцатого отдела, — строго начал Ника, собираясь дать наглецу укорот, но милиционер повернулся к нему, лукаво погрозил пальцем и протянул:

— Хреновата квартирка-то. Не склеивается у нас.

Николас удивился. По московским понятиям квартиру никак нельзя было назвать «хреноватой». Двухсотметровая, в старинном, но полностью реконструированном доме, с высокими потолками, в свое время она съела изрядный кус английского наследства. Тогда казалось, что это излишество, но, если учитывать последующий дефолт, квартира обернулась единственным толковым вложением капитала.

— Что «не склеивается»?

— Версия. Мрамора нет, ковры не наблюдаются, хрусталь-бронза отсутствуют. Вы что, подпольщик? Как гражданин Корейко?

— Как кто? — моргнул Фандорин, которому в его британском детстве папа сэра Александер не позволял читать советскую беллетристику. — Да что вы себе позволяете? Вторглись в частное жилище, суете всюду нос! Что вам нужно?

Милиционер взял два стула, поставил их один напротив другого. Сел, жестом пригласил садиться и хозяина.

— Ты лучше давай со мной начистоту, — строго сказал он. — Для вашей же пользы. Ксиву видал? Я из шестнадцатого. Это отдел по раскрытию резонансных убийств, понятно? Не «колбасник» какой-нибудь и не из налоговой. Пети-мети по чужим карманам мести — не по нашей части. Колитесь, Николай Александрович, на чем бабки варите. Слово Сереги Волкова — не настучу. Сам их, клопов сосучих, не выношу... Ладно, сейчас я вам одну хреновину покажу, после которой ты со мной стесняться перестанешь, как барышня у гинеколога.

Николас поморщился — метафора капитана Волкова ему не понравилась, как и хамские перескакивания с «вы» на «ты». Но от невнятных речений оперуполномоченного на душе становилось всё тревожней. Кажется, завязывалась какая-то мутная, неприятная история.

— А до завтра разговор не ждет?

Он оглянулся на дверь детской. Эраст и Геля, должно быть, заждались продолжения сказки. Так вдруг захотелось послать капитана с его непонятными речами и зловещими шарадами к черту, вернуться в ясный и светлый мир, где нет никого страшней Серого Волка и всегда побеждает справедливость.

Но Волков уже совал в руки какой-то листок, и отделаться от этого дурного наваждения не представлялось возможным.

— Почитайте-ка. А там уж сами решайте, ждать до завтра или не ждать. Ваша жизнь — не моя. Ага.

Это была ксерокопия машинописного текста. Не веря своим глазам, Ника прочел:

ПРИГОВОР

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФАНДОРИН, президент фирмы «Страна советов», объявляется гадом и обманщиком, на основании чего приговаривается к высшей мере справедливости — истреблению.

— Что за бред? — воскликнул Фандорин. — Где вы это взяли?

— До завтра так до завтра, — злорадно оскалился капитан, забрал листок и сделал вид, что собирается уходить.

Однако сменил гнев на милость, вынул из папки большую глянцевую фотокарточку.

— Из кармана вот у этого гражданина.

На снимке был крупный план мертвого лица: широко открытые глаза, нимб из растекшейся по асфальту крови. Grimаса для

трупа необычная — довольная и даже словно бы торжествующая.

Николас охнул.

— Знакомого увидели? — весь подобрался Волков.

— Да... Этот человек был у меня сегодня. На работе.

— Знаю. У него в кармане лежала реклама вашей фирмы. Во сколько?

— Где-то около трех. Что... что с ним произошло?

— Имя, фамилию знаете? — перешел на шепот милиционер, словно боялся спугнуть добычу.

— Чью, его? — тупо переспросил Фандорин. — Кузнецов, э-э-э, вот имя-отчество не запомнил. Что-то самое обычное. Иван Петрович, Сергей Александрович... Не помню. Только вряд ли он назвался настоящим именем. Что с ним случилось?

— Почему «вряд ли»?

— Не знаю, так мне показалось. Объясните же, наконец, как он погиб? И что значит этот идиотский приговор?

Капитан разочарованно протянул:

— Правильно вам показалось... Проницательный вы человек, гражданин Фандорин. Нипочем не стал бы он вам свое настоящее имя называть... Как погиб, спрашиваете? С крыши спарашютировал. Дома номер один по улице Солянке, тут близехонько.

— Так это был он!

Николас вспомнил луноход в кратере и очерченный мелом контур на асфальте.

— Я видел милицескую машину из окна. У меня там офис!

— Знаю. Зачем он к вам приходил? О чем говорил?

— Честно говоря, я так и не понял, что его ко мне привело. Вел он себя странно... По-моему, у него произошла какая-то личная драма. Возможно, заболела жена или даже умерла. А может, бред больного воображения. Он был явно не в себе... Но мне и в голову не пришло, что, выйдя от меня, он сразу же покончит жизнь самоубийством!

Хорош советчик, препаратор душ, горько сказал он себе. Не разглядел, что перед тобой человек на краю бездны. Ему, может, всего-то и хотелось услышать живое слово участия, а ты ему: «У вас совесть есть? Отнимаете от дела занятого человека!» Главное, чем занятого-то? Господи, как стыдно!

— Ага, самоубийством, — хмыкнул капитан. — Со скованными за спиной руками. И на лодыжке ожог от электрошокера.

Достал еще одну фотографию: перевернутый на живот труп, руки сзади сцеплены наручниками. Николас задержался взглядом на черных от крови пальцах покойника и содрогнулся.

Волков убрал страшные снимки, снова уселся. Теперь сел и Фандорин, чувствуя, что дрожат колени.

— Вот что, Николай Александрович, давай по-честному. Сначала я тебе всю правду. Потом ты мне. Лады?

Николас потерянно кивнул. Голова у него сделалась совершенно пустая, и, вопреки расхожей идиоме, мысли в ней не путались — их просто не было.

— Про убийство гендиректора ЗАО «Интермедконсалтинг» читали? — деловито спросил оперуполномоченный. — Такого Зальцмана? Его фугаской бухнули. На даче.

— Нет, не помню... Я не особенно интересуюсь криминальной хроникой. Знаете, у нас ведь бизнесменов часто убивают.

— Это точно, да и три месяца уже прошло... — Волков снова полез в папку. — Вот, нашли при осмотре мусорной корзинки в его кабинете. Видно, получил по почте, решил, что чушь собачья, да и выкинул. Гляньте-ка.

Фотография смятого листка бумаги. Машинописный текст:

ПРИГОВОР

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВИЧ ЗАЛЬЦМАН, генеральный директор Закрытого акционерного общества «Интермедконсалтинг», объявляется гадом и обманщиком, на основании чего приговаривается к высшей мере справедливости — истреблению.

Николас хотел сглотнуть, чтобы протолкнуть застрявший в горле комок, — и не получилось.

— Ну про то, как завалили Зяткова, из «Честного банка», ты не мог не слышать. Кипеш по всем СМИ был.

Да, ту историю Николас помнил. Во-первых, потому что при крахе банка с симпатичным названием лишились всех своих сбережений хорошие знакомые. А во-вторых, больно уж зверское было убийство. Вместе с банкротом во взорванной машине ехали семилетняя дочь и ее одноклассница — Зятков вез подружек в зоопарк.

— Вот тебе еще чтение.

На стол лег новый снимок: точно такой же листок, как два предыдущих.

ПРИГОВОР

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ЗЯТКОВ, председатель правления «Честного банка», объявляется гадом и обманщиком, на основании чего приговаривается к высшей мере справедливости — истреблению.

— Что... всё это значит?

Николас расстегнул пуговицу на воротнике — со второй попытки, потому что плохо слушались пальцы.

— Если честно, хрен его знает, — просто душно улыбнулся оперуполномоченный. — Но главная версия у нас такая. Кто-то решил очистить общество от кровососов и капиталистических тиранов. Какие-нибудь съехавшие с резьбы коммуняки, ветераны интернационального долга. Сам знаешь, какая у нас страна: половина нервных, половина психован-

ных, да по половине от каждой половины когда-никогда обучались народ мочить.

Фандорин хотел возразить против столь чудовищного преувеличения, но вместо этого, еще раз взглянув на фотографию, воскликнул:

— Это же терроризм! Самый настоящий! Непонятно кто, основываясь черт знает на каких сведениях, выносит невинным людям смертные приговоры и приводит их в исполнение! В России такого не бывало с царских времен! Об этом должна кричать вся пресса! В Думе нужно учредить специальную комиссию! А никто ни сном, ни духом!

-- Это специально, чтоб паника не началась, по-нашему «резонанс». Шестнадцатый отдел именно такими делами и занимается, которые могут всенародный шумер произвести. Покойники-то, сами видите, люди непростые, буржуины буржуинычи, или, выражаясь интеллигентно, бизнес-элиты. Принято решение вести розыск, как говорится, без участия общественности. А то начнется: красно-коричневая угроза, трали-вали. Политика. Ладно, не мое дело. Я сыскарь. Носом в землю уткнувшись и нюхаю, есть след или нету. Короче, создана объединенная оперативно-следственная группа. Называется: «Дело Неуловимых Мстителей». Это я придумал, — похвастался капитан, но Николас юмора не оценил, потому что вырос на иных меридианах и с советской приключенческой киноклассикой знаком не был.

— Неуловимых? — повторил он упавшим голосом. — Их что, никак невозможно поймать? Но за что мне-то мстить? Я ведь никому ничего дурного не сделал. Какой-то театр абсурда...

— Что театр, это точно, — согласился Волков. — Вернее, цирк. Тут заколдованный круг получается. Вроде бы мстители эти сами подставляются: перед тем, как накрывать очередного буржуя, приговор высылают. Ставь засаду и бери их голыми руками, так?

— Так, — немного воспрял духом Фандорин.

— А вот шиш. Из-за того, что звону в прессе нет, мы узнаём про новое приключение неуловимых, когда налицо имеется трупак, мелко фасованный и в очень удобной упаковке. Приговоренные — люди серьезные, таких на фу-фу не возьмешь. Они привыкли, что обстоятельные пацаны грохают без предупреждения, а тут какая-то лохомудия: «гад и обманщик», «приговаривается». Зальцман выкинул приговор в корзинку — я вам говорил. Хорошо в пятницу вечером, уборщица не успела прибраться. У Зятькова бумажка эта неделю валялась, если не больше. Жене показывал, говорил — гляди, сколько чекану-тых на свете развелось. Хотел выбросить, да супруга не дала. Себе оставила, подружек веселить. Повеселилась... Ни мужа, ни дочки, ни «мерса» за сто штук баксов, ни, между прочим, шофера, с которым, как установило расследование, мадам Зятькова состояла в

сексуально-половых отношениях. — Волков коротко хохотнул. — В обоих случаях бумажки с приговором попали в руки следствия случайно. Запросто может быть, что и у других наших висяков по богатым, которые больше не плачут, тоже отсюда ноги растут. — И веселый капитан неожиданно пропел. — «Мертвые с косами вдоль дорог стоят. Дело рук красных дьяволят».

— Но... при чем здесь я? Как видите, я не миллионер, никого не эксплуатирую. У меня в фирме всего один сотрудник!

— Что за фирма? — прищурился оперуполномоченный. — На чем бабки стругаете?

Чуть смущаясь, Николас объяснил про свой уникальный бизнес. Что люди сплошь и рядом попадают в трудные или нестандартные ситуации, рады бы получить квалифицированный совет, да часто не у кого. А между тем, нет ничего ценнее вовремя данного правильного совета... Объяснял, ежась под пристальным взглядом детектива, и сам чувствовал, как глупо всё это звучит.

— Ясно, — сказал капитан, когда Ника умолк. — Правду говорить не хотите. Нехорошо, Николай Александрович. Вроде договаривались по-честному.

— Послушайте! — Николас встрепенулся. Кажется, мозг начинал оттаивать от первоначального шока, и возникла первая гипотеза, пускай нелепая. — Если это какие-нибудь осколки коммунистического режима, может, они обиделись на название моей фирмы? Усмот-

рели в нем издевательство над... ну, не знаю, идеалами Октября. Наверное, можно установить, кто был этот человек, который бросился... то есть, которого сбросили с крыши?

— Если бы, — вздохнул Волков. — У парашютиста нашего ни особых примет, ни документов, ни мобилы. Отпечатки пальцев взяли, сдадим в лабораторию. Бумажки оформлять целый геморрой, а проку не будет. Татухи нет — значит, не сидел. И так видно, что не уголовный.

— Да, по типу он скорее похож на советского номенклатурщика невысокого ранга. Но кто мог его убить и почему?

Милиционер встал, спрятал последнюю фотографию в папку, вжикнул молнией.

— Наверно, свои. А почему — тайна двух океанов, спросите чего полегче. Может, предал интересы пролетариата. Кто их, уродов скособоченных, разберет. Однако уроды не уроды, а свое дело знают. И тут вырисовывается загадочка поинтересней. — Он придвинулся к Николасу вплотную и посмотрел прямо в глаза, для чего капитану пришлось подняться на цыпочки. — Что же у них с вами-то, гражданин Фандорин, облом вышел? Исполнитель мертв, а вы живы. Зря вы со мной ваньку валяете. Ей-богу зря. Как бы вас самого в удобной упаковке не расфасовали. Мне-то что, я переживу. Ваша проблема.

И двинулся к двери, напевая песенку кота Леопольда: «Неприятность эту мы переживем».

Ника переполошился:

— Пойдите! Вы не можете так меня бросить! Я же не олигарх, у меня телохранителей нет!

— У нас тоже их напрокат не дают, — бросил через плечо оперуполномоченный. — В УБОПе, правда, есть отдел защиты свидетелей, но вы же свидетелем быть не желаете. Рассказали бы правду-матушку, а? Очень уж зацепочка нужна.

Оглянувшись на Николаса, немного подождал.

— Не расскажете. Ну, хозяин — барин. А надумаете — вот номер.

Сунул визитную карточку, сделал ручкой и был таков. Через секунду хлопнула входная дверь, Фандорин остался один.

Пытаясь унять дрожь во всем теле, прошелся по гостиной. Хотел выпить виски и даже налил, но тут вспомнил про сына с дочкой.

Стоп. Трястись от страха будем потом, когда дети уснут.

Растянув губы в улыбке, отправился в детскую. Что за сказку он рассказывал? Ах да, про Серого Волка. А где остановился? Черт, не вспомнить. Ну, будет ему сейчас за забывчивость.

Сказку досказывать не пришлось — хоть в этом вышла Николасу амнистия. Близнецы, не дождавшись возвращения сказочника, уснули, причем Геля перебралась к брату в кровать и положила золотистую голову на его плечо.

Эта поза выглядела до того взрослой, что Фандорин вздрогнул. Права Алтын, специалистка по вопросам пола! Нужно расселить их по разным комнатам. Пятый год жизни — как раз период первичного эротизма. И уж во всяком случае не следовало нести чушь про любовь между братом и сестрой!

Но в следующий миг он увидел свисающую из-под одеяла руку Эраста с крепко зажатой игрушечной шпагой и устыдился своей взрослой испорченности. Бросил детей в темном лесу, перед разинутой пастью страшного волка, а сам ушел и долго не приходил. Вот Геля и кинулась к брату за защитой.

Николас осторожно разжал пальцы сына, вынул шпагу. Вышел на цыпочках, судорожно стиснув пластмассовое оружие.

Чушь, какая чушь! «Гад и обманщик»? «Приговаривается к истреблению»?

Один день похож на другой, и от этого кажется, что жизнь обладает логикой и смыслом. Так, должно быть, полагает и улитка, греющаяся на рельсе железной дороги. А потом невесть откуда налетит огромное, черное, лязгающее, от чего нет спасения... За что, почему — есть ли что-нибудь пошлее и глупее этих вопросов? А ни за что, а ни почему. Так природа захотела, почему — не наше дело.

Слава богу, дома не было жены, и никто не видел постыдного Никиного метания по комнатам, не слышал бессвязных и жалких причитаний.

Чтобы положить конец истерике, он выпил три неразбавленных виски, и на помощь пришел мудрый алкогольный фатализм: чему быть, того не миновать, а побарахтаться в любом случае стоит. Решив, что утро вечера мудренее, Фандорин лег в кровать, для верности проглотил еще две таблетки успокоительного, и ему сразу же приснился успокоительный сон. Будто он умер, но в то же время как бы и не умер. Лежит этакой спящей красавицей в хрустальном гробу и поглядывает вокруг. Там, снаружи, гроза, сверкают молнии, дождь колотит по прозрачной крышке, но замечательная усыпальница уютна и надежна. Беспокоиться ни о чем не нужно, идти никуда не нужно, и вообще делать ничего не нужно, потому что любое действие нарушает гармонию. Эта мысль показалась сонному мозгу Николаса гениальным в своей величавой простоте открытием. Уже полупроснувшись, он всё продолжал додумывать ее, вертеть так и этак.

Нам только кажется, будто с нами что-то происходит и что мы перемещаемся во времени и пространстве. Нет, мы, то есть Я, — единственная фиксированная точка во всем мироздании. Вокруг может твориться что угодно, но моя незыблемость гарантирована, улыбался еще не открывший глаза Фандорин. Хрустальный гроб — отличный образ, подумал он, потягиваясь. Но тут за окном действительно грянул гром, задребезжали залитые дождем стекла, и под напором ветра распах-

нулась форточка. Первое, что пришло в голову испуганно вскинувшемуся Николасу, — не переоценил ли он прозрачность и прочность такой необычной гробницы.

Глава шестая

УТРАЧЕННЫЙ РАЙ

Сейчас, сейчас растопыренная пятерня подденет за ворот или за рукав, и тогда сей тесный закут воистину обернется для Митридата Карпова усыпальным склепом. Совершенно невозможно представить, чтобы два изверга, злоумышляющие против самое великой императрицы, оставили в живых свидетеля своего душегубства. Прикидываться малолетним несмышленищем бесполезно — итальянец видел, как Митя перед светлейшим красовался, чудесами памяти блистал.

Зефирка сердито заворчала, цапнула и прижала к груди какое-то из своих сокровищ, но этого ей показалось мало, и мартышка укусила настырную ручищу за палец.

Гвардеец чертыхнулся, но руки не отдернул, вот какой храбрый.

— Крыса! — пропыхтел он. — Ну, я тебе...

Схватил Зефирку за ногу, выволок к свету. Та жалобно заверещала, блеснул зажатый в лапке хрустальный флакон.

— Шишки смоленые! Глядите, Еремей Умбертович, — загоготал Пикин. — Никакой не Ворон склянку стащил, а иная птица, сорока-воровка! Зря напугались. Ну-ка, что там у ней еще за добыча.

Митя и дух перевести не успел — загибающая рука потянулась к нему сызнаова.

Охваченный ужасом, он подпихнул ей навстречу всё, что лежало в надпечье: и съестные запасы, и свою пряжку, и старичкову звезду.

Звезда-то его и спасла.

— Ого! — Пикин с грохотом спрыгнул на пол. — Давайте делить добычу, ваше превосходительство. Пряжку вам, печенье с яблоком, так и быть, тоже, а Сашку Невского мне. Алмазы повыковыряю, закладчику снесу, вам же польза будет — часть долга уплачу.

Жалко стало Мите старичка, а что делать?

— Маленькая какая, будто игрушечная или детская, — рассеянно пробормотал Метастазियो (про пряжку — больше вроде не про что). — Ладно, все хорошо что хорошо кончается. К делу, Пикин. Этими камешками вы с долгами не расплатитесь. А вот если нынче всё исполните в точности, то мы квиты. Как только у старухи ночью начнется мигрень и рвота, получите все свои векселя и расписки. А когда вступит в силу завешание, я вам новый кредит открою, на десять тысяч.

— На пятьдесят, — сказал бравый преображенец. — И еще мало будет, шишкин корень. Если курносый останется с носом (ха,

каков каламбур!), вы с Платоном всю Россию в карман положите...

Затопали к выходу. Слава Богу, ушли. Можно было вылезать.

Вечером ужинали у императрицы в Бриллиантовой комнате, в самом что ни есть ближнем кругу. Сама государыня, августейший Внук без супруги, Фаворит, две старые и очень некрасивые дамы да адмирал Козопуло.

Еще были начальник Секретной экспедиции Маслов и страшный зуровский секретарь, но эти сидели не за столом, а на табуреточках: первый позади императрицы, второй с противоположной стороны, за спиной у князя. Оба держали на коленках по бювару, стопке бумаги, чернильницу с пером — чтоб враз записать, если ее величеству или его светлости придет на ум какая-нибудь государственная или просто значительная мысль.

Правда, за весь вечер такого ни разу не случилось. Наверно, из-за адмирала. Он трещал без умолку, сыпал рассказами и прибаутками, но неинтересными — всякая история заканчивалась тем, как кто-то навалил в штаны, или протошнился на каком-нибудь высоком собрании, или прелюбодействовал с чужой женой и прыгал нагишом в окно. Одним словом, всегдашние взрослые шутки. Как им только не наскучит?

А государыне нравилось. Она до слез смеялась адмираловым историям, особенно

если попадались нехорошие слова, несколько раз даже их повторила. И все остальные тоже хохотали.

Екатерина тут была совсем не такая, как давеча; в Малом Эрмитаже. Одета попросту, в свободное платье и белый тюлевый чепец. Лицо размягченное, простое.

— Хорошо, — говорила. — Только здесь душой и разнежишься.

На Митин взгляд, место для душевного отдохновения было странное. В стеклянных шкапах торжественно сверкали имперские регалии: большая и малая корона, скипетр, золотое яблоко, прочие коронные драгоценности. По стенам были развешаны шелковые и парчовые штандарты. Тут бы навытяжку стоять, при полном парадном мундире, а ей, вишь ты, отдохновенно. Должно быть, у государей душа не от того отдыхает, от чего у обычных смертных.

— Право, отрадно. — Императрица привольно потянулась. — Будто двадцать лет долой. Уж прости, дружок, — обратилась она к Внуку, — что твою Лизаньку сюда не зову, больно свежа да хороша. А так рядом с моими старушками я могу чувствовать себя красавицей. — И, со смехом, взвизгнувшей левретке. — Ах, прости, милая Аделаида Ивановна, про тебя забыла. Нас тут с тобой две красавицы.

Собачка рада вниманию, хвостом виляет, а царица лукаво Фавориту — да не на «вы», а просто, по-домашнему:

— Горюй, Платоша. Сегодня первый красавец не ты, а вон тот премилый кавалер. — И на Митю показала. — Играйся, ангел мой, играйся. После, глядишь, и я с тобой поиграю.

Диспозиция у Митридата Карпова была такая: его определили ползать по полу, где специально разложили цветные кубики и расставили деревянных солдат. Спасибо, конечно, за внимание, но все же взрослые невыносимо тупы. Какие кубики, какие солдатики, если они вчера уже видели, что разумом он ни в чем им не уступает?

Однако если б Мите вместо младенческих забав даже приготовили более увлекательную игрушку — хотя бы те же логарифмические таблицы — ему нынче все равно было не до развлечений. К деревяшкам он и не прикоснулся, всё не мог отвести глаз от некоего хрустального флакона, стоявшего подле государыни. Тот самый иль не тот? Подменил Пикин или не сумел?

По случаю постного дня на столе были только рыба и фрукты, да и то всю рыбу съел один Козопуло, прочие к еде почти не прилагивались. Наверно, знают, что тут не разъешься, и заранее поужинали, сообразил Митя. Пили же по-разному, и для всякого было заготовлено свое питье: перед царицей кроме флакона был еще графин со смородиновым морсом, Фаворит пил вино, адмирал — английский пунш гаф-энд-гаф, великий князь довольствовался чаем, старухи потягивали наливку, Маслов и итальянец сидели так.

Два раза рука Екатерины тянулась к роковой склянке, и Митя коченел от ужаса, но в последний момент предпочтение отдавалось морсу.

Как, как рассказать ей про смертельную опасность?

Весь день Митю продержали в Фаворитовых покоях. Дел никаких не было, но и не сбежишь — у дверей крепкая охрана, без особого позволения не выпустит. Он думал, вечером расскажет, когда в Брильянтовую комнату поведут, но повел его не кто иной, как самый главный злоумышленник Еремей Метастазіо. Митя так его боялся, что аж жмурился. Итальянец спрашивал про какую-то безделицу, а он и ответить толком не смог.

И за ужином секретарь нет-нет, да и поглядывал на Митридата, вроде бы рассеянно, но внутри от этих черных глаз всё так и ledenelo. Оказывается, не выдумки это, про черный глаз-то. У кого душа черная, у того и взгляд такой же.

— А все же выпью настоячки, — сказала решительно государыня. — Хоть и пятница, да грех небольшой. Опять же церковь не воспрещает, если для здоровья польза. Ведь ваша настоячка полезная, Константин Христофорович? Полюбила я ее, всю внутренность она мне согревает.

— Осень полезная, васе велисество! — немедленно заверил грек. — И благословлена митрополитом. Покази-ка язык, матуська. Если розовый — пей смело.

Семирамида высунула язык, и все с интересом на него воззрились, а Митя даже на цыпочки привстал. Язык, к сожалению, был хоть и шершаво-крупитчатый, но совершенно розовый. Беды, похоже, было не избежать.

— Мозьно. Бокальсик, дазе два, — разрешил Козопуло и тут же налил настойки.

Митю будто толкнула некая сила. Он с криком бросился к столу и толкнул ее величество в локоть. Бокал полетел на пол, обрызгав царицыно гродетуровое платье.

— Ах! — вскричала Екатерина, а начальник Секретной экспедиции с неожиданным проворством прыгнул со своей табуреточки к Мите и крепко схватил его за ворот.

Императрица ужас как рассердилась.

— Маленький дикарь! Сердце так и зашлось. Вон его отсюда, Прохор Иванович!

Маслов потащил нарушителя чинности за ухо к двери. Было больно и обидно, Митя хотел крикнуть про отраву, но в этот самый миг встретился глазами с господином Метастазियो. Ух как жуток был этот яростный, изничтожающий взгляд! А потом секретарь посмотрел ниже и судорожно дернул шейный платок, будто не мог вдохнуть. Увидел, понял Митя. Туфлю без пряжки увидел. Догадался...

Кое-как досеменил до двери, влекомый масловской рукой, беспощадной терзательницей уха. Вдруг раздался отчаянный вопль государины, и железные пальцы Маслова разжа-

лись. Оберегатель престола кинулся к своей повелительнице.

— Что с ней? Смотрите! Ей плохо! — кричала Екатерина, указывая на пол.

Там, в разлившейся рубиновой лужице, лежала левретка Аделаида Ивановна, беззвучно разевая пасть и дергая всеми четырьмя лапами.

— Яд! — громовым голосом возопил Маслов. — Настойка отравлена! Умысел на жизнь государыни!

Императрица так и обмякла. К ней ринулись, опрокидывая кресла.

— Это хоросья настойка! — бил себя в грудь Козопуло. — Я пил, матуська-царица пила! Никогда нисего!

Вдруг тайный советник вернулся к Мите, схватил за плечи.

— Пошто бутыль разбил? — вкрадчиво прошептал он. — С малолетской дури или знал про отраву?

Тихо прибавил:

— Ты мне правду скажи, мне врать нельзя.

Глаза у губастого старика были матовые, без блеска. Тут бы всё ему и рассказать, но Митя оплошал — зачем-то взглянул на Метастазियो, да и впал в оцепенение под неотрывным василисковым взглядом заговорщика.

— Знаешь что-то, вижу, — шепнул Маслов. — Добром скажешь или в экспедицию свести? Не погляжу, что маленький...

Тут донесся слабый голос:

— Где он? Где мой ангел-хранитель? Что это вы, Прохор Иванович, ему плечики сжимаете? Иди сюда, спаситель мой. Мне и России тебя Господь послал!

И ослабла хватка черного старика, разжалась.

После памятного вечера в Брильянтовой комнате Фортуна подбросила Митридата Карпова выше высокого. Из пажей светлейшего князя Зурова, у которого этаких мальчишек разного возраста числилось до двух дюжин, сделался он Воспитанником Ее Величества, единственным на всю империю — такое ему было пожаловано отличие. Были и другие награды, более обыкновенные, но тоже завидные. Во-первых, вышло Мите повышение по военной службе: прежде он числился по конногвардейскому полку капралом сверх штата, а теперь стал штатным вахмистром, что равнялось чину армейского капитана. Во-вторых, папеньке за труды по воспитанию чудесного отрока был послан орден святого Владимира и пять тысяч рублей серебром. Однако соизволения на то, чтоб папенька с маменькой приехали (про Эндимиона Митя, памятуя затрешины и раздавленных лягушат, не просил), получено не было. «Я тебе буду вместо матушки, а Платон Александрович вместо батюшки, — ответила Екатерина. — Родителям же твоим в утешение какую-никакую деревеньку подарю из новых, из

польских. Там земли да мужиков много, на всех хватит». Митя к тому времени уже ученый был, знал, что это она Фаворита устраивать не хочет, ибо князь Зуров не терпит подле самодержицы красивых мужчин. Иные семейства своим смазливym отпрыскам на этом даже ухитрялись карьеру строить. Отправят ко двору такого юного красавца, покрутится он денек-другой, помозолит глаза светлейшему — глядишь, дипломатическим курьером пошлют, или в армию с повышением, а одного, очень уж хорошенького, даже посланником к иностранному двору отправили, только б подальше и на подольше.

В общем, остался Митя один-одинешенек сиротствовать, а верней, как выразился остроумец Лев Александрович Кукушкин, *сиротствовать* — многие этак томиться пожелали бы.

Воспитаннику отвели близ высочайших покоев собственный апартамент с окнами на Дворцовую площадь. Приставили штат лакеев, назначили учителей, за здоровьем бесценного дитяти досматривал сам лейб-медик Круис.

Жилось Мите с роскошеством, но не в пример стесненней, нежели в Утешительном.

Подъем не когда пожелаешь, а затемно, в шесть, как пробьет дворцовый звонарь: далее никто спать не смей — ее величество изволили пробудиться. Утреннее умывание такое: чтоб Митридату легче сонные глазки разлепить, слуга ему протирал веки губкой,

смоченной в розовой воде; потом драгоценное дитя под руки вели в умывальню, где вода, качаемая помпой, сама лилась из бронзовой трубки, да не ледяная, а подогретая. Своей рученькой он только зубы чистил, омыванием же прочих частей тела ведали два лакея — один, старший, всего расположенного выше груди, второй — того, что ниже.

Одежда и обувь для императрицыного любимца были пошиты целой командой придворных портных и башмачников всего в два дня. Наряды, особенно парадные, были красоты неопишуемой, некоторые с самоцветными камнями и золотой вышивкой. Заняло все это богатство целую комнату, именовавшуюся гардеробной. Жалко только, самому выбирать платье не позволялось. Этим важным делом ведал камердинер. Он знал в доскональности, силен ли нынче мороз да какое у Митридата на сей день расписание, и желания не спрашивал — подавал наряд по уместности и okazji. Переодеваться для различных надобностей приходилось не меньше семи-восьми раз на дню.

Как оденут — передают куаферу чесать волосы, мазать их салом и сыпать пудрой.

Потом завтрак. Готовили в Зимнем дворце плохо, потому что государыня на кушанья была непривередлива, больше всего любила вареную говядину с соленым огурцом, и еще потому, что ее величество никогда не бранила поваров — боялась, что какой-нибудь от-

чаянный обидится да яду подсыплет. Вот повара и разленились. Кашу давали пригорелую, яичницу пересоленную, кофей холодный. В Утешительном Митю питали хоть и не на серебре, но много вкусней.

Дальше начинались уроки, для чего была отведена особая классная комната. Помимо интересного — математики, географии, истории, химии — обучали многому такому, на что тратить время казалось досадным.

Ну, верховая езда на британском пони или фехтование еще ладно, дворянину без этого невозможно, но танцы! Менуэт, русский, английский, экосез, гроссфатер. Ужас что за нелепица — скакать под музыку, приседать, руками разводить, каблуком притоптывать. Будто нет у человека дел поважнее, будто все тайны природы уже раскрыты, морские пучины изучены, болезни исцелены, перпетуум-мобиле изобретен!

А занятия изящной словесностью? Кому они нужны, эти выдуманные, никогда не бывавшие сказки? До четырех лет Митя и сам почитывал романы, потому что еще ума не нажил и думал, что всё это подлинные истории. Потом бросил — полезных сведений из литературы не получишь, пустая трата времени. Теперь же приходилось читать вслух пьесы, по ролям: «Наказанную кокетку», «Гамлета, принца Датского», «В мнении рогоносец» и прочую подобную ерунду.

После обеда обязательные развлечения — игра на бильярде и в бильбокет. Но прежде

дополнительные уроки по неуспешным дисциплинам. Таковых за Митридатом числилось две: пение и каллиграфия. Ну, если человеку топтыгин на ухо наступил, тут ничего не сделаешь, а вот с плохим буквописанием Митя сражался всерьез, насмерть. Почерк и вправду был очень нехорош. Буквы липли одна к другой, слова сцеплялись в абракадабру, строчки гуляли по листу как хотели. Писать-то ведь учился сам, не как другие дети, которые подолгу прописи выводят. Опять же рука за мыслью никак не поспевала.

Однажды, когда Митридат, пыхтя, скреб пером, портил чудесную веленевую бумагу, вошла императрица. Посмотрела на детские страдания, поцеловала в затылок и поверху листа показала, как следует писать, — начертала: *«Вечно признательна. Екатерина»*. Учитель велел нижние каляки отрезать, а верхний край, где высочайшая запись, хранить как драгоценную реликвию. Митя так и сделал. Отправил бумажку с ближайшей почтой в Утешительное.

Злодеев, которые подсыпали в графинчик с адмираловой настойкой отраву, пока не сыскали. Рассказать бы матушке-царице всё, что слышал на печи, да жуть брала. А если Метастазियो отпираться станет (и ведь беспрременно станет!), если потребует доносильщика предъявить (обязательно потребует!)? Что угодно, только б не смотреть в черные, пронызывающие глаза! От одного воспоминания об этом взгляде во рту делалось сухо, а в животе тесно. Митя слышал, как Прохор Ива-

нович Маслов докладывал ее величеству о ходе дознания: мол, его людишки с ног сбиваются и кое-что нащупали, но больно велика рыбина, не сорвалась бы. Еще бы не велика! Может, дотошный старик сам докопается, малодушничал Митя.

Великая монархиня звала своего маленького спасителя «талисманчиком» и любила, чтоб он был рядом, особенно когда решала важные государственные дела. Любила повторять, что ей сего мальчика само Провидение послало, что это Господь побудил малое дитя разбить смертоносный бокал. Бывало, задумается повелительница над трудным решением и вдруг бросит на воспитанника странный взор, не то испытующий, не то даже боязливый. Иной раз и мнение спрашивала. Митя сначала гордился таким к себе уважением, а потом понял — ей не разум его нужен, а нечто другое. Не вслушивалась она в прямой смысл сказанного, а тщила угадать в звуке слов некое потаснное значение, будто вещает не маленький придворный в бархатном камзолычке, а дельфская пифия.

К примеру, на послеполуденном докладе было. Государыня сидела разморенная, прикрыв глаза. То ли слушала, то ли нет. Сзади — камер-фрейлина, перебирает пальчиками у ее величества в волосах. Как найдет насекомое, давит ногтем о плоскую золотую коробочку, вошегубку. Митя был на обычном месте, низенькой скамеечке, читал Линнееву «Философию ботаники».

Камер-секретарь, претолковый молодой человек, хоть и очень некрасивый (кто ж красивого на такую должность пустил бы?), зачитывал депеши.

— В истекшем 1794 году в городе Санкт-Петербурге родилось 6750 человек, умерло 4015.

Императрица открыла глаза:

— Сколько ж прибавилось?

Камер-секретарь стал шевелить губами, а Митя, не отрываясь от чтения:

— Две тыщи семьсот тридцать пять.

— Плодятся — стало быть, сыты, ненапуганы и жизнью довольны, — кивнула Екатерина, снова смежила веки.

Докладчик читал дальше:

— Из Америки пишут. Против индейцев, обеспокоивших Кентукскую область, выслан корпус добровольнослужащих, который и разбил их совершенно.

Митя вспомнил саженого индейца. Представил, как тот крадется в ночи к ферме белого поселянина. В руке у него боевой топор, за спиной колчан со стрелами. Куда как страшно! Молодцы добровольнослужащие.

— Оттуда ж. Неприятное известие с острова Гваделупа. Французы в начале октября принудили англичан сдаться на капитуляцию и отправиться в Англию, обещав в продолжение войны не служить уже больше против французской республики.

Царица нахмурилась — не любила французов.

Камер-секретарь заметил, стушевался:

— Тут еще, того хуже...

— Ну же. — Государыня покачала головой. — Знаю я тебя, иезуитская душа. Самую пакость на конец поберег. Проверяешь, гневлива ли. Не гневлива, не опасайся.

Тогда молодой человек тихо прочел:

— Французы взяли город Амстердам...

— Да что ж это, Господи! — ахнула Екатерина. — Когда ж на них, проклятых, укорот сыщется?

Вдруг повернулась к Мите и спрашивает:

— Что делать, душенька? Объединиться с Европой против якобинцев, или пускай они и дальше промеж себя режутся, друг дружку ослабляют? Скажи, дружок, отчего эти голодранцы всех бьют? Ведь и ружей у них не хватает, и пушек, и мундиров нет, и в провианте не достача? Что за напасть такая?

И смотрит на него с надеждой, словно ей сейчас некая великая истина откроется.

А Митя рад принести благо человечеству. Линнея отложил, постарался говорить попроще и не тараторить, чтоб до нее как следует дошло:

— Это они оттого регулярную армию бьют, что у французов теперь равенство, и солдат не скотина, которая вперед идет, потому что сзади капрал с палкой. Свободный воин маневр понимает и знает, за что воюет. Свободные люди всегда и работать, и воевать будут лучше, чем несвободные.

Хотел хоть немножко подвигнуть Фелицу к пониманию того, что невозможно на исходе восемнадцатого столетия большую часть подданных содержать в постыдном рабстве.

А она в ответ:

— Как верно! Вот уж воистину устами младенца! — И секретарю. — Пиши указ: следующий рекрутский набор произвести не из крепостных крестьян, а из вольных хлебопашцев, ибо рожденные свободными к воинскому ремеслу пригодны больше.

Остолбеневшего Митю в щеки расцеловала, подарила лаковые сани с царского каретного двора. Вот оно каково властителям-то советовать — хотел добра, а вышло зло.

Или еще случай был.

Раскладывала государыня пасьянс-солитэр, пребывала в мечтательном настроении.

— Ах, — говорит, — мой маленький птеник, отчего это старому мужчине, хоть бы даже и шестидесятилетнему, незазорно жениться на молоденькой, а зрелой даме того же возраста повенчаться с мужчиной двадцати шести или семи лет почитается невозможным?

И опять смотрит с надеждой, вздохнуть боится.

Подумав, Митя ответил так:

— Это, я думаю, оттого, ваше величество, что от шестидесятилетнего старичка все-таки еще могут дети произойти, а у шестидесятилетней бабушки приплода быть не может.

Женятся-то ведь, чтобы население преумножать, иначе зачем бы?

Кстати и факт подходящий вспомнился.

— Однако науке известны и исключения. Я читал, что в 1718 году в мексиканском вице-королевстве некая Мануэла Санчес шестидесяти трех лет забрюхатела и произвела на свет мертвого младенца женского пола весом семь фунтов три унции и два золотника, сама же померла от разрыва детородных органов.

Императрица карты швырнула, велела выйти вон, у самой слезы из глаз. А что такого сказал?

Правда, потом вышла следом в коридор, приласкала, назвала «простой душой» и «деточкой». Многие это видели, и Митин «случай» засиял еще ярче.

При дворе уж и без того много говорили о чудесном ребенке и особом расположении к нему матушки-царицы. Само собой, явились и просители. Один камергер ходатайствовал, чтоб его приглашали на малоэрмитажные собрания. Поклонился фунтом бразильянского шоколаду. Вице-директор императорских театров, пришедший хлопотать за дозволение к постановке некоей игривой пьесы, похоже, не ожидал, что прославленный Митридат окажется настолько мал. Вручил заготовленные дары не без смущения: полфунта виргинского табаку и новейшее изобретение от дурной болезни — прозрачный капушончик из пузыря африканской рыбы. Табак Митя отдал ка-

мердинеру, шоколад съел сам, а растяжной капушончик выказал себя незаменимой вещью для опытов с нагреванием газа.

Понемногу Митридат обвыкался в огромном дворце, который строчка за строчкой, страница за страницей раскрывал перед ним книгу своих бесчисленных тайн. Конечно, не всю, а лишь малую ее часть, ибо постичь сей огромный каменный фолиант во всей его необъятности навряд ли было под силу смертному человеку, хоть бы даже и самому дворцовому коменданту. Проживи сто лет под гордыми сводами — и то всего не узнаешь. После заката Версаля на всей земле не было чертогов великолепней и просторней этих.

Для изучения дворца Митя предпринимал экспедиции: сначала в ближние пределы — в соседние залы, в висячие сады, на хоры. Потом все дальше и дальше. Со временем выяснилось, что Зимний полон не только прекрасных картин с изваяниями, а также всяких несчитанных богатств, но еще и роковых опасностей. У дворца явно была своя потайная жизнь, своя живая душа, и душа недобрая, желающая новичкам зла и гибели.

На седьмую ночь после Митиного вселения приключилось необъяснимое, зловещее событие. Лежал он ночью в необъятной высоченной кровати, на которую можно было вскарабкаться только по лесенке, и смотрел на бронзовую люстру. Не то чтобы смотрел —

чего на нее смотреть, когда она уже вся в доскональности изучена, — просто пялился вверх, а там, наверху, как раз и располагалась люстра. Спать не хотелось. Государыня требовала, чтобы ребенка укладывали в десять, и читать ночью не позволяла, якобы от этого здоровью вред. Он пробовал объяснить, что ему для зарядки энергией довольно и трех часов, но царица, как обычно, толком не слушала. Так что хочешь — не хочешь, а лежи, думай.

Тяжеленная люстра изображала Торжество Благодетеля: само Благодетельство в образе бородатого старца располагалось посередине, а по краям вели хоровод певцы с кимвалами и арфами.

Лежал, размышлял о том, как преобразовать правосудное устройство, чтобы судьи судили честно, властей не боялись и от истцов с ответчиками подношений не брали. Задача была не из простых, не для ночного ума, и Митя сам не заметил, как задремал, но, видно, ненадолго и некрепко. Проснулся оттого, что показалось, будто скрипнула дверь. Потом услышал легкий шорох — как бы рвется что-то. Похлопал глазами, пытаюсь сообразить, что бы это могло быть. На бронзовом круге люстры тускло мерцал отсвет заоконного фонаря. Вдруг блик шевельнулся — сначала покачался, потом двинулся книзу, с каждым мигом разрастаясь и ускоряясь. Не столько уразумев, сколько почувствовав, что люстра падает, Митя выкатился из-под

одеяла на пол. Зашиб локоть, но, если б промедлил еще пол-мгновения, упавшая махина оставила б от него кучку фарша и переломанных костей. От удара у кровати подломились толстые ножки, а ложе в середине треснуло пополам.

После, когда стали разбираться, выяснилось, что лопнули волокна веревки, на которой опускают бронзовое чудище, чтоб зажигать свечи. Лакея, который к светильникам приставлен, государыня сгоряча велела за небрежение прижечь клеймом и сослать в Сибирь, но после сжалилась, приказала только немножко посечь и отдать в солдаты.

Митя тогда не очень-то и напугался — отнес за счет дурного нрава Дворца, от которого можно ожидать всякой каверзы. Но прошла еще неделя, и дело предстало в совсем ином свете.

К тому времени экспедиции по изучению каменного исполина достигли подвала, где находились кладовки и кухни. Провизия, равно как и ее приготовление, Митридата не интересовали, но за винным погребом обнаружилось любопытное местечко — старый, выложенный камнем колодец, очень возможно, что оставшийся еще от прежней постройки. Раньше, пока не провели трубы, из него, наверное, брали воду для кухонных надобностей, теперь же он стоял заброшенный. Колодец был неглубокий, до воды не дальше полусажени (земля-то в Петербурге топкая, до почвенных вод всегда близко). С четырех

сторон — каменные ступеньки, чтоб поваренку сподручней наклониться, бадейкой на палке зачерпнуть воды.

Раз колодец простаивал без пользы, Митя решил приспособить его для химического опыта — выращивания кристаллов медного купороса. Место холодное, без ненужных испарений. Спустил на веревках две стеклянные банки с пересыщенным раствором, в одной обычная нитка, в другой шелковая. Раза по три на дно бегал проверять — не появились ли кристаллы.

23 февраля, в пятницу, с утра, в первой банке начался процесс. На суровой нитке явственно посверкивали синие крупички. Ура!

Митя спустил банку обратно. Свесился, чтобы поднять вторую, но тут чья-то сильная рука схватила его за фалду, другая подцепила за воротник и швырнула головой вниз. Краем глаза он успел заметить зеленый рукав с красным обшлагом, а в следующий миг плюхнулся в черную ледяную воду.

Вынырнул в темноте, задыхаясь и отплевываясь. Стал барахтаться. Пробовал кричать, и в каменном квадрате крик отдавался гулко, но на кухне нипочем не услышали бы — далеко, да и шумно там. Кабы не веревки, на которых были подвешены склянки, в два счета пошел бы ко дну, ибо, хоть Митя и превзошел математическую науку, понял строение материи и изрядно знал по

философии, плавать не умел — недосуг было научиться.

Да и веревки, в которые он намертво вцепился, спасли бы его ненадолго. Через минуту-другую пальцы заоченели, стали разжиматься. Счастье великое, что вице-кох за вином шел и писк из колодца услышал, иначе непременно опечалил бы Митридат Карпов родителей и матушку-государыню.

Вице-кох мальчонку вытащил, первым делом надавал подзатыльников — не лезь куда не велено, — а после дал хлебнуть вина, раздел, шерстяной варежкой натер и в два фартука укутал. Митя на несправедливые подзатыльники и ругань не обиделся. Поцеловал драчуну за спасение руку, объяснять ничего не стал.

Потом, укутанный уже не в фартуки, а в медвежье одеяло, лежал у себя в спальне, производил умственный анализ случившегося.

Тут уж на злобность дворца грешить не приходилось, налицо был человеческий умысел. Кто-то хотел истребить государынина воспитанника и только чудом не преуспел в своем намерении.

А мудреного анализа и не понадобилось. У кого зеленый с красным мундир? У Преображенского полка.

Митя дернул за звонок, велел камер-лакею узнать, какой сегодня караул во дворце. Оказалось, точно, преображенский. Командир — капитан-поручик Пикин. Как Митя это имя

услыхал, снова его затрясло, но уже не от холода. Стал дальше размышлять, вспомнил и про упавшую люстру.

Наскоро оделся — сам, без камердинера. Прокрался в кордегардию, где журнал караульных дежурств. Подождал у двери, пока сержант отправится посты проверять, и заскочил внутрь. Кто неделю назад, 16 февраля, тоже в пятницу, дежурил? Так и есть: капитан-поручик Андрей Пикин. Зря, выходит, лакея в солдаты отдали. Да и ночной скрип объяснился. Прокрался злодей в спальню, подрезал ножиком или еще чем волоконца на веревке, да и был таков, а остальное тяжесть люстры довершила.

Вон оно что! Не успокоился господин Метастазियो, предприимчивый человек. И не успокоится, пока не изведет со свету опасного свидетеля.

Видно, не в себе Митя был, не услышал приближающихся шагов, а когда дверь открылась, бежать было поздно.

Вошли Пикин и сержант-преображенец, совсем еще юнец.

— Глядите, Бибилов, — весело сказал капитан-поручик, — какой у нас гость. Сам Митридатус Премудрый. Ты что тут делаешь? Слышал, чего с любопытной Варварой приключилось? А? — Оглядел обмершего Митю своими шальными глазищами. — Мне сказывали, ты в колодец нырял? За царевной-лягушкой? Ну, шишки-семечки, в рубашке ты родился. Таким в карты везет.

Надо тебя обучить. То-то вдвоем всех чистить будем, а?

И заржал, душегуб. На роже ни тени, ни облачка, и от этого было всего страшней.

Митя взвизгнул, проскочил у сержанта под локтем, понесся со всех ног неведомо куда.

Это только так говорится, что человек несется неведомо куда, на самом-то деле всякий, даже с огромного перепугу, сразу соображает, куда ему бежать спастись. Знал про то и Митридат, даже сомнения не возникло.

Есть человек, для того и приставленный, чтобы беречь государыню и пресекать заговоры против августейшей персоны. Человек известный — тайный советник Маслов, начальник Секретной экспедиции. И давно следовало ужас перед Еремеем Метастазиио преодолеть, во всем Прохору Ивановичу признаться. Ужас, он только цепенит и воли лишает, а от гибели никогда и никого не спасал. Что кролику трепетать, взирая на разинутую пасть удава? Ведь хищного змея кроликово бездействие не отвратит от плотоядного замысла.

Проживал тайный советник близехонько от дворца, на Миллионной улице. В гости к Прохор Иванычу по доброй воле никто не хаживал, но место его обитания всему Петербургу было отлично известно. Это надо из бокового подъезда выскочить, пробежать мимо по-

лосатой караульной будки и нырнуть во двор напротив. Там, в желтом казенном доме, бдит Секретная экспедиция, при ней и квартира начальника.

Маслов выслушал всхлипывающего мальчика внимательнейшим образом, ни разу не перебил, а только кивал да приговаривал: «Так, та-ак», — и чем дальше, тем живей. Недоверия, которого Митя больше всего страшился — мол, напридумывал малолеток небылиц, — Прохор Иванович не явил вовсе, да и, судя по лицу, не очень-то рассказу удивился. Скорее обрадовался.

Заходил по тесному, сплошь уставленному запертыми шкапами кабинету, потирая сухие белые руки. Побормотал что-то под нос, покивал сам себе.

— Ты вот что, превосходный отрок, — говорит, — ты мне помоги матушку спасти и злодеев изобличить, ладно? Тогда и я сумею тебя от тех же самых извергов уберечь.

— Как же я могу вам помочь? — поразился Митя. — Я ведь маленький.

Тайный советник обнял его за плечо, усадил рядом с собою на диванчик, заговорил тихо, душевно:

— Ты хоть и невелик, а разумней многих больших. Посуди сам: вот знаем мы с тобой правду, только ведь этого мало. Не поверит нам матушка, потому что тут замешана дражайшая ее сердцу персона.

— Мне-то, конечно, не поверит, — горячо сказал Митя. — Я для нее что, кукла затей-

ная, китайский болванчик. Но уж вам-то, своему охранителю!

Прохор Иванович подпер вислую щеку, пригорюнился.

— Увы. И мне, своему верному псу, тоже не поверит. Про кого другого — да, но только не про близких подручников свет-Платошеньки. Я ей и вправду что пес: на чужих бреши, а своих не замай. Даже если сумею я в матушку сомнение заронить, дальше-то что будет?

— Что?

— А то, что явится к матушке известная особа, много красивей лицом, чем старый Прохор Маслов, запрется с ее величеством в спальенке и сыщет резоны, после которых нас с тобой вышвырнут из Зимнего, как нашкодивших кутят. И никто тогда не помешает нашему приятелю Еремею Умбертовичу довести свое злонамеренье до конца.

— А может, не сумеет светлейший сыскать резонов? Я приметил, что ума он несильного.

— Мал ты еще, — вздохнул тайный советник. — Матушка хоть и великая царица, а тоже баба. И ум князю Платону на том ристалище вовсе не понадобится.

— Что же делать? — пал духом Митя. — Неужто пропадать?

— Пропадать незачем. — Голос Маслова построжел. — Ты делай все в точности, как я скажу, и складно выйдет.

— Если смогу... — дрогнул Митин голос.

Неужто не избежать очной ставки со страшным итальянцем? Как бы от мертвяще-

го пламени черных глаз язык не присох к гортани...

— Ничего, сможешь. Если жить хочешь.

Прохор Иванович прищурил и без того маленькие глазки, пожевал губами и от этого сделался еще больше похож на старого, облезлого мопса.

— От светлейшего надо по ломтику отрезать, — молвил он тихо-претихо, будто рассуждая вслух сам с собой. — Первый ломтик — капитан-поручик Пикин. Через него доберемся до секретаря. А после прикинемся, что самого светлейшего нам не надобно. Мол, заморочили ему, бедному, голову лихие прихлебатели, а он, конечно, ни сном ни духом... Если будут у меня доказательства твердые, то отопрется от итальянца Платон Александрович, выдаст с потрохами, уж я-то его, голубя, знаю.

Тайный советник подумал еще, но теперь молча. Снова кивнул:

— Нужно от Пикина признание. С него и начнем, ибо из всех он — персона наименее значительная.

— Не будет он себя оговаривать! — вскричал Митя. — Зачем ему?

— Не зачем, а почему, — назидательно сказал Маслов. — Причину, по которой Андрейка Пикин мне всю правду скажет, я тебе сейчас покажу. Пойдем-ка.

Из кабинета он повел своего маленького общника в другую комнату, немногим просторней, однако обставленную с некоторой

претензией на уютность: у стены примостилась козетка, и даже с вышитыми подушечками, в углу висело тусклое зеркало, а подле стола с кокетливо гнутыми ножками стояли два кресла — одно деревянное и неудобное, зато другое мягкое и покойное, похожее на глубокую раковину.

— Тут у меня гостиная для частных бесед с высокородными особами, нуждающимися в отеческом вразумлении, — хитро улыбнулся Прохор Иванович, да еще подмигнул. — Дорогого гостя, а бывает, что и гостью, сажаю с почетом. — Он указал на кресло поудобней. — Сам же довольствуюсь сим скромным стулом и ни за что его не променяю на то мягкое седалище.

— Почему? — удивился Митя, попрыгав на пружинистом сиденье. — Тут гораздо лучше.

— Это как посмотреть.

Тайный советник нажал рычажок, спрятанный в ручке деревянного стула, и из подлокотников гостевого кресла вдруг выскочили два металлических штыря, сомкнувшись перед Митиной грудью. Вскрикнув от удивления, он вынырнул из-под них на пол и отполз от бешеного кресла подальше.

— К чему это?

— А к тому, душа моя, что взрослый человек, в отличие от ребенка, освободиться из сих стальных объятий никак не может. Я же еще и ремешками пристегиваю — наверху и у ног, чтоб без дрыганья.

— И что же дальше?

— А дальше вот что.

Маслов повернул рычажок еще раз, и кресло вместе с квадратом паркета поползло вниз. Однако утопло в дыре не целиком — верхняя половина спинки осталась торчать над полом.

— Ух ты! — подивился Митя. — Но зачем нужно это инженерное приспособление?

— Сейчас покажу.

Посмеиваясь, Прохор Иванович взял гостя за руку и повел из комнаты в узкий коридорчик, оттуда по винтовой лестнице в подвал. За железной дверью располагалось безоконное помещение с голыми каменными стенами. Посередине торчал деревянный помост, на котором Митя увидел нижнюю часть спустившегося сверху кресла.

От стены отделилась сутулая тень — длиннорукий человек в засаленном камзоле, со сплетенными в косицу желтыми волосами.

— Здравия желаю, ваше превосходительство! — гаркнул он оглушительным голосом. — А кресло-то пустое! Нет никого! Это как?

В руке у громогласного Митя разглядел плетку с семью хвостами и поежился. Вон оно что...

— Это экзекутор, — объяснил Маслов. — Имя ему Мартын Козлов, а я зову его Мартын Исповедник. Орет он оттого, что глух как пень. Это для секретных дел качество полезное.

Повернулся к экзекутору и тихо сказал, явно шевеля губами:

— Проверка, Мартынушка, проверка. Работа ближе к вечеру будет.

— А-а, — протянул длиннорукий и кивнул на Митю. — Это кто, родственник ваш?

— Внучок, — не моргнув глазом, соврал советник и потрепал Митю по волосам. — Иди пока, Мартын, отдыхай.

Подвел Митю к помосту, стал показывать.

— Гляди, сиденье с кресла снимается. Вот так. Потом с попавшей в сей силок особы стягиваются портки или же задирается платье, это уж смотря по принадлежности пола. И начинается работа. Я увещаю в верхней комнате, словами, и с надлежащей вежливостью, ибо персоны-то всё непростые, благородного звания. А Мартын увещевает снизу. Иной раз, — Прохор Иванович подмигнул, — и согрешишь, если баба нестарая да в обмороке сомлеет. Спустишься, снизу на нее поглядишь. Больше ни-ни, упаси Господь. Ну, рукой погладишь, это бывает.

— Их вон той плеткой секут, да? — боязливо показал Митя на страшное семихвостое орудие.

— Когда разговор легкий — к примеру, с дамой по сплетническому делу — то прутиком. Если же надо от человека ответ на важный вопрос получить, то, бывает, и семихвосткой. Покается твой капитан-поручик, как на исповеди.

Митя вспомнил, как Зефирка преображенца за палец цапнула, а тот решил, что кры-

са, и все равно нисколько не испугался, руки не отдернул.

— А если не расскажет? Пикин, он знаете какой.

Спросил больше для порядка. Сам-то, конечно, понимал, что расскажет Пикин, никуда не денется. Один раз, тому три с лишком года, Митю тоже высекли. Братец Эндимион подстроил: разбил каминные часы, а свалил на маленького, благо тот еще пребывал в безмолвии. Митя хотел снести муку стоически, как Муций Сцевола, да не вышло — орал от боли благим матом. Так то розги были, и секли легонько, по-детски, а тут вон как. Всё на свете расскажешь.

— Ну, а если ему моченой в соли семихвосточки мало будет, — сладко сказал Маслов, — то у Мартына для таких молчунов еще тисочки есть знатные, на чувствительные отростки фигуры. Такому кобелю, как Пикин, в самый раз будут. Запоем соловьем.

При чем тут тисочки и почему Прохор Иванович назвал преображенца кобелем, Митя не понял. Если ругаются, то обычно говорят про плохого человека «пес» или «собака». Если совсем осерчают — «сука».

— Сначала мы с Мартыном его в мягкость введем, — объяснял далее тайный советник. — Ты пока в тайнике посидишь. Видал в гостиной зеркало? Оно с той стороны пустое, и прелюдно всё видно. А как Пикин дозреет, крутить начнет да юлить, я тебя кликну. Освежишь ему воспоминания. Не

робей. — Начальник Секретной экспедиции щелкнул Митридата по носу. — Им, голубчикам, теперь не до того будет, чтоб с тобой квитаться. Только не струсь.

Легко сказать «не струсь». Стоя в каменном закутке за зеркалом, Митя чувствовал себя не как привык — маленьким взрослым среди больших детей, а крошечной щепочкой, которую закрутил-завертел злой водоворот. Сколько ей, бедной, ни тщиться, самой из сей пучины не выбраться и ее неведомых законов не познать.

Когда тайный советник наконец ввел в гостиную вытребованного капитан-поручика, Митя уже весь извелся. Прохор Иванович хвастал, что к нему никто опаздывать не смеет, загодя являются, а Пикин посмел — чуть не на полчаса припозднился.

— Вот и славно, драгоценный Андрей Егорыч, что вы к старику заглянули, не побрезговали, — фальшиво добродушным голосом приговаривал Маслов, ведя гостя к креслам.

— К вам, ваше превосходительство, попробуйте не приди — в цепях приволокут, — ответил злодей.

Через стекло было хорошо видно, как блеснули в беззаботной улыбке белые зубы.

— Ну уж так-таки в цепях. Наговаривают на меня злые языки, — хохотнул начальник Секретной экспедиции. — В цепях ко мне государственных преступников водят. Вы разве из их числа?

Пикин дерзко глянул на тайного советника сверху вниз.

— Государственный преступник — фигура непонятная. Бывает, что сегодня ты преступник и на тебя охота, а завтра, глядишь, всё поменялось: охотники, что тебя атукали, сами в железах.

— Про охотников это вы интереснейшую аллегорию привели, господин капитан-поручик. — Маслов за рукав повел офицера к нужному креслу. — Присаживайтесь, нам найдется, об чем потолковать.

Гвардеец поклонился:

— Благодарю. Но при столь высокой особе сидеть не смею.

— Так я сам тоже сяду. Прошу покорно запросто, без чинов. Сами видите, не в кабинете принимаю, в гостиной. Стало быть, вы для меня гость. Пока что.

Последние слова были произнесены совсем другим тоном, и бровки Прохора Ивановича грозно сдвинулись. Однако Пикин и тут не испугался.

— Все же с вашего позволения постою, — ухмыльнулся он. — Я ведь нынче в кордегардии копчусь. Всю задницу отсидел.

— Нет уж, садитесь, весьма обяжете!

Маслов схватил преображенца за обе руки, стал усаживать насильно, будто чрезмерно радужный хозяин.

Сейчас тебе отсидевшую задницу-то разомнут, злорадно подумал Митя. Будешь знать, как люстры рушить да детей в колодец кидать.

Упрямый капитан-поручик садиться, однако, не желал, и из-за этого у них с Прохором Ивановичем образовалось подобие танца — так и топтались, так и кружились на месте.

Вдруг Пикин подхватил старика под мышки и швырнул в мягкое кресло.

— Сам сиди, старый чорт! Наслышан я про твое угощенье! Митька Друбецкой мне рассказывал, как ты его учил про царицу не злословить!

Маслов хотел подняться, но бесшабашный капитан-поручик двинул его кулаком в лоб — его превосходительство плюхнулся в кресло.

Что ж это делается! Митя сбоку видел обоих: и скалящегося Пикина, и осовело хлопающего глазами тайного советника. Ах, наглец!

— Ты меня попомнишь, — сказал гвардеец, пошарил руками по креслу и нашел спрятанные за спинкой ремни. — Вот так, ваше превосходительство. И ножки пожалуйста... Где, шишки еловые, механизм-то? Должно быть, тут.

Подошел к деревянному стулу, потыкал туда, сюда и обнаружил-таки рычаг.

Вжик! На груди Прохора Ивановича сомкнулись стальные полосы.

Щелк! Кресло медленно поползло под пол.

Тут до Мити дошло, что сейчас может последовать. Мартын-то не поймет, чья ему спускается филейность. Как начнет охаживать!

— Засим остаюсь покорный вашего превосходительства слуга, — шутовски поклонился оглушенному Пикин. — Не смею далее обременять своим присутствием. Служба.

Развернулся и с залиvistым хохотом выбежал прочь — вот какой отчаянный.

Внизу что-то свистнуло, щелкнуло, и Прохор Иванович вдруг очнулся.

— А-а-а! — заорал он истошным голосом. — Марты-ын, сволочь, сгною!

Снова свистнуло.

Тут начальник экспедиции уже не крикнул — подавился криком.

Ах, беда! Ведь Мартын этот глухой. Ему что кричи, что не кричи.

Митя вылетел из потайной конурки, побегал по винтовой лестнице вниз. Вопли стали приглушенней.

Вбежал в сумрачный подвал, успел увидеть, как Мартын Исповедник смачно, с потягом, вытянул по белому в красную полоску арьеру. Мучимая часть тела свесилась в седалищное отверстие и была вся на виду.

— Дядя Мартын! — Митя вцепился палачу в жилистую руку. — Нельзя! Это Прохор Иваныч!

Экзекутор оглянулся:

— А-а, внучек. Ты только погляди на него, срамника. — Мартын зашелся в странном, клекочущем смехе. — Ишь, сладострастник!

Палец кнутобойца указывал на гузно его превосходительства. Повыше нахлестанного

места, где копчик, виднелась малая картинка: красный цветок навроде ромашки.

— Это у них мода нынче такая, у похабников, — объяснил Мартын, вытирая лоб. — Тутуеровка называется, от пленных турков пошло. Есть ходоки, которые для привлечения женского пола прямо на срамном уду тушью узоры накалывают. А этот не иначе как содомит. У них вся краса в гузне. Тьфу! Славно я его приласкал, по его любимой плепорции!

И загоготал, очень довольный шуткой.

— Ты погоди, малый, мне работать надо. Пока Прохор Иваныч шнуром не дернет, бить положено.

Ка-ак размахнется, ка-ак ударит! Сверху уже не вопль — хрип несется.

С потолка действительно тянулся тугой шнур, но только дергать за него наверху было некому.

Митя повис на руке с плеткой.

— Ты что? — удивился экзекутор.

— Это не тот, это сам Прохор Иваныч и есть, — тщательно шевелил губами Митя. — Ошибка вышла!

— Маточки-светы! — перепугался Мартын. — А я-то охаживаю во всю силу! Ишь, думаю, упрямец какой, хотел уж за тиски браться! Ой-ой-ой! Пропал, совсем пропал!

Заметался, закружился.

— Ваше превосходительство, я сейчас! Я уксусом целебным! А после лампадным маслом, — причитал мучитель, таща медный тазик.

Дальше Митя смотреть не стал. Повернулся, побрел восвояси. Понимал — стыдно будет тайному советнику после случившегося мальчонке в глаза смотреть.

Но Пикин-то, Пикин!

В тот же вечер был маскарад по случаю дня рождения ее императорского высочества благоверной государыни великой княжны Марии Павловны, которой недавно сравнялось девять лет. Празднество намечалось пышное, с размахом, на что имелись свои причины. Дочка наследника с начала зимы тяжело хворала свинкой, все уж думали, не выживет, но уберег Всевышний. Еще несколько дней назад была слабенькая, отчего и с праздником вышла задержка, а теперь уже вовсю бегала и даже ездила кататься. Государыня, сердечно любившая резвушку, придумала особенную затею: Лесной Бал. Когда Мария Павловна совсем помирала, августейшая бабка спросила у нее, желая ободрить, — что, мол, подарить тебе, душенька, на день рождения (а сама уж и не чаяла, что внучка доживет). «Лесную зверушку ёжика», — молвила ее высочество слабеньким голосом. Эту историю при дворе рассказывали не иначе, как утирая слезы.

И вот теперь Таврический дворец обратился в лесное царство. Стены парадной залы были сплошь покрыты еловыми и сосновыми ветками, кресла задрапировали на манер пней, из-за обклеенных настоящей корой колонн вы-

совывались чучела медведей, волков, лисиц, а для входа гостей приспособили боковой подъезд, ради такой оказии обращенный в огромного ежа. Еж щетинился деревянными иглами в сажень, стеклянные глаза светились огоньками, а дверь была устроена у лесного жителя в боку.

Когда привезли великую княжну и она увидела чудесного зверя, то захлопала в ладоши и завизжала от восторга. Ее высочество была в наряде ягодки-земляники: красное платьице, на обритой головке изумрудный венец. Приглашенным было велено вырядиться лесной фауной либо флорой: грибами, зверями, лешими, русалками и прочими подобными фигурами. Пренебречь не дозволялось никому, даже иностранным посланникам, которые расценили затеваемое торжество не в сентиментальном, а в политическом смысле, и явились: прусский посол в виде груздя, британский — соболя, шведский — дровосека, неаполитанский — зайца, а больше всех постарался баварский, нарядившись прегордым дубом. После в реляциях своим правительствам отписали, что сия аллегория несомненно знаменует торжество Леса (то есть лесной державы России) над своим давним соперником Полем, сиречь Польшей.

Митю камердинер нарядил мужичком-лесовичком. Пудру с волос смыл, приклеил бороденку. В остальном же наряд был незатейливый, крестьянский: лапоточки, плисовые

порты, белая рубаха с подпояской. В руке полагалось нести лиственничную ветку, грозить ею всем встречным и даже бить — иголки мягкие, не оцарапают.

Бить он, конечно, никого не стал и вскоре будто ненароком обронил ветку на пол. Походил среди гостей, поглазел на наряды, в очередной раз подивился недоумству взрослых. Настроение было тоскливое.

Еще тошнее стало, когда услышал сзади шепоток:

— А я вам говорил, ваше сиятельство, никакой он не ребенок, а ученый вавилонский карла, и лет ему никак не меньше пятидесяти. Смотрите, вон на макушке прядка седая — недокрасил.

О, невежественные, пустозыкие, скудоумные!

Дальше — хуже.

Подлетел Фаворит, нагнулся, зашептал. Глаза сумасшедшие.

— Здесь она, моя Псишея! Доложили — ее карета подъехала. Три недели носа ко двору не казала, а тут не посмела государыню огорчить! Письмо не забыл?

— Помню, — буркнул Митя.

— Молодец. В конце так присовокупи. — Князь зашелестел в самое ухо. — *«Нынче ночью жди. Как постылая заснет, приду. Ни замки, ни стены не остановят»*. Поди, нашепчи ей. И смотри: если что — кишки разматаю.

— Да кому ей-то? — жалобно вздохнул несчастный Митридат. — Я ведь и знать не знаю, какая особа имела счастье вызвать сердечный интерес вашего сиятельства.

— Графиня Хавронская. Павлина Аники-тишна, Павлинька.

Зуров выговорил это имя нежно, словно пропел.

— Видишь клавесин и арфу? Сейчас будут музицировать. Сначала Наследник споет романс в честь дочери, а потом запоет она, моя сладкоголосая русалка.

Митя обреченно направился к возвышению, где уже поставили украшенное оранжерейными ландышами кресло для государыни, для именинницы — стульчик в виде зеленой мшистой кочки.

Наследник был наряжен Лесным Царем — в короне из шишек, в мантии из бобровых хвостов. Пел он прескверно, но зато прочувствованно и очень громко. Самозабвенно разевал широкий редкозубый рот, так что во все стороны летели брызги слюны. Никто его, бедного, не слушал. Придворные болтали, шушукались, а царица переговаривалась с румяной русалкой: перевитые кувшинками волосы распущены, на простом белом платье приклеены блестки, изображающие рыбью чешую.

Едва смолкли последние аккорды и певец без единого хлопка сошел с возвышения, Екатерина громко сказала:

— Ну что, скромница, порадуй нас, спой мою любимую.

Русалка поднялась, сделала реверанс ее величеству и вышла к клавесину.

Это, выходит, и была пассия Платона Александровича, так что надлежало приглядеться к ней получше.

Митя не считал себя вправе оценивать женскую красоту, ибо не достиг еще уместного возраста, однако смотреть на графиню Хавронскую безусловно было приятно. Округлое, в форме сердечка лицо, губки бутоном, ясные серые глаза с предлинными ресницами, розовейше-белейшая кожа — всё было диво. Да одних волнистых, обильных волос хватило бы, чтоб даже во сто крат менее прекрасную лицом особу сочли привлекательной.

Павлина Аникитишна запела про сизого голубочка, который стонет день и ночь, ибо от него миленький дружок улетел надолго прочь, и тут очарование ее нежной красоты и мягкого голоса сделалось почти невыносимым — прямо-таки затруднительным для мерного дыхания, ибо от восторга воздух застывал в горле и не желал наполнять грудь.

Графине хлопали долго и даже кричали «Браво!». Когда она вернулась на прежнее место, Митя подобрался ближе, встал за спинкой царицыного кресла.

От пения Павлина Аникитишна распунцовелась еще пуще, глаза наполнились сиянием, но ресницы сдерживали этот пламень, скромно затеняли его. Красавица ни на кого не смотрела, внимала словам Екатерины, потупив взор.

— Улетел твой милый дружок, улетел, — ласково выговаривала ей императрица. — Да не надолго, а навсегда, не вернешь. Поплакала уже, погоревала, будет. Что ж себя заживо хоронить? Полно, матушка, глупствовать. После, когда станешь старая, будешь локти кусать. Мою свойственницу всякий возьмет, выбирай любого жениха. А не хочешь замуж, — Екатерина наклонилась к скромнице, с лукавой улыбкой шепнула, — так заведи себе сердечного дружка. Никто не осудит, ведь пять лет вдовствуешь.

Ужас до чего сейчас было жалко великую монархиню. Не знает, бедняжка, какого аспида пригрела на сердце. Еще и сама, святая простота, содействует его злоядному умыслу. Послушает красавица совета, призадумается про сердечного дружка, а тут как раз посланник к Псишее от Амура.

— Благодарю за доброе участие, ваше величество, — тихо молвила графиня. — А только не нужно мне никого. Ежели бы только вы исполнили давнюю мою просьбу и дозволили удалиться в деревню, я была бы совершенно...

— Ну нет! — Екатерина сердито шлепнула прекрасную даму веером по руке. — Я дурству не потатчица! Еще после мне, сударыня, спасибо скажете!

Митя увидел, как из-под пушистых ресниц Павлины Аникитишны сбегает две хрустальных слезинки, и прослезился сам.

Нет, не было его мочи участвовать в Фаворитовом окаянстве.

Выбежал в вестибюль, где скидывали шубы припозднившиеся гости. По лестнице поднялся на галерею. Там было хорошо, темно. Устал Митридат от света — во всех смыслах сего слова. Отчего папенька так алкал этого Эдема? Что в нем хорошего? Семилетнего человека, и того не могут оставить в покое.

Залез на широкий подоконник, прижался пылающим лбом к холодному стеклу. Внизу горели факела и разноцветные лампы, подъезжали и отъезжали кареты, посверкивали оледеневшие иглы чудо-ежа.

Митя спрыгнул на пол, в скорбной задумчивости прошелся по безлюдной галерее.

Никакая она, оказывается, была не безлюдная.

Из следующей оконной ниши донеслись шорохи, шепот, частое дыханье.

Кавалер с дамой — тоже забрались на подоконник и возятся, любезничают.

— Ах! — пискнул женский голосок. — Тут кто-то есть!

Зашелестели шелка, на пол спрыгнула барышня в наряде лисички, но только изрядно помятом и истерзанном. Ойкнула, прикрыла лицо руками, побежала прочь. Только Митя все равно ее узнал — из государыниных фрейлин, как бишь ее, остзейская фамилия.

Потом на пол слез ухажер, топнул ботфортами, подтянул пояс, обернулся.

Пикин! В мундире, при шпаге — видно, едва сменился с дежурства.

Это уж было чересчур. Что за роковой день!

Митя задрожал всем телом, попятился, но поздно.

— Шишки медовые! — промурлыкал капитан-поручик, протягивая длинную руку. — На ловца и зверь.

Больше ничего говорить не стал, схватил мужичка-лесовичка за кушак, рывком вскинул на подоконник и как дернет раму! С улицы дунуло ледяным ветром, снежной трухой.

— Дяденька Пикин, пустите! — взвизгнул Митридат самым постыдным, щенячьим образом. — Что я вам сделал?

— Пока ничего, воробей, но скоро сделаешь мне много хорошего, — радостно сообщил гвардеец, влезая на подоконник с ногами. — Благодаря тебе я спишу половину долга.

Раскрыл окно широко, взял свою жертву покрепче, раскачал.

— Дознаются! — воззвал Митя к разуму злодея. — Прохор Иваныч поймет!

Пикин раскачивать мальчика перестал, немного подумал.

— Не докажет. Лазил постреленок по окну, да сорвался. Ну, лети, воробышек.

И с этим напутствием швырнул царского воспитанника вниз — прямо на острые ежовы иглы.

Но немного не рассчитал силу преображенец — очень уж легок был метательный снаряд и пролетел чуть дальше, чем следовало.

Смертоносная щетина мелькнула перед самым лицом вопящего Митридата, не зацепила. Он вне всякого сомнения все равно убился бы насмерть о гранитные ступени, если б не чудо — уже второе за сей кошмарный день, если вспомнить спасение из колодца.

По ступенькам поднималась гаргантюанских размеров дама: куафюра у нее была вся в веточках, увенчанная картонным соловьем, а широчайшее платье *à la panier*¹ являло собой вид цветущей поляны. На эту-то поляну Митя и рухнул. Исцарапался о ветки шиповника и ивовые фижмы, порвал рубаху, но не разбился, а лишь прокатился по лестнице, отброшенный пружинистым кринолином. Спасительница отрока стояла ни жива ни мертва. Платье лишилось всей своей правой половины, и теперь дама в панталонах цвета «смущенное целомудрие» была похожа на обнаженную наяду, выглядывающую из-за куста. Ее крик, разразившийся секунду спустя, был душераздирающ, и оглушенный падением, переставший что бы то ни было понимать мальчик сломя голову ринулся прочь и от этого вопля, и от деревянного ежа, и от всей сияющей огнями громады дворца.

Сам не помнил, как пробежал через сад и вылетел из ворот. Приходить в себя начал от холода. Еще сколько-то пометался туда-сюда по заснеженной площади, вконец продрог и сообразил: деваться некуда, нужно

¹ корзиной (фр.)

идти назад, а там броситься в ноги матушке-государыне и всё-всё ей рассказать. Пускай или поверит и защитит, или рассердится и отошлет к папеньке с маменькой. Последнее еще, может, и лучше.

Зябко обхватив себя за локти, потрусил назад к воротам.

— Куда? — рыкнул на него часовой. — А ну кыш!

— Я Митридат, царский воспитанник, — начал объяснять Митя, но солдат только выругался по-матерному.

— Ишь, мочалку прицепил, паскуденок!

Сдернул с Митиного подбородка фальшивую бороду и отвесил такую затрещину, что чудо-ребенок кубарем полетел в сугроб.

Помотал головой, прогоняя ушной звон. Не сразу понял, что обратной дороги нет.

Побежал к другим воротам, где солдат был добрее: просто посмеялся выдумке про воспитанника, да замахнулся, а бить не стал.

И то — какой из лапотного оборванца Митридат и императрицын любимчик? Курам на смех.

Прыгая на месте, чтоб вовсе не замерзнуть, Митя попробовал применить лучшее из всех оружий — разум. Однако чем больше размышлял о приключившейся нелепице, тем отчаянней представлялось положение.

Бежать в Зимний, домой? Так туда тем более не пустят. На дальних дворцовых караулах, мимо которых не пройти, часовые — злее

собак. Сколько раз видел, как они зевая тычками да прикладами гоняют.

Ждать, пока закончится маскарад, и подбежать к кому из знакомых? Так ведь это сколько еще торчать на холоде. Пожалуй, дух испустишь.

Недоступный дворец сиял чудесными огнями, ветер доносил звуки небесной музыки — видно, начались танцы. Там, за оградой и черными деревьями сада, был истинный Эдем. Обретаясь внутри сего райского вертограда, неблагодарный Митридат не ценил своего счастья, теперь же неземные врата замкнулись, и изгнанник остался наедине с ночью, злым северным ветром, ледяной моросью. Идти некуда, но и стоять нельзя — погибнешь.

Бывший небожитель, гонимый ненастьем, дрожал и всхлипывал, уныло бредя прочь от Эдема медленной стопой.

Глава седьмая

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Это просто буря, сказал себе Николас, протирая глаза. Просто дождь вперемешку со снегом, просто северный ветер, и затянувшейся теплой осени конец.

Приснившееся откровение про хрустальный гроб оказалось на ясную голову совершеннейшим идиотизмом, но утро и в самом деле явило себя помудреней ночного паникерства. Ни-

коласу пришла простая и продуктивная мысль, от которой страх и растерянность — нет, исчезнуть не исчезли, но по крайней мере локализовались.

Ты ведь специалист по советам, сказал себе Фандорин. Представь, что к тебе пришел человек с такой вот сложной проблемой. Что бы ты ему посоветовал?

И мозг сразу сбросил балласт эмоций, заработал быстро и деловито.

Во-первых: на милицию, которая не может защитить приговоренного к смерти налогоплательщика, мы надеяться не будем. Разбитной опер с подозрительно дорогим мобильником доверия не вызывает. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Вот основополагающий принцип российской жизни, который следовало бы включить в конституцию, чтобы не создавать у населения ненужных иллюзий.

Во-вторых: зацепка, по которой тосковал капитан Волков, кажется, все-таки есть.

Откуда мнимый Кузнецов взял адрес фирмы? В объявлении был дан только контактный телефон — не «Страны советов», а главного редактора газеты «Эросс». Алтын пообещала, что сама будет отсекаать всех неперспективных, и, хоть кое-кому из «эроссиян» удавалось хитростью или по случайности прорваться через этот кордон, но большинство сумасшедших и извращенцев всё же отфильтровывалось еще в редакции. Однако Кузнецов прорвался. Каким образом?

Николас набрал номер мобильного телефона жены.

— Я, — раздался в трубке знакомый хрипловатый голосок.

Сколько раз Фандорин говорил жене, что она разговаривает по телефону совершенно недопустимым образом! Ну что это в самом деле: вместо «алло» или на худой конец «слушаю» — грубое «я», а в ответ на вежливое «добрый день» — по-хамски кургузое «добрый»?

— Ну, как ты там? Как погода в Питере? — начал издалека Николас. — У нас вот с утра гроза.

У Алтын нюх как у спаниеля, поэтому главный вопрос нужно было задать как бы между прочим, не привлекая к нему внимания.

— Короче, Фандорин, — оборвала жена. — Я веду заседание. Что-нибудь с детьми?

— Нет.

— С тобой?

Он вздрогнул. Неужели почувствовала?

— Нет-нет, всё отлично, — поспешно уверил ее Николас.

— Чего тогда?

О, несентиментальная правнучка хана Мамая, противница бессодержательных нежностей и милой воркотни! Ни разу Ника не слышал от нее слова «люблю», хотя в том, что любит, непонятно за что, но любит, сомнений не возникало. Если б перестала — только бы он ее и видел, ушла бы и не оглянулась.

— Ну, живее рожай, — поторопила Алтын. Испугавшись, что она по своему обыкновению просто возьмет и отсоединится, Николас зачастил:

— Слушай, ты мне вчера прислала такого классного клиента. Некий Кузнецов, помнишь? Хотел тебя за него поблагодарить.

— Ты что, Фандорин, из скворечника упал? — отрезала Алтын. — Буду я с твоими психами ля-ля разводить. Их Цыца фильтрует.

«Цыцей» она называла свою референтшу Цецилию Абрамовну. Выходит, звонить в Питер не следовало. Мог бы и сообразить, что Алтын сама не станет отвечать на звонки каждого встречного-поперечного, это было бы уж слишком самоотверженно.

Мужчины не умеют меняться так часто и так радикально, как женщины, подумал Фандорин, глядя на попискивавшую частыми гудками трубку. За шесть лет знакомства Алтын сбрасывала кожу и полностью преображалась по меньшей мере четырежды. С началом любовных отношений превратилась из маленького, злобного ежонка в страстную, нежную гурию (эх, вот время-то было, не вернешь). Потом, родив (разумеется, двойню — она никогда не признавала полумер и компромиссов), пополнела и поширела, так что трудно было узнать в ней прежнюю тонкую, подвижную Алтын, превратилась в сильную, красивую и плодовитую самку. Говорила, что главная функция женщины — рожать и воспитывать.

вать, что нет на свете никакого дела важнее этого. Ушла из своей прежней газеты — бесповоротно, ничуть не жалея. Когда Никин компаньон, тогда еще не свихнувшийся на божественном, затеял создавать масс-медиаальный концерт (было в ту пору у русских олигархов такое хобби) и предложил фандоринской жене возглавить эротический еженедельник, Ника был уверен, что Алтын с негодованием откажется. Она неожиданно согласилась, и он испугался, что ей с этим громоздким, малопривычным делом не справиться.

Справилась, преотлично справилась. И семью от бедности спасла, и инвестора обогатила. «Эросс» оказался единственным жизнеспособным звеном скороспелой и столь же скоро рассыпавшейся масс-медиаальной империи. Но Алтын снова переменялась, и опять до неузнаваемости. А когда с женой происходила очередная метаморфоза, в ней менялось всё: внешность, комплекция, манера говорить и одеваться, привычки — причем абсолютно ненарочитым, естественным образом.

Что ж, Цыца так Цыца.

Выпить кофе, отвезти детей в сад, потом в редакцию.

Усопший холдинг Никиного благодетеля в период своего расцвета состоял из дециметрового канала «Супер-ТВ», общественно-публицистической «Консервативной газеты» (развернутой на базе районной многотиражки

«Юный зюзинец»), гламурного журнала «Трутенъ» (в прошлом ежемесячника «Трудодень») и досугового еженедельника «Эросс». Последний унаследовал помещение и большую часть штата от отраслевой газеты «Социалистическое атоммашстроение», купленной по дешевке в одном пакете с «Трудоднем» и «Зюзинцем». В ту пору соучредитель «Страны советов», являвшийся по совместительству владельцем множества других фирм и предприятий самого непредсказуемого профиля, загорелся идеей формирования общественного мнения и готов был потратить несколько десятков миллионов на обзаведение необходимым масс-медиальным инструментарием. Но со временем он утратил общественно-политические амбиции, да и эпоха неконтролируемых экспериментов с общественным мнением пошла на убыль, так что компоненты холдинга оказались предоставлены сами себе: можешь — плыви, не можешь — тони.

Как уже было сказано, на плаву остался один «Эросс». Возможно, причина живучести легкомысленного издания состояла в том, что эрос и живучесть — близкие родственники и, более того, вообще невообразимы друг без друга, но скорее всего газету спасла неиссякаемая энергия и волчья хватка шеф-редактора Мамаевой. Именно она придумала название и концепцию: мол, существует некая страна Эроссия, которую населяют особые люди эроссияне, отличающиеся от россиян раскованностью, отсутствием комплексов

и жизнелюбием. Алтын была искренне убеждена, что, выпуская свою неприличную газету, не просто добывает деньги, а еще и делает благое дело — развивает в соотечественниках терпимость и творческое начало. Газета была цветная, шестнадцатиполосная: десять страниц текста и шесть страниц рекламы. Последние в редакции любовно именовались «кормушками», а каждая из содержательных полос была занята своей тематической рубрикой. Кроме уже поминавшейся «Палочки-выручалочки», посвященной мужским интимностям, был ее женский антипод, «Аленький цветочек». В разделе «Я вам пишу» трудились два бесстыжих журналюги, обломки обанкротившейся «Консервативной газеты», которые сочиняли задушевные письма от читателей. Рубрика «Грезы любви» печатала зажигательные фантазии эроссиян (в отличие от задушевных писем, подлинные). Еще в газете были страницы «Спецрепортаж», «Пошалим», «Что делать?» (в смысле, при сексуальных расстройствах), две фотогалереи — «Мистер Эроссиянин» и «Мисс Эроссиянка» и популярнейший скандалодром «А вы слыхали?», где печатались пикантные небылицы из жизни звезд шоу-бизнеса, с которыми еженедельник постоянно судился, засыпаемый исками о клевете (исход процесса, да и сам компромат обговаривались между сторонами заранее).

Николас пришел не вовремя: весь творческий состав редакции сидел на планерке. Там

же находилась и референтка отсутствующего шеф-редактора — стенографировала ход обсуждения. Особенной необходимости в протоколировании не имелось, но старательная Цецилия Абрамовна специально научилась стенографии, чтобы лучше соответствовать своей должности, и теперь стенографировала всё подряд. К тому же в отсутствие начальницы заняться ей было нечем, а сидеть без дела она не привыкла.

Заместитель главного редактора приветливо улыбнулся просунувшемуся в дверь Николасу и спросил:

— Меня?

— Нет, мне бы Цецилию Абрамовну. Но ничего, я подожду за дверью, пока вы закончите, — смутился Фандорин и был, конечно же, немедленно усажен за длинный стол. Слава богу, планерка подходила к концу.

Все в редакции знали Нику и приветливо ему заулыбались, только звезда и гордость «Эросса», блистательная Аманда Лав, метнула на него презрительный взгляд и отвернулась. Одинокая волчица, она не состояла в штате и сотрудничала с редакцией исключительно из любви к острым ощущениям, готова спецрепортажи по всякой секс-экзотике. Аманда славилась не только вдохновенным пером, но еще и невероятной журналистской самоотверженностью — то завербует госпожой в мазохистский салон, то поедет по просторам страны с шоферами-дальнобойщиками, то вступит в клуб зоофилов. Фандорин знал,

что презрительный взгляд роковой женщины был адресован ему как мужу главной редактрисы, с которой у Аманды недавно произошел конфликт. Действуя на свой страх и риск, героиня экстремальной журналистики подготовила сенсационный материал по редкому виду извращения, копрофилии, для чего внедрилась в некий тайный кружок и даже умудрилась сделать там фотографии скрытой камерой, но Алтын статью не пропустила из эстетических соображений. Бедная Аманда, ради искусства подвергшая себя тягчайшим испытаниям, устроила шумный скандал из-за цензурного беспредела и «татарского ига», грозилась уйти в конкурирующие издания «Сладка ягода» или «Будуар», но, конечно, не ушла — там класс не тот и гонорары поживе.

Однако Аманда была скорее исключением, в редакции преобладали люди тихие и интеллигентные, не первой молодости. Многие из них достались Алтын в наследство от «Социалистического атоммашстроения» и осваивали новую специальность на ходу. Например, ведущий игровой рубрики «Пошалим» Сексуалий Лоханкин (псевдоним, конечно) в прежние времена занимался рационализаторами и новаторами производства, а пожилая девушка Ляля Друян перепрофилировалась из ведущих «Детского уголка» в эксперты по вневагинальным практикам. Как раз ее материал сейчас и обсуждался.

— Игорь Иванович, — говорила Ляля плачущим голосом, обращаясь к заместителю

главного редактора. — Никак у меня не складывается с анальным сексом. Я и так пробовала, и этак — не встает, и всё тут.

Николас покраснел и покосился на соседей, но те, привычные к производственной терминологии, сидели со скучающим видом, а Игорь Иванович добродушно сказал:

— Не встает в этот номер, поставим в следующий. Там с местом попросторней.

Цецилия Абрамовна поняла ерзанье Фандорина неправильно — успокаивающе показала на часики: потерпите, мол, уже скоро.

Это была ухоженная дама пенсионного возраста или, как говорила она сама, «периода полураспада». Закончив филологический факультет, всю жизнь проработала в «Атоммашстроении» корректором и привыкла относиться к газетному тексту как к набору непонятных слов — были бы правильно написаны. Раньше ей встречались одни мудреные термины, теперь другие, только и всего. Но глаза у Цыцы были уже не те, и Алтын, за суровым обликом которой скрывалось жалостливое сердце, взяла старушку к себе в референтки. А может быть, дело было вовсе не в жалости, а в безошибочном начальническом чутье, потому что ассистентка из Цецилии Абрамовны получилась просто золотая. Будучи женщиной одинокой, домой с работы она не торопилась, отличалась неукоснительной исполнительностью, а на телефонные звонки отвечала, как истинная леди — это придавало «Эроссу» респектабельности и шика. В начальнице Цыца

просто души не чаяла, и Алтын отвечала ей взаимностью. Проблемы фандоринского семейства референтша воспринимала как свои собственные, из чего можно было заключить, что Алтын с ней чрезмерно откровенничает, и еще хорошо, если только о детях. Впрочем, к Николасу Цыца благоволила и называла «Никочкой».

— Да, Никочка, как же, — сказала она, когда после планерки они пили в приемной чай. — Вчера «Страной советов» интересовались восемь человек. Сейчас, у меня всё застенографировано. — Она надела очки, достала блокнот с каракулями. — Ну, один был явно сумасшедший — лаял в трубку, говорил, что он человек-собака. Потом звонила дама. Пустая особа. Просто скучает, поболтать хочется, а сама пенсионерка — значит, хорошо заплатить не сможет. Алтын Фархатовна велела таким отказывать. Так, мужчине, который не назвался, я посоветовала обратиться к врачу-сексологу. У человека жизненная драма. Семьдесят два года, заслуженный работник культуры, женился на двадцатипятилетней, а здоровье уже не то. Я ему говорю...

— Цецилия Абрамовна, — мягко перебил ее Фандорин. — Расскажите мне, пожалуйста, только про тех, кому вы дали наш адрес. Сколько их было?

— Двое. Один молодой человек, который измучился, не зная, открывать ему счет в евро или оставить долларový. Я дала ему и ваш адрес, и телефон. Не звонил?

— Нет. Но я вряд ли смог бы ему помочь, я ведь не специалист по валютным рынкам. Авторой кто?

— Очень приличный мужчина, в возрасте. Сказал, что у него сложная, просто безвыходная проблема, что помочь ему может только маг, кудесник. Я говорю, Николай Александрович как раз и есть именно маг и кудесник, что берет он дорого, но своих денег стоит. — Цыца горделиво посмотрела на Николаса, ожидая похвалы за коммерческую смекалку. — Еще сказала, что вы работаете только с очень обеспеченными, солидными людьми и мелочами не занимаетесь. Что бизнес у вас процветает, что вы завалены работой и что вы — один из наших главных поставщиков рекламы. Правильно я сделала?

Фандорин содрогнулся.

— Вы ему дали адрес фирмы?

— Конечно, дала, не беспокойтесь. Он сказал, что за деньгами не постоит, если ему помогут. Интеллигентный человек, солидный. Представился честь по чести.

— Кузнецов? Николай Иванович? — безнадёжно спросил Николас, вспомнивший-таки имя и отчество «парашютиста».

Цецилия Абрамовна рассмеялась, словно Ника остроумно пошутил.

— Нет, не так романтично.

— А что романтичного в имени «Николай Иванович Кузнецов»? — удивился Ника.

— Ваше поколение совсем не помнит героев войны, — укоризненно покачала седи-

нами Цаца. — Ну как же, легендарный Николай Кузнецов, который убивал фашистских генералов. Помните «Подвиг разведчика»? И еще был очень хороший фильм с Гунаром Цилинским, «Сильные духом». Не смотрели?

Нет, Николас не смотрел этих фильмов, но в груди неприятно похолодело. Ах, как неправ был сэр Александер, что не давал сыну знакомиться с произведениями советской культуры. Такое ощущение, что именно оттуда, из вчерашнего дня России, для Ники малопонятного и таинственного, шипя выползала гробовая змея, чтоб цапнуть его своими смертоносными клыками.

— Вот, — сказала Цецилия Абрамовна. — У меня записано. 10 часов 45 минут. Илья Лазаревич Шапиро.

Николас встрепенулся. Шапиро — фамилия распространенная, но все-таки не Кузнецов! Однако тут же потух. Никакой он не Шапиро. Просто услышал певучие интонации в голосе Цецилии Абрамовны и решил назваться еврейским именем — чтоб расположить к себе.

— А что вы такой печальный? Неужели тоже не появился? Не расстраивайтесь, он обязательно придет. Серьезный человек с серьезной проблемой — это было слышно по голосу.

Поблагодарив, Николас понуро двинулся к выходу. Увы, зацепки не получилось.

Зазвонил телефон.

— Редакция газеты «Эросс». Добрый день, я вас слушаю, — сказала Цаца своим замечательно респектабельным голосом.

Фандорин обернулся, чтобы кивнуть ей на прощанье, и вдруг увидел, как по маленькому дисплею на телефонном аппарате одна за другой пробегают маленькие цифры, складываясь в семизначный номер. Определитель!

О чем референтка разговаривала со звонившим, Николас не слышал — так шумно в ушах запульсировала кровь.

Когда же Цаца со словами «Всего вам наилучшего» положила трубку, он спросил, показывая на аппарат:

— Хорошо работает?

— Превосходно, иногда даже иногородние номера определяет. Понимаете, Никочка, повадились звонить хулиганы. Алё, говорят, запишите объявление в газету. И дальше сплошные неприличности, даже матом. Я написала заявление в административно-хозяйственный отдел, чтобы мне поставили аппарат с определителем, и в два счета вычислила голубчиков. Оказались шалопаи-восьмиклассники.

— А заглянуть во вчерашние звонки вы можете?

— Вы хотите сами позвонить Илье Лазаревичу? Зря, по-моему, это будет несолидно. Но сейчас посмотрю, минуточку.

Она потыкала пальцем в какие-то кнопки.

— Вот. 10.45. Вам видно?

И повернула аппарат, чтобы Нике было удобнее списать номер. Первые цифры 235 — это, кажется, район Ленинского проспекта.

— У вас в компьютере должна быть база данных абонентов Московской телефонной сети, — срывающимся от волнения голосом сказал Фандорин. — Давайте посмотрим, что это за номер.

— Давайте.

Пользование компьютером Цецилия Абрамовна постигла одновременно со стенографией и была рада возможности продемонстрировать свои навыки. Лихо загрузила программу, набила искомый номер, и через несколько секунд на мониторе появился результат: «Шибякин, Иван Ильич. Улица академика Лысенко, д. 5, кв. 36».

— Ну вот, — расстроилась Цаца. — Ничего похожего. Должно быть, определитель ошибся на какую-нибудь одну цифру, это с ним бывает.

— Похоже на то. Но я всё же спишу.

Может быть, определитель и в самом деле ошибся. А вдруг нет? Что если это и есть конец ниточки, ухватив за который, можно размотать весь клубок?

Выйдя из редакции, Фандорин сосредоточенно размышлял: сообщать капитану Волкову о своем открытии или нет.

Решил — рано. Лучше сначала наведаться по этому адресу и попытаться выяснить, что

за квартира и что за Шибякин. Как он выглядит? Вдруг там жил щуплый мужчина средних лет в мешковатом костюме, с залысынами на висках и голубыми навывкате глазами? Или, может быть, вышеописанного субъекта там видели, знают, могут опознать? Милиция, конечно, тоже способна выполнить эту несложную работу, но вряд ли она проявит столько тщания и расторопности, сколько человек, приговоренный к смерти.

Даже если адрес окажется совершенной пустышкой, отрицательный результат — тоже результат. Предположим, определитель неправильно вычислил какую-нибудь одну цифру. Пускай коллеги капитана Волкова не только проверят связи Ивана Ильича Шибякина, но еще и наведут справки обо всех абонентах, чей номер похож на указанный. Работа, конечно, кропотливая, но не такая уж сложная. Если они, действительно, хотят выловить этих «Неуловимых» — не из-за Николаса Фандорина, конечно, а из-за своих «резонансных» гендиректоров да председателей правления — пускай потрудятся. Ну, а если всё же выяснится, что покойный визитер жил в квартире № 36...

Николас почувствовал, как его охватывает чувство, знакомое всякому исследователю истории и сочинителю компьютерных игр, — охотничий азарт, один из самых сильных стимуляторов, известных просвещенному человечеству. И осадил себя: не увлекайся, не забегай вперед.

* * *

Улица академика Лысенко располагалась на месте дореволюционной Живодерной слободы, в 60-е годы минувшего столетия превратившейся в район фешенебельной советской застройки.

Выйдя из машины перед домом 5, Фандорин огляделся по сторонам, ежась под холодным ветром, который сдул последние остатки благопристойности с деревьев, и теперь они были совсем голые, как покойники на прозекторском столе. Некстати (а может быть, наоборот, очень кстати) подвернувшаяся метафора несколько сбила в Николасе ажитацию. Это не квест, сказал он себе. Проиграешь — рестарта не будет.

Дом был из тех, которые в социалистические времена считались престижными: четырнадцатизэтажный, светлого кирпича, с большим козырьком над подъездом. Но теперь рядом выросло новорусское шато, с башенками и пузатыми купеческими балюстрадами, точь-в-точь кремовой торт, и бывшие номенклатурные хоромы сразу потускнели, превратились в бедного родственника — даже, пожалуй, не родственника, а голодного Гавроша, заглядывающего в витрину булочной.

Ничего, сказал Ника ложно-ампирному нуворишу. Придет срок, и ты тоже облупишься и сникнешь, потому что новая элита переселится за город, где чистый воздух и можно

отгородиться от неблагополучных сограждан забором.

Подъезд дома № 5 был закрыт. Надеясь, что какая-нибудь алыцгеймерная старушка записала в уголочке код, Фандорин присел на корточки, стал осматривать исцарапанную дверь. За этим занятием его и застала подошедшая к подъезду матрона с двумя сумками.

— Вы к кому? — спросила она, но не воинственно, а скорее с любопытством — все-таки вид у Николаса был приличный, неворовской.

— В тридцать шестую, — сказал он. — Да вот в подъезд никак не попаду.

Открывать матрона не спешила.

— К Шибякину?

— Да, к Ивану Ильичу, — небрежно кивнул он.

Ответ был правильный. Триумфального писка, какой бывает в квестах, когда переходишь на следующую ступень, не прозвучало, но сезам открылся.

— Что ж он вам код не сказал? — покачала головой аборигенка, вешая одну из сумок на крючок и набирая код. — Как жена умерла, совсем плохой стал, на себя непохож. Отощал, ходит как бомж, глаза полоумные. Спасибо, я сама. [Это в ответ на жест, предлагающий помочь с сумками.] Я под ним живу. Тут он протек на меня, зашла к нему — ужас что такое. Пыль, мусор, тараканы бегают. Бедная Любочка, видела бы она. Так вела

дом, такая была аккуратистка. Вы его знакомый?

Услышав про умершую жену, Николас сглотнул. Неужели попадание? Нет, это было бы слишком просто!

— Да, мы с Иваном Ильичом вместе работали, — пробормотал он.

— В «Правде»? Вы тоже журналист?

— Вроде этого.

Шибякин работал в коммунистической газете «Правда»? Всё один к одному!

Пока поднимались в лифте, соседка не умолкала ни на секунду, но ничего ценного больше не сообщила — сетовала на времена. Жаловалась, что раньше в вестибюле и фукусы были, и стенгазета висела, дежурили вахтеры, а теперь полное безобразие. Уважаемые люди ходят с авоськами, донашивают ондатровые шапки с десятилетним стажем, а половину квартир скупили всякие хачики, заставили двор иномарками.

— Да что двор, — закончила свой плач социалистическая Ярославна, выходя на восьмом. — Что со страной сделали! Взять хоть вашу газету. Разве такой она была?

— Не говорите, — лицемерно вздохнул Фандорин. Сердце у него с каждым мгновением стучало всё чаще.

На девятом этаже он долго стоял перед коричневой дверью с приклеенными медными цифрами 3 и 6. Когда-то они, должно быть, смотрелись импозантно, но металл потускнел, покрылся пятнами.

— Это был Найк Борзов, поклявшийся нашим радиослушательницам в вечной любви, — доносился из-за двери разбитной девичий голосок. — А теперь наша реклама...

Под задушевный дуэт, певший про «Мастер Дент, сеть стоматологий», Николас несколько раз нажал на кнопку.

Как и следовало ожидать, никто не откликнулся, только радио перешло на прогноз погоды. Дождь, северный ветер, ночью заморозки.

Ну, собственно, всё. Половина работы за шестнадцатый отдел сделана. Теперь вызвать Волкова, пусть приезжает со следователем, понятыми или как там у них это заведено.

Николас подергал ручку — скорее механически, от задумчивости.

В двери что-то щелкнуло, и створка подавалась внутрь, как и положено в домах советской постройки. Ника где-то читал, что на сей счет в свое время была издана специальная инструкция НКВД: делать входные двери только открывающимися внутрь, чтоб было легче вышибить при аресте.

У Фандорина возникло явственное ощущение дежавю, будто он уже видел прежде, как с тихим скрипом приоткрывается дверь, словно заманивая в пустую квартиру. Собственно, это и было дежавю. Он столько раз *déjà vu*¹ эту сцену в кино — как человек толкает предположительно запертую

¹ уже видел (фр.)

дверь, а та вдруг подается, зловеще пискнув петлями. И еще возникло необъяснимое чувство: будто ничего удивительного в этом факте нет, будто дверь и *должна была* открыться. Удивительным показалось другое — из щели на полутемную лестничную площадку заструился электрический свет. Это днем-то?

Николас так и застыл, сжимая холодную ручку. Войти не решался, лишь пытался заглянуть в щель. По законам Голливуда, внутри должен обнаружиться труп хозяина, но трупа не было — это он знал точно. То есть, был, но не в квартире 36, а в милицейском морге.

Азарт азартом, но закон нарушать нельзя. Фандорин толкнул дверь еще чуть-чуть. Коридор как коридор, только по полу почему-то разбросаны ботинки. Ладно, нужно звонить Волкову.

Тут лязгнула соседняя дверь, и Николас в панике шмыгнул в осиротевшую квартиру, захлопнув за собой дверь. Поди-ка объясни, кто ты такой и почему стоишь перед приоткрытым входом в чужой дом!

Первым делом, еще не оглядевшись, а лишь заметив выключатель, погасил свет. Прижался к кожаной обивке ухом.

На лестнице зашаркали неторопливые шаги. Остановились — совсем рядом, в каком-нибудь метре. Пронзительно задребезжал дверной звонок, и Фандорин только сейчас понял, какую чудовищную и, может быть, даже непоправимую глупость он совершил.

— Иван Ильич! — позвал раздраженный старческий голос. — Откройте же! Я слышал, как вы хлопнули дверью. Иван Ильич!

Снова звонок — длинный, потом серия коротких.

— Это черт знает что такое! У вас всю ночь орало радио! Какие-то дикие, неандертальские песни! Я всё понимаю, сочувствую и так далее, но так тоже нельзя! Иван Ильич!

И тише, сердито:

— Совсем спятил. Хоть психовозку вызывай...

Снова шаги, но удаляющиеся. Гул подъезжающего лифта.

Слава Богу, уехал. Уф!

Нужно было поскорей уносить ноги. Просто выйти, прикрыть дверь и позвонить Волкову. А говорить, что по собственной дурости влез в квартиру, незачем. Только лишние подозрения навлечешь.

Стоп. А отпечатки пальцев на ручке с внутренней стороны? Брался он за нее или нет, когда захлопнул дверь? Не вспомнить. Если брался, необходимо протереть платком. А вдруг сотрешь какие-нибудь важные отпечатки? Тут, наверное, лучше ничего не трогать.

Лишь теперь вспотевший от напряжения Николас осмотрелся по сторонам и увидел, что в квартире и без него всё уже потрогали, да еще как!

Кто-то вывернул содержимое галошницы, побросал на пол верхнюю одежду с вешалки, выпотрошил антресоли.

В комнатах было и того хуже: всё перевернуто вверх дном, диван, кресла и стулья распороты, сорваны подоконники, книги свалены грудой, кое-где выломан паркет и даже обои местами содраны. И над всей этой Хиросимой, залитой ярким электрическим светом, ликующе болботал звонкий голосок с характерной московской протяжкой:

— Привет всему прогрессивному человечеству на волне «Отвязного радио»! Слушаем, премся, отмокаем!

Ника нашел приемник под распоротой подушкой, хотел укрутить звук, но опять вспомнил об отпечатках и вместо этого выдернул штепсель из розетки.

Сразу стало легче, и включилась голова.

Обыск был вечером или ночью — во всяком случае, в темное время суток, иначе зачем свет? Один человек не смог бы столь тщательно прочесать немаленькую квартиру — на кухне вон даже все квадратики линолеума отодраны. Вывод номер два: действовала группа. Искавшие не церемонились — знали, что хозяин не придет. Вывод номер три: вероятнее всего, они его и убили.

Радиостанцию тоже выбрали они. Вряд ли господин Шибякин «пёрся» от такой музыки. Это они включили, чтоб веселей искалось. Вывод номер четыре: люди молодые, явно не коммунистической генерации. Как там пел капитан Волков? «Дело рук красных дьяволят»?

И еще. Радио включили на полную громкость, не опасаясь, что соседи придут скан-

далить или вызовут милицию. Уходя, не погасили свет и не заперли дверь. Оно конечно, большого смысла замечать следы не было — хозяин убит, труп рано или поздно опознают, но всё же такая наглость впечатляла. Эти люди ничего не боятся! Что они тут выискивали? Нашли или нет?

Прошелся по разгромленным комнатам. Поднял фотографию с разбитым стеклом. На ней был вчерашний посетитель, но только гладкий, упитанный, с довольной улыбкой на круглой физиономии. Рядом стояла женщина: мелкие кудряшки перманента, двойной подбородок, массивные золотые серьги. Одним словом, типичная пара хомо советикусов. В прежние годы в европейской толпе таких было видно издалека — по одежде, по настороженно-жадному выражению лиц. Вымерли, как динозавры. Канули в Лету. Вроде и черт бы с ними, скатертью дорожка, а тоже ведь кусок отечественной истории, живые судьбы.

На разбитом телевизоре тарелка со следами гречневой каши. Ника представил одинокого человека в запущенной квартире, знававшей лучшие времена: как он стоит над плитой, готовя свой убогий завтрак, и не знает, что это последняя трапеза в его жизни.

Из письменного стола торчали вывороченные ящики, пол вокруг был сплошь засыпан старыми квитанциями, коммунальными книжками, еще какими-то бумажками. Груда старых вырезок из «Правды», рядом канцелярская папка с тесемками — видимо, в ней они

и хранились. Николас присел на корточки, зашуршал газетной бумагой. Ничего примечательного — статьи и статейки обычного для советской прессы содержания. Из Гаваны, Ханоя, Дамаска, прочих экзотических мест. И всюду подпись: «И.Шибякин, спец. корр.» или «И.Шибякин, соб. корр.». Тут же копия приказа десятилетней давности об увольнении по сокращению штатов.

Так, ладно.

Пакет с надписью «Люба». В нем фотографии той же женщины, в разных возрастах: с косичками, с косой, с распущенными волосами, с бабеттой, с короткой стрижкой, с химическими кудряшками. Свидетельство о браке. Свидетельство о смерти — хм, оказывается, Шибякин вдовееет уже целых полтора года. Выдержка из истории болезни и копия медицинского заключения на нескольких страницах. Еще анализы, акты, рецепты.

Фандорин вздохнул, почтительно положил пакет на стол. Как грустно видеть обрывки чужой жизни — сломанной, незадавшейся.

Выпрямился. Заметил в углу над телевизором полочку. Никак икона?

Подошел — точно. Новодельная литография: суровый Лик Господень и подпись славянской вязью: «Се, Бог наш суд воздает и воздаст. Исаия, 35:4».

Удивился набожности бывшего корреспондента «Правды» только в первый момент. Потом напомнил себе, что нынешние российские коммунисты совсем не похожи на бывших боль-

шевиков: ни тебе атеизма, ни интернационализма. Графу Уварову и обер-прокурору Победоносцеву они пришлись бы по душе.

Трогательно было еще и то, что лихие люди, разгромившие квартиру, на пол икону не сбросили. На полке, конечно, пошуровали (Фандорину с высоты двухметрового роста было видно потревоженную пыль), но от кошунства воздержались. Что ж, в России нынче и бандиты все сплошь богомольные — на шее крест носят, церквам колокола дарят. Прямо как в Сицилии.

Однако пора было возвращаться в рамки законопослушности.

Николас набрал номер, обозначенный на карточке оперуполномоченного, и после первого же сигнала в трубке раздался голос капитана:

— Аюшки.

Фандорин суть объяснил коротко, не вдаваясь в дедуктивные подробности, — просто сказал, что установил личность убитого и находится в его квартире, где кто-то уже успел побывать с обыском. Куда многословнее были извинения по поводу незаконного вторжения в жилище гражданина Шибякина. Николай даже честно рассказал, как испугался соседа, но Волкова то ли не заинтересовали эти подробности, то ли он в них не поверил. Так или иначе, претензий предъявлять не стал.

— К черту детали, Николай Александрович. Я еще вчера понял, что вы человек серьезный. Оперативно, ничего не скажешь. Как говорится, снимаю шляпу. Диктуйте адрес и телефон, сейчас подскочу. Я мигом.

В ожидании капитана Николас сначала стоял у окна, потом поднял перевернутый стул, сел. Решил больше ничего не трогать и по комнатам не ходить — и так уже насвоевольничал предостаточно.

Шибякина, пусть он и убийца, было жалко. У человека умерла жена, и он свихнулся от горя — такая любовь поневоле вызывала уважение. Он говорил: тяжелая, неизлечимая болезнь. Какая?

Снова взял в руки пакет с надписью «Люба». В нем тоже порылись, но не слишком старательно — похоже, наскоро перелистали бумажки, да и сунули обратно. Любителей «Отвязного радио» история болезни и смерти мадам Шибякиной не заинтересовала, а для Ники после вчерашнего разговора со вдовцом и просмотренных фотографий эта самая Люба стала реальным, почти знакомым человеком.

Рекламка частной клиники «Клятва Гиппократата» с обведенным фломастером слоганом «Для нас нет неизлечимых болезней!»; вырезанные из газет и журналов объявления знахарей и целительниц — безмолвная хроника постепенного сошествия в ад. Что же с ней все-таки стряслось?

Николас взял мелко исписанные листки, озаглавленные «Посмертный этикриз Л.П.Шибякиной 1949 г.р.». Пояснительный подзаголовок: «Составлен по письменному запросу супруга покойной И.И.Шибякина в дополнение к истории болезни». Ну и почерк у медиков, нарочно что ли их обучают этой вавилонской клинописи, чтобы не прочли непосвященные?

Многих слов расшифровать не мог, а из тех, что разобрал, половины не понял, там сплошь шли специальные термины. Заболевание Л.П.Шибякиной было не из экзотических — лейкоз. Непосредственной причиной смерти, как сообщалось на третьей странице, стала острая сердечно-легочная недостаточность на фоне двухсторонней пневмонии как следствия крайнего ослабления организма.

Однако на этом записи не кончались.

Того же цвета шариковой ручкой, вплотную к финальному *«летальный исход наступил в 4.30 утра»*, было приписано: *«Девять дней. Люба, где ты? Сорок дней. Люба, почему ты мне не снишься?»*

Фандорин вздрогнул, подошел к окну, чтобы на записи падало больше света.

Это был другой почерк, хоть тоже мелкий и корявый — если не вчитываться, казалось, что продолжается текст медицинского заключения. Еще одна история болезни, теперь уже душевной.

Сострадательно вздыхая, Николас читал скорбный поток сознания. Судя по всему, вдовец делал приписки с интервалами, в разные дни, но поначалу дат не ставил — они появились лишь в самом конце.

*«Гады жиреют, а тебя нет. Люба, при-
снись!!! Люба, я больше не могу. Люба, я су-
масшедший, я разбил телевизор, там был гад,
он снова врал. Люба, Люба, Люба, Люба,
Люба, Люба, Люба, Люба (и так четыре строч-
ки подряд). Сегодня год. Весь день ходил,*

смотрел, видел тебя три раза: в трамвае, потом в машине и в витрине. Почему уехала, почему растаяла? Приснись, умоляю! 9 июня (число подчеркнуто двумя линиями). Спасибо, Люба! Всё понял, всё сделаю. Мне отмщение и Аз воздам! 13 августа (подчеркнуто тремя линиями). Я не один!!!»

На этом записи кончались.

В общем, всё было ясно. Ровно через год после смерти жены бедному Ивану Ильичу наконец приснилась безмерно обожаемая Люба и, подобно тени отца Гамлета, потребовала возмездия — отомстить за нее и прочих жертв обмана «гадам», которые «жиреют». Ничего удивительного, именно к такому сновидению безумец себя подсознательно и готовил. Главная загадка тут в последней фразе. Что означает: «Я не один!!!»? Очевидно, то, что у мстителя нашелся единомышленник. Или единомышленники. Кто? Это уж пусть выясняют криминалисты, теперь им и карты в руки.

До конца серой казенной страницы, прочерченной линейками, оставалось пустое место, а между тем в сцепленном скрепкой «эпикризе» имелся еще один листок.

Николас заглянул в него, увидел столбик из слов и цифр.

Стал вчитываться — бумага так и затрепетала в его руках.

О, неведомые погромщики, безразличные к чужим болезням и несчастьям, не из-за этого ли списка устроили вы свой варварский и, кажется, безрезультатный обыск?

СУХОЦКИЙ,
президент АО «Клятва Гиппократа»

Приговор — 9 июня

Вручено — 11 июня

Исполнено —

ЛЕВАНЯН,
генеральный директор ООО «Играем и выигрываем»

Приговор — 25 июня

Вручено — 28 июня

Исполнено —

КУЦЕНКО,
директор АО «Фея Мелузина»

Приговор — 6 июля

Вручено — 6 июля

Исполнено —

ЗАЛЫЦМАН,
генеральный директор ЗАО «Интермедконсалтинг»

Приговор (указ.) 14 августа

Вручено — 15 августа

Исполнено — 16 августа

ШУХОВ,
председатель совета директоров агентства «Клондайк»

Приговор (корр.) — 22 августа

Вручено — 23 августа

Исполнено —

ЗЯТЬКОВ,
б. председатель правления «Честного банка»

Приговор (указ.) — 10 сентября

Вручено — 13 сентября

Исполнено — 19 сентября

ЯСТЫКОВ,
председатель совета директоров АО «ДДА»

Приговор (указ.) — 11 октября

Вручено — 13 октября

Исполнено —

ФАНДОРИН,
президент фирмы «Страна советов»

Приговор (корр.) — 8 ноября

Вручено —

Исполнено —

Николас в волнении взъерошил волосы. Ну и документ!

Так, так, спокойно. «Клятва Гиппократа» — понятно. Та самая фирма, которая обещала вылечить больную и обманула. Приговор ее руководителю Сухоцкому вынесен на следующий день после того, как Шибякину приснился роковой сон.

Фирма «Играем и выигрываем» известна всем — зомбирует телезрителей настырной рекламой игровых автоматов, сулит баснословные выигрыши. Явное надувательство, об этом и в газетах пишут.

Про «Фею Мелузину» Николас тоже читал и видел рекламы в глянцевых журналах. Это сеть косметических клиник, которые якобы творят истинные чудеса: возвращают женщинам молодость, делают дурнушек хорошенькими, а хорошеньких превращают в ослепительных красавиц — разумеется, за сумасшедшие деньги. Естественно, с точки зрения Шибякина глава этого широко разрекламированного предприятия — явный «гад и обманщик».

Про Зальцмана рассказывал капитан Волков — это бизнесмен, которого взорвали на даче. «Интермедконсалтинг»? Ну понятно, понятно.

«Клондайк» — агентство по трудоустройству за рубежом, обвесило рекламными щитами и баннерами все автострады. Панама? Вполне возможно. В этой сфере предпринимательства аферистов сколько угодно.

Зятьков из «Честного банка». За истребление этого деятеля многие обманутые вкладчики, наверное, поаплодировали бы «мстителям», если б не взорванные в машине дети.

«ДДА» — это круглосуточные аптеки «Добрый доктор Айболит». Сеть развернулась недавно, первый опыт создания в России чего-то вроде американских драгсторов: и аптека, и кафетерий. Очень удобно и современно. Чем аптеки-то Шибякину не угодили?

Ну и, наконец, последний фигурант списка, чья судьба занимала Николаса больше всего. Как попал в эту камеру смертников, догадаться нетрудно — спасибо шикарной рекламе в «Эроссе». Что ожидает президента фирмы «Страна советов» дальше, вот в чем вопрос.

Впрочем, при повторном чтении интригующего документа вопросов возникало много. Почему, начиная с четвертого приговора после слова «приговор» появляются скобки, а в них или «указ.», или «корр.»? Что значат эти сокращения? Почему приговоры Сухоцкому, Леваняну и Куценко, по времени самые ранние, не исполнены до сих пор, а Зальцман и Зятьков казнены без промедления? Животрепещущий вопрос: считается ли у «Неуловимых», что Фандорину приговор уже вручен, или нет?

Николас прижался лбом к холодному стеклу, рассеянно глянул вниз и увидел, как у бровки останавливается «жигуленок» с мигалкой.

Милиция! Наконец-то!

Из машины вылез оперуполномоченный Волков. Задрав голову, посмотрел на дом. Что это он один — без экспертов, без фотографа? Странно.

Капитан достал телефон, стал набирать номер.

Ах да, он же не знает кода. Должно быть, звонит сюда, в квартиру.

Фандорин осмотрелся, чтобы найти аппарат, и увидел, что тот валяется на полу, разобранный на части. Умники даже туда залезли, а прочитать бумаги не удосужились.

Нужно было спускаться вниз. Даже если бы телефон и работал, подъездного кода Николас все равно не знал.

Не выпуская из рук драгоценного листка, он вышел на лестницу.

Пока ждал лифта, думал: в списке многое непонятно, но главное — теперь милиция будет знать, на кого идет охота. А значит, будем надеяться, сумеет их защитить.

К двери подъезда они с Волковым подошли почти одновременно, только Николас изнутри, а оперуполномоченный снаружи.

Где-то тут должна была находиться кнопка, открывающая замок. Лампочка не горела, и Фандорин стал шарить ладонью по стене.

Хотел крикнуть: «Сейчас, минутку!»

Не крикнул.

Сквозь тонированное стекло (очевидно, остатки былой номенклатурной роскоши) было видно, как капитан, глянув в маленький блок-

нотик, уверенно тыкает пальцем в кнопочную панель.

Знает код? Но откуда?!

Дверь открылась внутрь, загородив остолбеневшего магистра створкой. Не заметив Фандорина, капитан прошел мимо и легко взбежал по ступенькам к лифту.

Окликать его Николас не стал.

Подождал, пока лифт уедет, и опрометью выскочил из подъезда.

С места газанул так, что чуть не поперхнулся двигатель.

Хорошие дела! Ай да оперуполномоченный! Раз знал код, то, выходит, и адрес знал. Зачем тогда прикидывался?

Вывод напрашивался нехороший. Уж не заодно ли господин Волков с ночными посетителями квартиры № 36? Не связан ли он с убийцами сумасшедшего Ивана Ильича?

А что, если он вообще никакой не милиционер? Может, он убийца и есть. Потому и приехал сюда один. Чтоб исполнить приговор над предпринимателем Н.А.Фандориным, а?

Но милицейский «жигуленок»? Служебный телефон на карточке?

Вождение автомобиля в городе Москве — отличная психотерапия, лучше любого транквилизатора снимает нервный стресс, вытесняя его другим, менее острым и привычным. Поневоле отвлекаешься от любых, даже самых тревожных мыслей, когда нужно всё

время вертеть головой, следя не столько за соблюдением правил, сколько за соседними машинами, и автоматически концентрируя внимание на опасных особях — джипах и «мерседесах», имеющих обыкновение перестраиваться из ряда в ряд рывком, без сигналов.

Снова, как каждый день, произошло обыкновенное чудо, маленький триумф счастливых случайностей — Николас доехал до офиса без аварий.

Велел Вале (у которой нынче была жизнь в розовом свете) ни с кем не соединять, заперся в кабинете и положил перед собой похищенный листок.

Поездка по автодорожным джунглям пошла Фандорину на пользу. Вернулась способность спокойно размышлять.

Итак, пока факты, без гипотез.

Первое. Ненависть «Неуловимых мстителей» (глупое название, но пусть пока остается за неимением другого) вызывают две категории предпринимателей: бизнесмены от медицины и поставщики особенно агрессивной и предположительно лживой рекламы.

Второе. 13 августа Шибякин обнаруживает, что он «не один», и сразу же начинаются убийства. Очевидно, его сообщники или сообщники — люди дела и к тому же обладают профессиональными террористическими навыками. Как-то не очень сочетается с инфантильной мотивацией смертных приговоров. «Гад и обманщик»? Детский сад какой-то.

Или психлечебница. Хотя двусмысленный капитан Волков, конечно, прав: в сегодняшней России с оружием и взрывчаткой умеют обращаться многие, и среди них сколько угодно явных и неочевидных психов, жертв афганского и чеченского синдромов.

Наконец, факт третий и главный. Убито шесть человек. Пятеро — жертвы террора: взорванный на даче Зальцман, потом Зятков с двумя детьми и шофером. Шестой — один из «мстителей», сброшенный кем-то с крыши.

Теперь сформулируем самые существенные вопросы, возникающие в связи с вышеизложенным, и попробуем найти ответ на каждый.

Существенных вопросов обнаруживается ровным счетом три.

Первый — личный. Успел ли Шибякин известить своего сообщника (или сообщников) о приговоре, вынесенном владельцу «Страны советов»? Не станем скрывать, что этот вопрос из трех занимает нас больше всего.

Вопрос второй, детективный. Кто убил Шибякина и какую роль в этой истории играет Волков?

Вопрос третий, гуманитарный. Как предупредить остальных приговоренных об угрожающей им опасности, если милиции доверять нельзя?

Ах, какая замечательная, духоподъемная штука — системный подход! Любая головоломная ситуация, если разобрать ее на компоненты, оказывается не такой уж сложной и вполне разрешимой, так что не врет рекла-

ма «Страны советов». Зря, господа мстители, вы включили Николаса Фандорина в число «гадов и обманщиков»!

Постойте, постойте. Но ведь, уходя, Шибякин сказал: «Суд удаляется на совещание»! Не значит ли это, что утверждение приговора было отложено? А обсуждения состояться не могло, потому что вскоре после отбытия из офиса 13-а «судья» на себе проверил, с каким ускорением движется к земле свободно падающее тело.

От неимоверного облегчения, знакомого, вероятно, лишь тем немногим людям, кто был приговорен к смерти, а потом помилован, Николас даже замурлыкал оптимистичную песню с компакт-диска «Хиты советской эстрады»: «Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново». И сразу вспомнил про Достоевского — как тому заменили расстрел каторжными работами, и он в сыром каземате Алексеевского равелина громко распевал от счастья.

Теперь и про детективную составляющую головоломки думать стало легче. Точного ответа, конечно, не вычислишь — слишком мало фактов, но более или менее правдоподобную гипотезу вывести можно. Например, такую. Кто-то из получивших приговор (Зятьков, Зальцман и сам Николас исключаются, стало быть один из пятерых остальных), вопреки предположениям капитана Волкова, отнесся к этой бумажке серьезно и принял меры предосторожности. Этот «кто-то» не только гад и об-

манщик, но еще и криминальный тип, который привык себя защищать. Провел собственное расследование, каким-то образом вычислил Шибякина и рассчитался с ним по-своему. Очень вероятно, что в поисках ему помогал капитан Волков, член оперативно-следственной группы по делу «Неуловимых мстителей». По нынешним временам ничего экзотического в сотрудничестве милиционера с бандитами, увы, нет. Впрочем, чума на них на всех. Пусть разбираются в своих делишках сами.

И последний вопрос, гуманитарный. Нужно известить пятерых приговоренных об угрожающей им опасности. Если дедуктивная гипотеза верна, один из них и так это знает, ну а остальные?

А вот теперь, когда вопросы сформулированы и на каждый нашелся ответ, можно было действовать.

Первым делом Николас позвонил оперуполномоченному. Сухо извинился, что не смог дождаться — возникло срочное дело. Волков держался гораздо уважительней, чем вчера. Похоже, быстрота, с которой глава фирмы «Страна советов» установил личность убитого, произвела на капитана сильное впечатление. На «ты» переходить не пытался, лишних вопросов не задавал и даже поблагодарил за помощь следствию, лицемер. Никакой он, разумеется, не киллер, а просто нечист на руку. Из-за таких, как он, милиционеров и обыз-

вают «мусорами» — еще со времен МУСа, Московского Уголовного Сыска.

Затем Фандорин позвал Валю и велел ей узнать адреса компаний «Клятва Гиппократ», «Играем и выигрываем», «Фея Мелузина», «Клондайк» и «Добрый доктор Айболит». На это понадобилось десять минут, в течение которых расторопная Валентина успела заодно добыть номера телефонов и факсов руководства.

— Только с «Клятвой Гиппократ» абзац, — сообщила она Нике, поправляя кожаный ремешок на лбу (Валя сегодня была в обличье индейской скво: две косички, расшитая бусами куртка, замшевые рейтузы с бахромой, ручной работы мокасины). — Лавочку прикрыли. Их вождь отъехал за большую воду.

— Убит?! — ахнул Фандорин, зная, что на сленге глагол «отъехать» означает «умереть».

— Да нет, реально отъехал. Кинул всех и нажал на искейп. Еще летом. То ли в Америке колбасится, то ли на Багамах.

Уж не приговора ли напугался, подумал Николас. Или, может быть, господину Сухоцкому просто повезло: вовремя сбежал и тем спас себе жизнь.

Остальным четверым Фандорин написал письмо следующего содержания:

«Уважаемый г-н (Леванян, Куценко, Шухов, Ястыков),

(Такого-то числа) Вы получили странный документ, в котором неизвестные

лица объявляли Вам смертный приговор. Скорее всего, Вы отнеслись к этой бумажке как к чьей-то глупой шутке. Но, смею Вас уверить, эти люди не шутят. Двое предпринимателей, которым были присланы аналогичные извещения, уже убиты. За подтверждением можете обратиться в 16 отдел Московского уголовного розыска. И в любом случае настоятельно советую: примите самые серьезные меры безопасности.

Прошу извинить за то, что не подписываюсь».

Вовсе ни к чему, чтобы эти господа бросились в «Страну советов» за разъяснениями. Недаром покойный Шибякин квалифицировал их как «гадов и обманщиков». Еще, не дай Бог, вообразят, что Николас Фандорин занимается вымогательством. К тому же, не будем забывать, один из них, кажется, без большого пиетета относится к неприкосновенности чужих жизней и жилищ.

Поручил Вале отправить письма по факсу, предварительно убрав из установок аппарата номер отправителя и лого «Strana Sovetov».

— Шеф, — сказала ассистентка, исполнив задание — единственное за весь рабочий день. — Что это у вас глаза такие диззи, будто вы в nirване? Я тоже туда хочу. Пригласили бы офис-леди куда-нибудь оттянуться. Нет, вирклих. Есть суперный ресторан-клуб, «Холестерин». Полный фьюжн, вам понравит-

ся. А на афтерпати можно упасть в «Крысолова». Вы же свободный человек — МэМэ ваша в Ленинбурге.

— Не смей называть мою жену МэМэ, — в который уже раз сказал Фандорин. «МэМэ» было аббревиатурой от «мадам Мамаева», а что такое «полный фьюжн», он понятия не имел.

Но настроение после отмены приглашения на казнь было приподнятое и слегка истеричное. Оттянуться так оттянуться, почему бы и нет? Все равно сегодня на камер-секретаре сосредоточиться уже не удастся.

Договорились встретиться в одиннадцать — после того, как зверята, проглотив вечернюю сказку, уснут, — и оба стали звонить: Валя в «Холестерин», заказывать столик, а Ника — бэйбиситтеру Лидии Петровне, чтоб пришла ночевать.

Потом окрыленная Валя отправилась домой прихорашиваться, а Фандорин еще некоторое время оставался в офисе, расхаживая по кабинету и убеждая себя, что всё утряслось, что хаос лишь обдул ему лицо своим жарким дыханием, но не испепелил и даже не обжег. Пронесло, жизнь вернулась в нормальное русло.

Может, конечно, всё было совсем не так, но что еще он мог предпринять? Делай, что должно, а там будь, что будет.

Нельзя ведь каждую секунду жизни трястись, что с тобой может произойти беда: упадет кирпич, или за рулем встречной маши-

ны уснет водитель, или в кафе, куда ты вошел выпить чашку эспresso, взорвется портфель с взрывчаткой. Когда-нибудь беда непременно произойдет, никуда от нее не денешься. Ну, не портфель с взрывчаткой, так опухоль или тромб (неизвестно еще, что хуже), но тут уж одно из двух: или трястись, или жить. Иди своей дорогой и надейся, что она еще не скоро заведет тебя в разинутую пасть Несчастья.

Буду надеяться, решил Ника. Очень-очень надеяться на то, что приговор не утвержден и не попал к исполнителю.

И еще на то, что остальные приговоренные отнесутся к предупреждению всерьез.

Перед уходом он по привычке подошел к окну и посмотрел на вечерний город. Огни, блестящие от дождя крыши, близорукий глаз луны, светящийся сквозь туман.

Когда мир так спокоен и мудр, кажется, что и бояться нечего. Подумаешь, смерть. Если повезет, она будет быстрой и не очень страшной. Что такое хэппи-энд в сказке про любовь? Они жили долго и счастливо и умерли в один день. Так может, расфилософствовался Николас, такая смерть и есть подлинное, окончательное счастье? Будем шагать по небу, взявшись за руки, к источнику этого безмятежного света, чтобы вот так же уплывал вверх вечерний туман, и широкие просторы, залитые спокойным светом луны, расстилались перед нами, не омраченные тенью новой разлуки.

Глава восьмая

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛЮБВИ,
ИЛИ БЕЗУМСТВА СТРАСТЕЙ**

Но небо было темным и беспощадным, а луна затаилась за рыхлыми тучами, будто не желая манить изгнанника тщетной надеждой на спасение, и укрыться от неистовства слепой стихии было негде.

Замерзающему Митридату оставалось прибегнуть к самому последнему средству мужественного рассудка — к философии. Сколь стремительно произошло падение из заоблачных высот, от самого подножия престола, в темную и хладную бездну, подивился он вчуже. Хотя чему ж удивляться? И из физики известно: тело поднимается вверх куда трудней и медленней, нежели падает вниз. Нет ничего естественней падения, которое есть стремленье припасть к груди матери-земли. И гибель, уготованная каждому, тоже падение. Но такое, которое, с точки зрения религии, обращается взлетом.

Мамочки, как же холодно!

На площади горело несколько костров, вокруг которых теснились кучера и лакеи, дожидавшиеся господ. Митя кинулся было к ближайшему источнику тепла, но, услышав грубый хохот челяди, замер. Чем неделикатнее у человека душа и приниженной положение, тем черствее и немилосердней он к ближним. Прогонят, опять прогонят! Еще одно такое ис-

питание, и можно навсегда лишиться любви и решпекта к человеческому роду, а для чего тогда жить? Лучше уж закоченеть под ветром и снегом!

Тем более что коченеть вовсе необязательно.

Подкрепленный философией разум очнулся и явил-таки свою чудодейственную силу.

Вон сколько на площади карет. Забраться в какую-нибудь, чтоб слуги не видели, да и дожждаться разъезда. А там уж как повезет. Чья бы ни оказалась карета, с ее владельцем, благородным дворянином, объясниться будет проще, чем с плебеем. Довольно сказать по-французски: «Умоляю, выслушайте меня!» — и уже будет ясно, что маленький рборвыш не обычный попрошайка.

Митя нырнул в проход меж двумя длинными шеренгами экипажей, выбирая себе убежище. Лошади стояли, позвякивая сбруей, хрупали овсом из подвешенных к мордам торб, зима им была нипочем. Подумалось: насколько же человек по своей физической натуре ниже и несовершенней скотов, коими мы помыкаем и коих презираем!

Наконец выбрал щегольскую семистекольную карету с княжеской короной на дверце. Может, кто-нибудь из ближнего государынина круга? Тогда, вполне возможно, что и Митридата видел.

Уже залез на ступеньку, потянул дверцу и вдруг увидел, что в большом дормезе, стоявшем по соседству, из трубы вьется белый ды-

мок. Зимний экипаж, с обогревом! Вот куда бы забиться!

Высунулся из-за конского крупы, посмотрел на костер, до которого было не более десяти шагов. Ничего, там светло, а тут темень, не заметят.

Перебежал к дормезу. Встал на подножку, осторожно заглянул внутрь — не греется ли кучер.

В карете было пусто — должно быть, слугам сидеть внутри не позволялось, а может, у костра в компании веселей.

Секунда — и Митя оказался внутри, в блаженном тепле.

Там было темно и тихо, в печке постреливали уголья, окна до половины запотели. О, сколь немного нужно, чтобы бытие из несчастья обратилось блаженством! Всего-то прижаться озябшим телом к горячему чугунному боку, и боле ничего, совсем ничего.

Митя обнял печку обеими руками, поджал ноги в сырых лаптях, накрылся с головой лежавшим на сиденье меховым одеялом и уже ни о чем не думал, просто наслаждался сухостью и теплом.

Проснулся он от звонкого голоса, крикнувшего:

— Скорей! Гони!

В первое мгновение не понял, отчего это мир качается. Потом услышал скрежет полозьев по присыпанному снегом булыжникам и вспомнил: дормез.

С трепетом приподнял край одеяла. На переднем сиденье кто-то был. В темноте не разглядеть, кто, но слышалось частое взволнованное дыхание.

Вот сидок выпрямился, и на сером фоне переднего окошка обрисовался капор с лентами. Значит, женщина. Это хорошо, ибо прекрасный пол милосердней мужского и менее склонен к скоропалительному насилию — например, к тому, чтобы без лишних разговоров выкинуть незваного гостя вон.

Однако же крепок был сон! Митя не слышал, ни как карету подгоняли к подъезду, ни как садилась владелица.

Та вдруг дернулась, застучала перстнем в стекло. Громко крикнула:

— Не на Морскую! Домой нельзя!

Голос молодой.

Видно, кучер не расслышал, потому что дама щелкнула задвижкой, приоткрыла окно и сквозь завывание ветра повторила:

— Не домой! На Московский тракт гони!

Опустила окно, пробормотала:

— Господи, Твоя воля, спаси и сохрани...

Не иначе что-то у ней стряслось. Вон как вздыхает, даже всхлипывает. Хорошо это или нет? Скорей, плохо. Когда у тебя что-то болит, не до сострадания к чужим бедам.

Жалко, не видно, какое у нее лицо, злое или доброе.

Он терзался сомнением — объявить себя или подождать, пока хозяйка кареты немнож-

ко успокоится. Она же всё не успокаивалась, шептала что-то тревожное, ерзала.

Внезапно порывисто поднялась, встала коленом на заднее сиденье, в двух вершках от Мити, и сдернула с него мех.

Он уж приготовился воскликнуть: «Ayez pitié, madame!» — но она, оказывается, его не видела.

Подергала задвижку задней рамы, открыла, стала совать одеяло в окно.

— Дорога будет дальняя. Нате вот, укройте.

Откликнулись два голоса, мужские:

— Благодарствуйте, барыня.

— Еще бы водочки для сугреву.

Дама пообещала:

— На первой станции получите.

Митя времени не терял. Пока она व्यюгу перекрикивала, тихонько соскользнул на пол, забился под сиденье. Известно: когда не знаешь, какое принять решение, выжди.

Хлопнула рама, пружины над Митиной головой заскрипели — женщина решила устроиться сзади. И правильно. Если далеко ехать, сзади лучше, не то укачает.

Чиркнул кремьень, звякнуло стекло, по полу закачались тени. Это она подпотолочный фонарь зажгла.

Перед носом у него стояли две ноги в белых туфельках. Левый башмачок уперся в своего собрата, скинул его на пол, высвобо-

¹ Сжальтесь, мадам! (фр.)

дившаяся нога в шелковом чулке таким же манером расправилась с левым, и туфельки осиротели, остались сами по себе — дама забралась на сиденье с ногами.

Один башмачок отлетел к Мите, в его жесткое, пыльное убежище, и лежал прямо перед глазами, посверкивая золотым каблучком, — гость из иного мира, где царствуют красота и изящество.

Тряска кончилась, возок заскользил ровно, будто лодочка по воде. Это кончилась мощная дорога, догадался Митя. Скоро и городу конец.

Куда едем-то? Сказала, «не домой, на Московский тракт». Дача у нее там, что ли, по Московскому тракту, или имение?

Сверху доносилось пошмыгивание и короткие судорожные вдохи. Плачет.

По временам дама начинала причитать, но тихонько, слышно было только отдельные слова: «Некому, совсем некому... Что же это, Господи... Как бы не так» — и прочее подобное, невнятного смысла.

Поплакав вволю, высморкалась, пробормотала:

— Зябко-то как.

Что правда то правда. Без мехового одеяла и на отдалении от печки Митя тоже подмерз.

Снова спустились ноги в шелковых чулках, маленькие, с точеными щиколотками. Левая сразу нырнула в туфельку, правая пошарила по полу — не нашла. Тогда спустилась пол-

ная рука, полезла под скамью, на пухлом пальчике блеснул перстень.

А ведь было это уже, было. Точно так же жался Митя к пыльной стенке, и тянулась к нему рука, но тогда было ох как страшно, а сейчас ничего, пустяки. И пришло Митрида-ту на ум философское суждение, хоть записывай на пользу потомству: умный человек не пугается одного и того же дважды.

Он подпихнул беглый башмачок навстречу руке, но вышел казус — та как раз и сама проявила решительность, сунулась под сиденье глубже. Ну и наткнулась на Митины пальцы.

Дальше ясно: визг, крик.

И ноги, и рука из Митинога обзора исчезли.

Надо было поспешать, пока она своих запятных не кликнула.

Закряхтев, он выполз из укрытия, поднялся на четвереньки. Уж и фраза была готова, весьма разумная и учтивая: «Сударыня, не трепещите — воззрите, сколь я мал. Я сам вас трепещу и уповаю единственно на ваше милосердие».

А только застряли слова в горле. На сиденье, подобрав ноги, прижав к груди руки, вытаращив и без того огромные глаза, сидела Павлина Аникитишна Хавронская — та самая особа, из-за которой, если восстановить логическую цепь, и начались все Митины злосчастья.

Вблизи она оказалась еще красивей, хотя, казалось бы, красивей уж и некуда. Но только вот так, в упор, можно было увидеть го-

лубую жилку на шее, персиковый пушок на щеках и славную родинку повыше розовой губки.

Узрев перед собой весьма небольшого мальчишечку, графиня кричать сразу перестала.

— Это ты там сидел? — спросила она дрожащим голосом. — Или там еще кто?

Дар слова, испугнутый неожиданностью, еще не вернулся к Митридату, и он лишь помотал головой.

— Да ты совсем малютка, — сказала прекрасная Павлина Аникитишна, окончательно успокоившись. — Ты как туда попал?

Ответить на этот вопрос коротко не представлялось возможным, и Митя заколебался: с чего уместней начать?

— Маленький какой. Говорить-то умеешь?

Он кивнул, подумав: наверное, лучше вначале объяснить про наряд мужичка-лесовичка.

— Деточка, малявочка, глазоньки-то какие ясные. А ну не бойся, тетенька добрая, не обидит. Кой тебе годик; знаешь? А звать тебя как? Ну уж это-то знаешь, вон какие мы больšie. Больšie-ребольšie. Замерз? Иди сюда, иди.

Женщина она, похоже, и вправду была добрая, жалостливая. Погладила Митридата по голове, обняла, в лоб поцеловала.

Будучи прижат к упругой, теплой груди, он вдруг подумал: а ведь если б я ей стал повзрослому говорить, она бы меня этак вот голубить не стала.

И явилось Мите в сей момент озарение.

Отчего все его беды, отчего несчастья? Оттого что разумен и учен не по годам, затеял рядиться со взрослыми по их взрослым правилам. Если б не умничал, проживал в соответствии со своими летами, то обретался бы ныне в отчем доме и горя б не знал. Какой из сего вывод? А такой, почтенные господа, что неразумным дитятей быть проще, выгодней и намного безопаснее.

И когда графиня повторила свой вопрос:

— Ну, как нас зовут? Припомнил?

Он сказал, нарочно присюсюкивая по-младенчески:

— Митюся.

Был вознагражден новыми поцелуями.

— Вот молодец, вот умничка! А годик нам какой?

Решил один убавить, для верности. Показал растопыренную пятерню.

— Пять годочков? — восхитилась красавица. — Ай, какие мы больсюсие! И всё-то мы знаем! А тятенька-маменька где?

С ответом на этом вопрос было труднее. Митя наморщил лоб, соображая, как лучше сказать.

Павлина Аникитишна соболезнующе вздохнула:

— Ишь, лобик насупил. Бедненький сиротинушка. А с кем жил? С бабусенькой?

Митя кивнул.

— Где ж она, твоя бабусенька?

Сказать, что ли: «В Зимнем дворце», засомневался Митя.

Не стоит. Во-первых, не поверит. А во-вторых, сейчас, пожалуй, чем далее от Зимнего дворца, тем здоровее.

Госпожа Хавронская — женщина добросердечная, малютку на мороз не выгонит. Переждать бы у нее хоть малое время, собраться с мыслями.

Она опять истолковала его молчание по-своему:

— Ой, померла, что ли? Рыбанька мой сладенький. — И на Митину макушку, где белая прядка, упала большая слеза. Хорошо графиня в полумраке седины не заметила, а то вовсе бы разрыдалась от сострадания сердца.

— У тебя есть кто-нибудь, Митюшенька? — спросила Павлина Аникитишна пригрюнясь.

Он помотал головой.

— И у меня никого, — грустно сказала она. — Это ничего. Сначала трудно, но после обвыкаешься. А ты не горюй, я тебя с собой возьму.

— Куда?

— В Москву. Поедешь?

Не может быть! Какая небывалая, невероятная удача! Попасть в Москву, а оттуда домой, к папеньке и маменьке! Воистину то был перст судьбы, которой наконец прискучили гонения на маленького Митридата, и она решила объявить ему полное помилование.

— Не знаешь, что такое Москва? Это большой-пребольшой город, еще больше Петербур-

га. И лучше. Там люди проще, добрее. Снегу много, все на санках ездят, с ледяных горок катаются. Поедешь со мной в Москву?

— Поеду.

— «Поеду», — повторила красавица то-
неньким голоском и ласково улыбнулась. —
Вот и славно. У меня там дядя живет. А вме-
сте ехать много веселей. — Тут она вздохну-
ла, куда как невесело. — Я, Митенька, на-
скоро собралась. Можно сказать, вовсе не со-
биралась. Еду в чем на балу была.

Он увидел, что так оно и есть. Под рас-
пахнутой собольей шубой белело маскарадное
платье, а из-под капора свисали длинные ру-
салочьи волосы, в которых все еще зеленели
кувшинки.

— Зачем насколо? — осторожно поинте-
ресовался Митридат. — А взять валеночки,
иглуськи?

— «Игрушки», — грустно усмехнулась
она. — Тут, сладенький мой, самой бы игруш-
кой не стать. — И прибавила уж не Мите, а
себе. — Ничего, Платон Александрович, ми-
лости прошу. Пожалуйста, гостьюшка дорогой.
Птичка улетела. И шпионам вашим невдомек,
куда.

Так-так. Из сей реплики можно было за-
ключить, что светлейший князь и без Мит-
ридата нашел средство сообщить предмету
обожания о своем плане явиться к ней нын-
че же ночью вопреки любым стенам и зам-
кам. Вот Хавронская и решила бежать пря-
мо с маскарада, даже не заехала домой, где

у Фаворита наверняка подкупленные согла-датаи.

— Ничего. — Павлина Аникитишна уса-дила Митю рядом, обняла за плечо. — По-катимся с тобой, как Колобок. Через поля, через леса. Никто нас не догонит. Знаешь сказку про Колобка? Нет? Ну, слушай.

Что ж, от такой богини можно было и по-весть про Колобка стерпеть.

Мчали без остановки полночи, до самой Любани. Митя послушал и про Колобка, и про Серого Волка, и про Бову-королевича. Под ласковый, неспешный голос рассказчицы отлично размышлялось. О превратностях судьбы и о том, насколько женщины лучше мужчин.

Голову он положил на мягкие графинины ко-лени, шелковые пальцы перебирали ему воло-сы. Подумалось с отрадным злорадством: князь Зуров, поди, тоже хотел бы этак понежиться, никаких денег бы не пожалел, а только кукиш ему, хоть он и всемогущий Фаворит.

На почтовой станции в дворянский номер осовевшего Митю снес на руках лакей Левон-тий. Потом Левонтий с другим лакеем, Фо-мой, и кучером Тоуко пошли отогреться водкой, а Митя помог графине раздеться (гор-ничной-то у нее не было). Она его тоже раз-дела, и они, крепко обнявшись, проспали до рассвета на скрипучей кровати. Хоть ложе было жестким, а минувший день ужасным, сон Митридату приснился хороший, про Зо-

лотой Век. Будто бы наука овладела искусством сотворения полноценного гомункула и надобность в грубой половине человечества отпала. Мужчины все повывелись, и по зеленым лугам бродят украшенные венками женщины и девы в белых хитонах. Нет более ни войн, ни разбоя, ни мордобития. К женщинам ластятся лани и жирафы, ибо никто на диких зверей не охотится, а коровы смотрят без грусти, потому что никто их в бойнях не режет. Известно ведь, что женщины не большие любительницы мяса, им милей овощи, травы, плоды.

Утром Павлина усадила Митю на малый чугунок и сама присела рядом, на чугунок побольше. Залившись краской, Митридат отвернулся и от смущения не смог откликнуться на зов природы. Графиня же звонко журчала, одновременно успевая вычесывать из волос остатние кувшинки, глядеться в зеркальце и приговаривать:

— Ничего, ничего; утро вечера мудреней. Что ночью страх, то утром прах. Ой, бледна-то, бледна! Ужас!

И ничего она была не бледна, свежей свежее. Просто свет из окна лился еще ранний, серый.

Настроение у Павлины нынче было не в пример лучше вчерашнего. Одевая Митю, она напевала по-французски, щекотала его за бока, смеялась. Но потом, когда он чесал ей волосы и помогал уложить их в обильный пук, графиня вдруг петь перестала, и он увидел в зер-

кале, что глаза у нее мокрые и часто-часто мигают. Что случилось? Про Зурова вспомнила?

Нет, не то.

Хавронская порывисто обернулась, обхватила Митю, прижала к груди. Всхлипнула:

— Пять годочков. У меня мог бы быть такой сыночка...

И давай носом шмыгать. Удивительные все-таки существа женщины!

Перед тем как ехать дальше, отправились в лавку для путешественников, экипироваться. Себе Павлина купила только полдюжины сорочек и бутылочку кельнской воды, а Митю утеплела как следует: и тулупчик, и валенки, и собачьи варежки. На голову ему достался девчонский пуховый платок. Митя как мог являл протест на своем скудном младенческом наречии, хотел баранью шапку, но графиня была непреклонна. Сказала: «В этой шапке мильон блох. Потерпи, солнышко. В Москве я тебя как куколку одену».

Нарядила и слуг. Кроме теплой одежды купила им оружие от разбойников: Левонтию и Фоме по сабле, чухонцу-кучеру ружье. Понравился ей английский дорожный пистолет — маленький, с инкрустированной рукояткой, тоже купила.

— Ну вот, — сказала, — Митюнечка, видишь, какие мы с тобой вояки? Теперь нам никто не страшен.

Отдохнувшая шестерка лошадей дружно затопотала по подмерзшей за ночь дороге, и

дормез, попыхивая дымом из трубы, покати́л на юго-восток.

Позавтракали на ходу, пирожками и подогретым на печке молоком. Мите всё не давали покоя утренние слезы его прекрасной кровительницы. Помнится, государыня сказала ей: «Пять лет вдовствуешь». Что же случилось с ее супругом и что́ он был такое?

— Пася, — осторожно начал Митридат (это она так велела ее называть — просто «Паша», по-детскому выходило «Пася»), — а де твой дядя?

В смысле, где твой муж. Но она поняла не так.

— Мой дядя в Москве, он там губернатор. Губернатор — это такой важный-преважный человек, которого все-все должны слушаться.

Ладно, попробуем в лоб.

— Пася, а у тебя муз есть?

Спросил и перепугался. Не слишком ли для пятилетнего недоумка?

Ничего, она только засмеялась.

— Ух, какой галант. Жениться на мне хочешь? Вот вырастешь, поженимся. — И погрустнела. — Как раз и я к тому времени сердцем оттаю.

Тут она замолчала и молчала долго, глядя в окошко на белые поля и черные деревья. Митя решил не донимать ее расспросами, даже успел задуматься о другом. Что если на зимнее время тракт между Москвой и Петербургом водой заливать? Ну, пускай не весь, а только по краю. Тогда кто захочет, сможет

путешествовать на коньках с замечательной скоростью, простотой и дешевизной. Грузы же — те везти по-обычному, на лошадях. Или того лучше: положить гладкий железный либо медный лист, и тогда по нему можно гонять в любое время года безо всякой тряски. А если не лист, который выйдет больно дорог, а просто...

Но додумать интересную мысль до конца не успел, потому что Павлина вдруг заговорила снова. Это уж далеко за полдень было, когда Чудово проехали.

— Вот я тебе, Митюнечка, давеча сказки рассказывала. Помнишь?

Он кивнул.

— Хочешь еще одну расскажу?

Законы учтивости требовали ответить утвердительно.

— Хотю.

— Ну, слушай. Жила-была Марья-царевна... Ну, царевна не царевна, а боярышня. [Это она, кажется, про себя, догадался Митя и стал слушать внимательно.] Жила она с батюшкой, матушки у нее сызмальства не было. Да и батюшку видала она нечасто — он всё воевал, плавал по морям, бился с Чудой-Юдой-Рыбой-Кит, чтоб не притесняла хрестьянские народы. [Значит, отец ее был моряк и сражался с турками. Так-так.] И вот в один прекрасный, а верней сказать, ужасный... Ну, то есть это она тогда решила, что ужасный, а потом-то оказалось... Хотя что ж, и ужасный, конечно... — Павлина Аникитишна здесь

сама запуталась, какой это был день, прекрасный или ужасный, распутаться не смогла и махнула рукой, стала дальше рассказывать. — В общем, однажды прискакал к ней в терем витязь, старый товарищ ее батюшки, и говорит: «Плачь, красна девица, помер твой родитель, велел тебе долго жить и счастливой быть, а перед смертью вверил тебя моей заботе, чтоб никому тебя в обиду не давал и хорошего жениха тебе нашел». [Ага, это отец перед смертью своего боевого друга ей в опекуны назначил. Что ж, обычное дело.] Поплакала она, конечно, поубивалась, да делать нечего, стала дальше жить, а витязь этот до поры с ней остался. Очень он ей сначала не понравился. Сухой, тощий, нос крючком — прямо Кашей Бессмертный, так она его про себя называла. Он тоже немало поплавал по морям, всякого на свете навиделся, в разных землях со своими кораблями побывал. [Не «кораблем» — «кораблями». Стало быть, не простой офицер, а адмирал.] Как начнет рассказывать — заслушаешься. Понемножку привыкла она к Кашею, перестала его бояться, подружилась с ним. И когда он ей руку и сердце предложил — ну, это так говорят, если кто на девице пожениться захочет — она подумала: что ж, человек он добрый, умный, с царским семейством в родстве, и батюшка его любил. Лучше, чем с молодым дурачком венчаться, который еще не перебесился. Ну и согласилась. [Вот почему царица ее «свойственницей» называла — графиня Хавронс-

кая она по мужу, а Хавронские, всякий знает, императорскому дому родня.] И не пожалела. Жила, как при покойном батюшке, даже краше, потому что Кашей ее еще больше баловал, ничего для нее не жалел. Старые мужчины, они на любовь умнее молодых и знают, как женскому сердцу угодить. Ты для него разом и жена, и дочка, чем плохо? Только вот матерью стать Марья-царевна не поспела... Уплыл Кашей воевать в холодные моря, угодил в ужасную бурю и сгинул вместе с кораблем. Она его долго ждала. Думала, вернется, ведь он же бессмертный. Да, видно, переломилась иголка, не стало Кашея...

Графиня тяжело завздохала, а Митя тем временем прикинул: вдовствует она пять лет; тогда две войны было, с турками и со шведами, но раз «холодные моря», значит, адмирал Хавронский действовал против флота короля Густава III, там и голову сложил. Ясно.

— Жалела себя Марья — страсть. Думала, ах я несчастная, и баба я не баба, и девка не девка. Одна-одинешенька, прислониться не к кому. А потом, как подросла и умнее стала, рассудила: зачем прислоняться-то? Слава Богу, не бедна, не больна, умом не скудна. Ну их, мужчин, вовсе. От них одна докука да слезы. Поглядишь вокруг — один над женой тиранствует, другой на нее вовсе не глядит. А случится чудо, попадется непропащий человек, кого полюбить можно, так бесприменно пойдет воевать и сгинет там, разобьет тебе бед-

ное сердце. Нет, право, одной куда веселей. — Павлина улыбнулась и потрепала Мите волосы. — Ишь, глазыньками хлопает, соображает. Что, скучна сказка? Я тебе сейчас другую какую-нибудь расскажу. Про Иван-царевича хочешь?

Но сказку про Иван-царевича Мите услышать было не суждено, потому что в этот миг раздался отчаянный стук в заднее стекло. Лакей Левонтий кричал что-то, пуча испуганные глаза. Сначала было не разобрать — карета ехала в гору, и кучер щелкал кнутом. А потом донеслось:

— Барыня! Беда! Разбойники!

Хавронская кинулась открывать левое окошко, Митя правое. Высунулись с двух сторон.

Сзади, быстро приближаясь, неслись пятеро конных: один впереди, четверо поодаль. И по первому было сразу видно, что он точно разбойник — лицо закрыто черной маской. Лихой человек скакал на огромном вороном коне, за спиной у него развевался черный плащ, треуголка низко надвинута.

А вокруг пусто, ни души, по обе стороны густой лес.

Графиня повернулась к кучеру, крикнула:

— Гони! Что есть мочи!

Всадники тоже до подъема добрались, их бег замедлился, а дормез, наоборот, выбрался наверх и теперь пошел шибче.

Слева деревья отступили, открылась широкая поляна с пнями — вырубка. На дальнем

ее краю малая избушка, по виду охотничий домик. Из трубы вился дымок, там были люди. Как дать им знать? Кричать — не докричишься.

Эврика! Выстрелить!

Митя показал на избушку:

— Пиф-паф!

Павлина, умница, догадалась. Застучала в переднее окно:

— Тоуко! Пали из ружья!

— Пали! — огрызнулся чухонец. — А восси кто дерсать будет?

Она рывком спустила раму.

— Дай сюда!

Пока кучер одной рукой оружие просовывал, пока графиня его тем же манером запятым переправляла, поляна с жильем позади осталась, с обеих сторон был только лес.

Передний преследователь опять нагонял. Его конь шел галопом, ходко отмахивал широченными копытами в стороны. Глазищи у вороного были страшные, налитые, с вислых губ летели клочки белой пены, у всадника же вместо глаз белели две дырки, рта не было вовсе. Страх!

— Стреляй в супостата! — приказала графиня.

Фома приложился, пыхнул дымом и грохотом, да не попал. Только разозлил разбойника. Тот уж совсем близко был, саженьях в пяти. Выдернул откуда-то пистолет с длинным стволом и как прицелится!

— Мамушки! — охнул Фома, бросил ружье и присел, закрыв руками голову.

Левонтий тоже весь скрючился, а Мите почудилось, что черное дуло метит прямо в него. Он схватил Павлину за руку, дернул на пол. Прижались друг к другу, зажмурились.

Выстрел был не сильно громкий, много тише ружейного. И ничего, живы остались оба, пронесло.

Аи нет, не пронесло.

Что-то шумнуло, скребнуло спереди по стенке, и через малое время карету повело из стороны в сторону.

Донесся крик Левонтия:

— Барыня! Чухна свалился! Пропадаем!

Ах, это злодей поверх крыши пальнул, кучера Тоуко застрелил!

Тут как хрустнет, затрещит, как лошади заржут, и дормез остановился, скособочился на сторону. Это ось подломилась, понял Митя. Когда с папенькой в Петербург ехали, тоже один раз было — полдня чинились.

А графиня была молодец. Другая бы дама непременно принялась визжать или, того верней, рухнула бы в обморок, Павлина же не растерялась, прикрикнула на лакеев:

— Рубите его саблями, пока те не подоспели! Рубите!

Митя прилип носом к заднему стеклу.

Видел, как сначала Левонтий, а за ним и Фома спрыгнули на снег, пошли на разбойника, размахивая саблями. Думал, тот отъедет назад, подмоги дождется, но злодей взды-

бил коня, осадил. Убрал разряженный пистолет, вынул шпагу.

Легко, будто играючи, звякнул клинком о Левонтиеву саблю, и тут же рубанул лакея пониже уха. Бедный повалился ничком, не вскрикнув. Фома попятился было, да поздно. Конник перегнулся, пырнул его шпагой. И Фома сразу заголосил, упал на снег и давай там барахтаться.

Пропали!

Митя сполз с сиденья на пол. Зубы стучались друг об дружку, этот drobный перестук отдавался по всему краниуму.

Павлина тоже сидела на полу, дрожащей рукой взводила курок на пистолете.

— Не бойся, — сказала, — маленький. Я стрелять умею, меня муж учил.

А у самой в лице ни кровинки.

Снаружи по снегу заскрипели шаги. Спешился, подходит!

Она наставила дуло, зубами впилась в нижнюю губу, а Митю толкнула, чтоб под сиденье лез. Шепнула:

— Уши заткни и глаза прикрой, рано тебе еще такое видеть.

Он спрятаться-то спрятался, а глаза закрывать не стал, подглядывал из-за ее подола.

Дверца распахнулась.

Разбойник был сущий великан, заслонил собою весь белый свет.

— Христом-Богом! — попросила графиня, держа оружие обеими руками и целя ему пря-

мо в лоб. — Бери что хочешь и уходи! Не доводит до греха!

Он хрипло захохотал, глаза в прорезях от этого сузились в щелки.

Тогда она взяла и выпалила.

Карета наполнилась дымом, но еще до того Митя увидел, что лихой человек ловко присел, и пуля не причинила ему никакого ущерба.

Павлина ударила его рукояткой по голове, но это великану было нипочем. Он отнял пистолет, швырнул на пол. Однако храбрая и тут не унялась. Вцепилась злодею в лицо, сорвала с него маску.

Пикин!

Митя забился под сиденье как можно дальше, и больше ничего не видел, лишь слышал голоса.

— Что ж, значит, нечего и таиться, — сказал ужасный преображенец. — Только теперь придется ваших слуг того. Лишние доводчики мне не надобны.

— Не надо! — взмолилась она. — Вам ведь, сударь, не они нужны, а я. Иль ваш господин нарочно велел вам душегубствовать?

Капитан-поручик отрезал:

— Сами виноваты. Нечего было маску срывать, лучше б в обморок пали. Что мне князь велел, то меж ним и мной останется. Только никакие это не душегубства, а преступления любви, безумства страстей. Посидите-ка.

Хлопнула дверца.

Жалкий голос — не поймешь чей, Фомы или Левонтия — попросил:

— Мил человек, мил человек...

Графиня все повторяла:

— Боже, боже...

И снова приблизились шаги, скрипнули петли.

— Прекрасная Псишея, — объявил Пикин. -- Имею приказ доставить вас в некое прелестное место, где вас ожидает бог сладострастия Амур. А еще велено вам передать...

— Откуда вы узнали, где меня искать? — перебила Хавронская. — Я никому не говорила.

Пикин (по голосу слышно) ухмыльнулся:

— Тише надо было перед дворцом кричать про Московский тракт. Ага, подросли наконец, курьи дети.

Это он про топот подъехавших коней сказал.

Пошел навстречу своим гайдукам или кто там с ним был. Закричал на них, заругался.

Павлина же опустилась на четвереньки, вытащила Митю из укрытия.

— Быстрее, миленький, быстрее. Беги! Этот зверь и дитя малое не пощадит! Ну же! Береги тебя Господь!

И насильно выпихнула в дверцу.

Митя упал в снег, бесшумно. Отполз на обочину, где сугробы.

К покривившемуся дормезу подошли пятеро.

— Вишь, барин, ось треснула, — сказал один. — Тут возни дотемна. Пока в лесу подходящее дерево сыщешь, пока приспособишь. Каретища вон какая, осина или береза не пойдет, дубок нужен. Как бы ночевать не пришлось.

— Ничего. — Пикин возвышался над прочими на полголовы. — Я в карете у печки, а вы костер разожжете. Что встали? Вы двое марш в лес! А ты и ты приберите здесь. Дохлятину в кювет киньте, снегом забросайте. Потом за кучером вернитесь. Живой — добейте. Уполз — догоните. И тоже заройте. Марш!

Отдав приказание, гвардеец вернулся к дормезу. Поставил ногу на ступеньку, сдернул с головы шляпу, поклонился.

— Мадам, кажется, нам предстоит романтическая ночь. Во избежание двусмысленности, положу меж нами обнаженный меч, как непреклонный Роланд.

И загоготал, невежда. Это надо же Роланда с Тристаном перепутать!

Пятясь по-рачьё, Митя пополз к лесу. За черными кустами, сплошь в красных каплях ягод, выпрямился и побежал. Одно слово, что побежал — не очень-то по рыхлому снегу разгонишься.

Кое-как добрался до тропки, тогда стал думать.

Они тут застряли до утра. Значит, Павлину еще можно спасти. Нужно привести людей — только и всего.

Вопрос: где найти людей?

Точное местонахождение неизвестно. Где-то между Чудовым и Новгородом. Какое тут ближнее поселение, сколько до него идти и в какую сторону — Бог весть.

А охотничий домик?

Не так уж далеко от него отъехали. Версту, много две.

Это надо поворотить назад и держаться поближе к дороге, только и всего.

День начинал меркнуть, но до темноты время еще было. «Я спасу вас, драгоценная Павлина Аникитишна», — сказал Митридат вслух и побежал по узкой тропинке, очень возможно, что вовсе не человеческой, а звериной. Где-то в той стороне должна быть вырубка и домик.

По лицу били скорбные зимние ветки, и думы были тоже невеселые. Отчего злодейству в мире всегда широкая дорога, а добродетели узкая тропа, поросшая колючим терновником? И еще. Взять вот Павлину, Пашу. К чему такой красавице ниспослано бремя душевной тонкости, достоинства и свободолюбия? Ведь без этого груза ее жизнь была бы куда проще и приятнее. Сколько женщин и девиц почли бы за великое счастье домогательства князя Платона Александровича.

Что это за крест такой — благородство, мало того что влекущее человека к тяжким испытаниям, но к тому же еще оставляемое

без всякого воздаяния за муку и вознаграждаемое за нее лишь несчастьем или страданием?

Глава девятая

МОСКВА И МОСКВИЧИ

— Столько настрадалась, такие муки из-за него вынесла! — причитала разобиженная Валя. — Попробовали бы брови выщипывать — кошмар! Обрыдалась вся! Факинг миракл, что глаза не красные. О вас же заботилась, о вашей репутасьон. «Холестерин» такое место, кто только не таскается. Не хватало еще, чтоб подумали, будто вы замутили с трансвестишкой. Барби-дресс, бровки в ниточку, попсовый макияж — всё ради вас, а вы поперли, как Буш на Талибан. Подумаешь, на полчаса опоздала. Я ж делом занималась, а не книжку читала!

Нике уже самому было стыдно, что он накинулся на бедную девочку за опоздание. Она выпорхнула из такси такая счастливая, такая воздушная: золотистые кудряшки до плеч, платье в оборочку, сетчатые чулочки, на щеке приклеен китайский иероглиф — ну просто первый бал Наташи Ростовой, никому и в голову бы не пришло усомниться в половой принадлежности этой инженю. А он напустился с упреками. Нехорошо это, сексуальный шовинизм. Ведь настоящей девушке за опоздание он выговаривать бы не стал, верно?

— Ну ладно, ладно, извини, — сказал Николас. — Ты сегодня просто красавица.

И Валя, не избалованная комплиментами начальника, моментально утешилась и даже просияла. Развернулась к водителю всем корпусом, похлопала длинными ресницами, поправила фальшивый бюст, оперлась локтем о спинку сиденья.

Страстно проворковала:

— Вот стою я перед вами, простая русская баба.

Такая в ее кругу была мода — к месту и не к месту сыпать цитатами из допотопных советских фильмов. Что привлекательного находят в замшелых соцреалистических поделках эти дети солнца, первые подснежники XXI века? Ведь обычная пропагандистская дребедень. Николас просмотрел пару кассет из принесенных Валец — «Чапаев», «Веселые ребята», еще вот эту самую, как ее, откуда про простую женщину, и бросил. Он, выросший под антисоветские филиппики сэра Александра, никогда не сможет воспринимать искусство эпохи тоталитаризма как нечто стильное или экзотическое.

— Вон там налево, в сайдлейн, — показала Валя, как бы ненароком кладя Николасу руку на плечо. — Потом направо, и будет «Холестерин».

— Странное название для ресторана. — Фандорин вертел головой, высматривая место для парковки — улица была сплошь заставлена дорогими автомобилями. — Ведь холестерин вреден.

— Зато приятен, — жарко шепнула на ухо чаровница.

Николас строго сказал:

— Так, Валентина. Мы, кажется, раз и навсегда договорились...

— Кайн проблем, — отпрянула она. — Понимаю: хороший дом, хорошая жена, что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость?

Ну уж, голубушка, покачал головой Николас, сорок с маленьким хвостиком — какая ж это старость?

Напротив сияющей вывески в виде бесшабашного поросенка освободилось место — отъехала красная «ауди», и Фандорин вознамерился ввинтиться в брешь, но Валя надула губки:

— Шеф, отъедем подальше, а? Ну как я буду вся такая воздушная, на глазах у пипла вылезать из этой галошницы? Я вот о вашей репутации забочусь, а вам на мою наплевать.

Николас безропотно отогнал свою «четверку» за угол. В свое время он приобрел этот неказистый автомобиль из неопитского патриотизма — хотел поддержать кампанию «Покупаем отечественное!». Стоически сносил скверный нрав железного уродца, лечил его многочисленные хворобы, без конца заменял отваливающиеся ручки и зеркала, а главное — изо всех сил старался не завидовать жене, раскатывавшей на слоноподобном «лендровере». Бескомпромиссный Эраст име-

новал папино транспортное средство «пылесосом» и ездить на нем отказывался, зато сентиментальная Геля «четверку» жалела и ласково называла Мишкой, имея в виду стихотворение «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу, всё равно его не брошу, потому что он хороший».

Идя по темному переулку к горящему разноцветными огнями клубу, Фандорин вдруг испытал давно забытое волшебное чувство: предвкушение радости и праздника — как во времена студенческой юности, когда шел с подружкой потанцевать или потереться локтями в тесной, насквозь прокуренной забегаловке. И пускай это было не Сохо, а Дмитровка, пускай рядом стучала каблучками не настоящая девушка, а не поддающееся ясной дефиниции существо, всё равно ощущение было такое, словно с плеч разом слетело двадцать лет, и походка от этого сделалась пружинящей, голова звонкой, а легкие наполнились веселящим газом.

«Фьюжн», оказывается, подразумевал полную терпимость и братство (а может быть, сестринство) всех сексуальных ориентаций. В клубе «Холестерин» привечали всех.

Для начала Валя устроила своему кавалеру небольшую экскурсию по залам.

— Здесь гоняют лайв, — орала она на ухо Николасу в темном, битком набитом зальчике, где выступала хард-рок-группа. — Сегодня жуткий дренаж, просто анкруайабль. Это «Зачем?».

— Что «зачем»? — не понял Фандорин.

— Команда так называется: «Зачем?». Если полностью — «Зачем арапа своего младая любит Дездемона?» У них солист — блэк из Буркина-Фасо. Сейчас не видно, они все в черный цвет покрасились.

— Зачем?

— Да, ник дебильный, — кивнула Валя, в свою очередь не поняв вопроса. — Давайте жать на экзит, пока не стошнило.

В другой комнате, где перед сценой стояли ряды стульев, наоборот, горел яркий свет. Публика почти сплошь состояла из мужчин, а на подиуме у микрофона подбоченилась плечистая размазанная мадам. При более внимательном рассмотрении мадам оказалась мужчиной в пышном женском платье и рыжем парике.

— Трансвести-шоу, — объяснила Валя, снисходительно разглядывая эту карикатуру на прекрасную половину человечества. — Лола, конференсье. Он кул. Поглядим?

Господин Лола послал публике воздушный поцелуй и визгливым голосом объявил:

— Куклы мои, как я рада всех вас видеть на нашем междусобойчике! Вы все такие желанные, такие эротичные, я чудовищно возбуждаюсь, прямо вся обтекаю!

С этими словами он сдернул парик, и стало видно, что по абсолютно лысому черепу стекают ручейки пота.

Все засмеялись, заплодировали, а Лола подмигнул двухметровому Фандорину, сло-

жил толстые губы бантиком и подвигал ими вверх-вниз.

— Обожаю длинных мужчин. Особенно если у них правильно соблюдены все пропорции.

Снова смех и аплодисменты. Николас ощутил на себе множество любопытствующих взглядов и поневоле ссутулился. Валя успокаивающе взяла его под руку, и на сей раз он не отодвинулся — так было как-то спокойней: со стороны посмотреть — обычная гетеросексуальная пара.

Лола попудрил сизый нос и торжественно объявил:

— А сейчас, целки мои, перед вами выступит божественная Чики-Чики-сан, звезда японского стриптиза.

Заиграла подвывающая восточная музыка, и на эстраду, мелко семеня, выбежала хорошенькая раскосая девушка в белом кимоно. Она грациозно закружилась, обмахиваясь веером. Уронила с плеч белое кимоно, под ним оказалось алое. Танцовщица раздвинула полы, выставила вперед стройную голую ногу. Зал восторженно засвистел, заулюлюкал.

— Пойдем отсюда, — потянула Фандорина за рукав Валя. — Никакая это не японка, а один шитхед из Улан-Удэ. И чего их всех от него прёт?

— Ревнуешь? — засмеялся Николас, протискиваясь к выходу. — Выступила бы сама.

Валя фыркнула:

— Буду я танцен-шманцен перед всякими педерастами.

Но видно было, что успех псевдояпонки задевает ее за живое.

В третьем зале, самом большом из всех, располагались ресторан и, в дальнем углу, дансинг, откуда доносилась однообразная музыка, несколько напоминающая скрежет дворников по сухому стеклу.

— Супер! — прижала руки к груди Валя. — Вот это музон, вот это драйв! Как вставляет! Пройдет двести лет, и про нас скажут: лаки бэстардз, они были современниками великого ди-джея Кавалера Глюка.

— Разве эта музыка имеет что-то общее с Глюком?

Фандорин напрягся, вслушиваясь, но никакого сходства не обнаружил.

— А то нет? — полуприкрыла затуманенные глаза Валя. — Я сейчас, у меня колл оф нейча.

Отлучилась в туалет — на каких-нибудь две минуты, но когда вернулась, ее было не узнать: в расширенных зрачках посверкивали шальные искорки, рот расплзался в блаженной улыбке, а всё тело так и вибрировало в такт музыке.

— Шеф, аванти! Оторвемся в астрал! — Она схватила Николаса за руку и потащила к танцплощадке. — Не то сейчас сдохну! Там гром, а я молния!

Успела глотнуть или нюхнуть какой-то дряни, догадался Фандорин. То ли экстази, то ли

кокаина. А может, и «молнии» — кажется, есть такое зелье. Он знал по опыту, что сейчас вправлять Вале мозги — пустое занятие.

И все же не сдержался. Серdito сказал:

— Пойди, пойди, растрясись. А когда из тебя дурь выйдет, потолкуем всерьез.

Но Вале сейчас всё было нипочем. Видимо, уже оторвавшись от земной поверхности, она крикнула бредовую фразу:

— Фитилек-то прикрути, коптит!

И, пританцовывая, двинулась в направлении дансинга.

Ника остался один.

Тянул через соломинку слабоалкогольный коктейль «текила-санрайз», неспешно разглядывал беззаботных обитателей третьего тысячелетия христианской эры и размышлял о том, как изменились Москва и москвичи с тех пор, как он впервые приехал в этот город. Всего-то шесть лет прошло, а город не узнать. Вне всякого сомнения Москва — существо женского пола. У нее ослаблено чувство времени, поэтому в отличие от городов-мужчин она равнодушна к прошлому и живет исключительно настоящим. Вчерашние герои и вчерашние памятники для нее мало что значат — Москва без сожаления расстается с ними, у нее короткая память и несентиментальное сердце. Это у женщины сердцебиение и слезы умиления на глазах, когда он встречается с любименной прежних лет. Женщине, во всяком случае большинству из них, такая встреча неинтересна и даже неприятна, поскольку

никак не связана с ее нынешними проблемами и сегодняшней жизнью. Вот и Москва точь-в-точь такая же, обижаться на нее за это бессмысленно. Как поется в одной хорошей песне, она как вода, принимающая форму сосуда, в котором находится.

Когда Фандорин увидел ее впервые, она была бедной замарашкой, жадной до пестрых иностранных наклеек и завистливой на чужое богатство. Но с тех пор поправила материальное положение, обрела исконную дебелость и вернулась в свое природное амплуа. Больше всего Москва напоминала Николасу любимый чеховский типаж: красивую, но чуть перезревшую барыньку, немного циничную и пресыщенную, не слишком счастливую в любви, всё на свете перевидавшую, но всё еще жадную до жизни. Днем эта Аркадина-Раневская-Войницева хандрит, ходит в затрапезе, но к вечеру, как соберутся гости, припудрится, расфуфырится, нацепит бриллиантовое кольцо из огней, подвесит серьги из прожекторов и превратится в такую светскую львицу, что ослепнуть можно.

— Эй вы, *stranger in the night*¹, — раздался вдруг певучий женский голос. — Что, тяжелая оказия — быть взрослой дочери отцом?

Николас обернулся и увидел, что за соседним столиком, который еще недавно был пуст, сидит женщина. Лицо в полумраке было вид-

¹ Странник в ночи (англ.)

но неотчетливо, но в том, что это красавица, сомнений быть не могло — так уверенно звучал голос, так лениво светились глаза, так победительно блеснула сквозь сигаретный дым влажная полоска зубов. В первый момент показалось, что это материализовалась сама Москва, сотканная его собственной фантазией, тем более что на шее у незнакомки поскверкивало ожерелье, а в ухе безошибочным радужным сполохом вспыхнул бриллиант. И лишь потом до Николаса дошел смысл странного вопроса: это она про Валю. Решила, что он пришел в клуб с дочерью. Неужели разница в возрасте так бросается в глаза? Хотя, собственно, что ж удивляться. Сколько Вале? Двадцать два, двадцать три.

Женщина негромко рассмеялась.

— Что, задело за живое? Ладно, пошутила. Какой отец станет водить дочурку в этот вертеп? Разве что кровосмеситель какой-нибудь. Но вы не похожи на кровосмесителя.

У незнакомки была стильная прическа — черные волосы лежали на щеках двумя загнутыми клиньями. Под скулами — впадинки, как сиреневые тени. Или как омуты, подумал вдруг Фандорин. Еще подумал: «Незнакомка» и есть. Дыша духами и туманами.

— А на кого я похож? — спросил он, невольно поддаваясь ее тону, своему бесшабашному настроению и колдовству мгновения.

Она чуть повернула стул, чтобы лучше его

видеть, но осталась сидеть за своим столиком. Немного помолчав, сказала:

— На мужчину, который выходит из возраста, когда нравятся неожиданности. И, соответственно, перестает быть мужчиной. А еще... — Огонек сигареты из бледно-красного стал алым и на секунду осветил ироничный изгиб тонких губ. — А еще вы похожи на океанский лайнер, ползущий по каналу имени Москвы.

— Из-за моего роста? — спросил Николас.

— Нет. Из-за того, что в повседневной жизни вы вынуждены прикидываться речным пароходишкой, а это не очень у вас получается.

Она меня клеит, дошло вдруг до Фандорина. Раньше в ресторане к женщинам приставали мужчины. Самые нахальные — уловив момент, когда спутник дамы отлучится потанцевать. А теперь гендерная революция, роли меняются. Уверенная в себе хищница вышла на ночную охоту. Заморочит голову пьянящими речами, подпоит, покатает на машине, а утром скажет: «Ну пока, золотце. Я тебе позвоню».

— Чему вы улыбаетесь? — Незнакомка снова затянулась. — Слишком грубо работаю?

— Есть немного, — засмеялся он.

— А с мужчинами так и нужно, — хладнокровно заявила она. — Знаете, бисер перед свиньями. Да и времени у нас немного, того и гляди ваша пионерка вернется. Неуже-

ли вам с ней не скучно? Трахнули малолетку, доказали себе, что вы еще ого-го, ну и пусть возится в песочнице со своими ровесниками. Обычная дурочка. Может быть, когда-нибудь станет настоящей женщиной, но еще не скоро.

— Уверяю вас, Валя не совсем обычная. И даже совсем необычная.

Незнакомка откинулась назад, обхватила себя за локти.

— Она меня не интересуется. Слушайте — повторять не буду. Времени на раздумья тоже не дам. Мы сейчас встаем и уходим отсюда. Никаких прощаний, брехни про срочное дело и прочее. Я хочу, чтобы девушка вернулась и обнаружила пустой стул. Стоп! Говорю я, а вы пока помалкивайте. Не думайте, что я каждый день так забавляюсь — лишь под настроение, когда вожжа под хвост попадет. Считайте, что это каприз. Итак: да или нет?

А у самой голос ленивый, несколько не сомневающийся в ответе, и это манило больше всего.

— Нет, — сказал Николас. — Спасибо, но нет.

— Неужели из-за этой финтифлюшки? — не столько оскорбилась, сколько поразились женщина. — Да вы посмотрите на нее.

Фандорин обернулся, посмотрел.

Валя парила в свободном полете: по-сестрински поцеловалась с какой-то огненно-рыжей девицей, сразу же вслед за этим подсе-

ла к двум юным мачо кавказской наружности, оживленно принялась им что-то рассказывать, зажестикуюлировала. Ничего, за эту барышню можно было не тревожиться. Ника знал, что в обиду она себя не даст. Впечатление эфемерности и хрупкости было обманчивым. Кроме современного танца Валентина занималась еще каким-то восточным мордобоем (что-то квохчущее, кончается на «до»). Однажды, в самом начале совместной работы, когда Фандорин еще не успел ознакомиться со всеми талантами своей ассистентки, ему пришлось заступаться за нее в кафе. Агрессор был в полтора раза ниже Николаса, зато вдвое плечистей, и шансы на победу выглядели нулевыми. Но деваться все равно было некуда — конфликт (между прочим, самой Валеи и спровоцированный) неминуемо устремился по вектору физического насилия. Пока Ника, бледнея, лепетал, что сейчас позовет милицию, Валентина выскользнула из-за его спины, чуть вздернула мини-юбку, исполнила подобие фуэте и свалила бугая на пол хлестким ударом ноги. Потом достала зеркальце и стала пудрить нос.

— Нет, дело не ней, — сказал Николас. — И не в том, что я нахожу вас непривлекательной. Совсем наоборот...

Незнакомка хмыкнула, будто он сказал что-то смешное, но не очень пристойное.

— Смотри, дурень. — Она жалеюще покачала головой. — Локти потом искусаешь.

Такие приключения бывают раз в жизни. И далеко не у всех.

Оскорбилась, что и понятно. А обижать даму, которая сделала ему, в конце-то концов, чертовски лестное предложение, Николасу совсем не хотелось. Отец говорил: «Джентльмен, Николка, это человек, который никогда не обижает тех, кого он не собирался обидеть».

— Понимаете, — сказал Фандорин, обезоруживающе улыбаясь. — Я люблю женщин и, как писал Карл Маркс, ничто человеческое мне не чуждо. Но женился я по русским меркам довольно поздно, так что у меня было достаточно времени удовлетворить любопытство по поводу многообразия женских типов. Я долго выбирал и выбрал ту, в лице которой могу любить всех женщин мира. А насчет моей спутницы вы заблуждаетесь, между нами ничего такого нет.

— Так сильно любишь жену? — с серьезным видом спросила незнакомка, словно услышала необычное и важное известие, нуждающееся в подтверждении. А когда он кивнул, раздраженно всплеснула узкой кистью. — Ну и люби, мне-то что? Я же тебя не венчаться зову. Покувыркаемся и разбежимся. Я про тебя потом и не вспомню, и ты тоже меня выкинь из головы.

— А предательство? — тихо сказал он. — Жена не узнает, но я-то про себя все равно буду знать, что я предатель.

Женщина раздавила окурок в пепельнице, презрительно усмехнулась.

— Всё, кончили. Как я, дура, сразу не разглядела? Знаю я таких принципиальных. Привык жену мочалить, а других баб боишься. Боишься, что ни с кем другим у тебя не получится, вот и вся твоя верность.

Резко встала, скрежетнув стулом, и пересела к стойке бара.

Все равно обиделась, сокрушенно подумал Фандорин.

Теперь незнакомка сидела далеко, но видно ее было лучше, чем вблизи, потому что бар весь сиял огнями. Глядя на стройный силуэт соблазнительницы, на точеную ножку, небрежно покачивающую полуснятой туфелькой, Николас попытался представить, как всё могло бы у них получиться. Представил — безо всяких затруднений и до того явственно, что заерзал на стуле.

Настроение испортилось. Во-первых, было совестно перед Алтын за послабку, данную воображению. Кажется, это называется «прегрешение помыслом»? А еще совестнее было за шевельнувшееся внутри (нет, *в нутре*) сожаление. Как она сказала: «Локти потом искусаешь»?

Что я вообще тут делаю, разозлился на себя Фандорин. Тоже еще выискался любитель запретных наслаждений! Дома бы лучше сидел, с детьми, радовался, что жив остался.

Он положил на стол деньги, бросил последний взгляд на Валю, отправившуюся танце-

вать с одним из кавказцев. И она, и ее кавалер заливисто хохотали. Незнакомка права, подумал Николас. Пусть Валя играет со своими сверстниками, у них собственные игры, они разговаривают на одном языке. Она не из тех девушек, которых нужно провожать до дома. Да и вряд ли Валя проведет эту ночь одна.

Проходя мимо бара, чуть сконфуженно кивнул роковой женщине — та болтала по мобильному и небрежно помахала пальчиками с длинными алыми ногтями.

Вышел на ночную улицу, вдохнул чудесный московский запах — дождя, асфальта и гнилой листвы, с приправой выхлопного газа. Сесть за руль, включить музыку (ностальгическую, подростковой поры: еще не опопсовевшие «Би джиз», диск «Одесса»), ехать по пустой магистрали домой, где спят дети. Что может быть лучше?

Недалеко от входа в клуб припарковался огромный джип. Дверь автомобиля была нараспашку, гордый владелец никелированного чудища стоял в картинной позе, оперевшись одной ногой на откидную ступеньку, и разговаривал по телефону. Кажется, Москва побивает все рекорды по количеству сотовых аппаратов на душу населения, мимоходом подумал Фандорин.

— Проблем нет, — говорил хозяин джипа, молодой мужчина в дорогой кожаной куртке и дымчатых очках (это ночью-то!), своему невидимому собеседнику. — Сейчас сделаем.

И вдруг властно придержал проходившего мимо Фандорина за рукав.

— Николай Александрович, садитесь в машину, — сказал он негромко — сквозь стекла блеснули очень спокойные, но неприятно сосредоточенные глаза. — С вами хотят поговорить.

Надежда на то, что всё обошлось, рассыпалась в один миг. Вот оно! То самое!

Сердце сжалось в черносливину, и тем не менее Николас сделал вид, будто ничего не понимает, ни о чем не догадывается.

— Со мной? — преувеличенно удивился он, сам чувствуя неестественность своей интонации. — Но кто? И зачем?

Сказал бы и сакраментальное: «Вы меня с кем-то путаете», да вот беда — обратились по имени и отчеству.

Оглянувшись назад, увидел, что двое клубных вышибал смотрят в эту сторону. Немного приободрился.

— Никуда я с вами не поеду! — объявил он и попытался высвободиться.

Тщетно. Очкастый держал его за рукав двумя пальцами, но пальцы эти были стальными.

Сзади раздались тихие шаги, и в спину Фандорина уперлось что-то твердое, круглое, небольшого диаметра. Он сразу догадался, что именно, хотя никогда прежде ему не приставляли к позвоночнику дуло пистолета.

— Без драматизма, уважаемый, — произнес всё тот же мужчина. — Садимся, едем, сцен и хэппенингов не устраиваем.

Грамотная, даже интеллигентная речь бандита почему-то напугала Нику больше всего. Он в панике оглянулся. Увидел, что сзади стоят двое: у одного лицо сонное и нос уточкой, второй совсем молодой и, кажется, рыжеволосый, хотя в свете фонаря можно было и ошибиться.

Хуже всего было то, что, увидев оружие, вышибалы как по команде отвернулись. Очевидно, поняли, что тут не обычная потасовка, а серьезный разговор.

И все же садиться в машину к этим головорезам не следовало, кто бы они ни были — сообщники Шибякина или его убийцы. Хрен редьки не слаще. «Хотят поговорить»! Значит, убьют не сразу. Знаем, читали: прикуют к батарее, станут бить, задавать вопросы, на которые у тебя нет ответа. Или, если это «Неуловимые мстители», устроят какой-нибудь фарсовый суд над «гадом и обманщиком».

— Не заставляйте меня прибегать к силовым средствам, — всё так же спокойно сказал мужчина в темных очках, очевидно, бывший у похитителей за главного. — Вы ведь знаете, что один раз это уже привело к летальному исходу.

Он поднял правую руку, в которой теперь был не мобильник, а что-то тонкое, металлическое — кажется, игла. А «летальный исход» — это он про Шибякина. Значит, не

«Неуловимые» — наоборот. Сейчас сделает усыпляющий укол, а очнусь в наручниках, в каком-нибудь подвале, обреченно подумал Николас. Потом, как тот несчастный псих, буду лежать в луже, с разинутым ртом и остекленевшими глазами.

— Эй, шеф! — раздался сзади яростный вопль. — Куда это вы? Са не марш па! А я?

Валя! Выбежала из клуба, стуча каблучками. Лицо сердитое.

Человек со шприцем прошелестел:

— Скажите, чтоб ушла. Целее будет.

Вздвогнув от зловещего смысла этих слов (значит, он-то уж точно «целее» не будет), Николас срывающимся голосом сказал:

— Валя, я знакомых встретил. Поговорить надо. Ты подожди меня за столиком.

— Бьен сюр, знакомых, — горько усмеялась она, упиваясь ролью соблазненной и покинутой. — Я видела, как вы с той фамм-фаталь ворковали! Сговорились, да? Всё МэМэ расскажу, так и знайте!

Злобно дернула очкастого за руку, чтоб отпустил Никин рукав.

— А ну хэндз офф! Не твое — не лапай.

— Девочка, — убедительно попросил тот. — Сделай одолжение, поживи еще. Даю тебе две секунды, чтоб добежать до Садового кольца.

Ну, сейчас будет дело под Полтавой, содрогнулся Николас и поспешно сказал:

— Валя, не надо, у них ору...

Не успел предупредить про пистолет.

Однако никакого дела под Полтавой не произошло — всё произошло в те самые две секунды, которые презентовал Вале незадачливый преступник. Бешено взвизгнув, обидчивая барышня двинула его лбом в нос и одновременно выбросила в стороны обе руки: правой ударила по горлу Утконоса, левой по переносице Рыжего.

Зрелище было эффектное и даже величественное, отчасти напоминающее взлет космического корабля: мгновение назад он еще стоял в окружении стальных опор, потом вдруг включил двигатели, окутался облаком дыма и огня, а опоры разлетелись в стороны, оставив звездный лайнер в гордом одиночестве.

Валя шумно выдохнула, сложила на груди руки и продолжила обвинительную речь:

— Значит, верный супруг, да? Фэмили мэн, да? Я, как дура, ему верила, пальцем не касалась! А тут первая попавшаяся пута пальцем поманила — и пожалуйста. Куда это вы все мылились? На групповуху, да? А я, значит, вам «олвиз» юзанный, да?

К Николасу пока еще не вернулся дар речи, поэтому он лишь молча показал на мостовую, где валялся выпавший у Рыжего пистолет.

Валя присвистнула, села на корточки.

— Вот это базаука! Уау! Шеф, что это за пипл?

Главный бандит, сидевший на асфальте у колеса, захлопал глазами. Темные очки по-

ползли вниз по обильно кровоточащему носу. Утконос застонал и приподнялся на локте.

Ожили и вышибалы: один убежал в клуб, второй кричал что-то в рацию.

— Брось ты эту дрянь! — в ужасе возопил Николас, увидев, что Валя подняла пистолет и с любопытством его разглядывает. — Бежим, пока они не очухались!

Схватил секретаршу за руку, уволок в темноту.

— Ты с ума сошла! — задыхаясь, выкрикивал Фандорин. — Ты хоть понимаешь... что ты... натворила? Теперь точно убьют! И меня, и тебя! Господи, где тут метро?

Где-то рядом была станция — эта, как ее, «Охотный ряд». Он твердо знал это, но от потрясения совершенно потерял ориентацию и заметался по перекрестку, беспомощно повторяя:

— Где «Охотный ряд»? Где же «Охотный ряд»?

Глава десятая

ЛЕКАРЬ ПОНЕВОЛЕ

А охотничий домик где? — спохватился Митя, пригорюнившийся от печальных раздумий. Он уже давно не бежал, а шел, потому что не хватало дыхания, вырубки же всё не было и не было. Тропинка, и поначалу-то не шибко торная, сделалась совсем узкой.

Если приглядеться, человеческих следов на ней не наблюдалось вовсе, а лишь кружковатые, с когтями, причем неприятно большие.

День почти совсем померк, и кусты с деревьями сомкнулись тесней. Заблудился, понял Митридат. И еще понял, что здесь, в зимней чаще, прочитанные книги и мудрые максимы не помогут. Глупей всего, что вдруг вспомнилась песенка, которой мучила глупая нянька в первые, молчаливые годы Митиной жизни: «Придет серенький волчок и ухватит за бочок». Так и увидел наяву, как за тем вон кустом вспыхивают два фосфоресцических огонька, а потом на тропинку бесшумной тенью выскакивает и сам *Canis lupus*, столь распространенный на русской равнине, подпрыгивает на своих пружинных лапах и впивается острыми зубами прямо в бок.

Куст взял и вправду шевельнулся. Ойкнув, Митя шарахнулся в сторону, потерял эквилибриум и упал. Никакой это был не волк, а большая птица. Видно, сама напугалась — за полоскала серыми крыльями, вспорхнула кверху, заухала.

Нога! Ой, больно!

Потерпел немножко, снегу пожевал, вроде полегче стало. Но когда попробовал встать, закричал в голос. Ступить на ногу не было никакой возможности.

Сломал, не иначе.

Кое-как дополз до ближайшего дерева, сел спиной к стволу.

Это что же теперь будет, а?

Вот когда следовало испугаться — не по-младенчески, серого волчка, а по-настоящему, по-взрослому, ибо скорое окончание собственной жизни обрисовалось перед Митиным рассудком во всей строгой и логической очевидности: идти невозможно, надвигается ночь, и если не загрызет волк или рысь, всё одно часа через два замерзнешь насмерть.

Но, может, оттого, что смертная погибель выглядела такой неминуемой, страха Митя не ощутил. Скорей для очистки совести, нежели для проверки, попробовал подняться еще раз, убедился, что ни идти, ни даже стоять не может. Подумал — не поползти ли назад? Отверг. Больно долго бежал, а потом шел, столько не проползешь. Да и к чему? Ну, выберешься к тракту, так в темное время по нему все равно никто не ездит. Замерзнешь на обочине. Единственное утешение, что не лисы с воронами сожрут, а подберут люди и похоронят. Что Мите, жалко для лис и воронов своего мертвого мяса? Пускай едят. А чем попусту пресмыкаться, последние силы тратить, не лучше ль на манер римского мудреца Сенеки или премудрого Сократеса подготовиться к разгадке земного бытия с достоинством? Смерть от холода, описывают, нисколько не мучительна. Станет клонить в сон, и уснешь, и боле не проснешься.

Вот когда мудрые книги-то пригодились. Жизнь себе с их помощью, может, и не спасешь, зато умирать легче.

И Митя повернулся на спину, стал умирать — вдыхать лесной воздух, подводить итог. Лежать было мягко, удобно и пока что, с разогрева, нехолодно, а мысли текли плавно и даже не без некоей приятности.

Что ж, прожил Митридат-Дмитрий Карпов на земном яблоке недолго, семь лет без одного месяца. Но все же дольше, чем большинство нарождающихся на свет человеков, из коих каждый третий помирает в первую неделю, а каждый второй в первые два года младенчества. Выходит, Митя против большинства еще и счастливее. Опять же, прошел свой путь не в сумраке пробуждающегося рассудка, а при ярком свете полного разума, что и вовсе удача почти неслыханная. Столько узнал, столько для себя открыл, столько передумал, постиг законы природоустройства. Когда понимаешь сии естественные установления, то и страшиться особенно нечего. Вначале, согласно законам физики, текущие по твоим жилам жизненные ликвиды под воздействием низкой температуры остановят свой ток, что разлучит душевную субстанцию с телом. Потом в действие вступят законы химии, и организм, прежде именовавшийся Митей, начнет разлагаться на элементы. Но, вероятно, еще прежде того проявят себя законы биологии, приняв вид зубов и клювов лесной живности.

По насту неслась легкая пороша, понемногу присыпала валенки и тулупец. Митя сначала тряховал, после бросил. Зачем?

Начали стынуть ноги, а некоторое время спустя вроде бы и перестали.

Мысли утратили четкость, но от этого сделались еще приятнее, как бывает перед погружением в сон. Было тихо-тихо, только поскрипывали ветки да шуршала ленивая поземка. Митя поднял глаза.

В промежутке меж серыми кронами чернело небо. Что там, за ним? Вдруг показалось, что, если получше всмотреться, непременно увидишь. Только надо поторопиться, пока из замерзающего тела не отлетела душа.

Он прищурился, и небо качнулось ему навстречу. Митя сначала удивился, но обнаружил, что удивляться тут нечему. Оказывается, он уже не лежал на земле, а парил в воздухе, меж острых верхушек елей, и это было замечательно хорошо. Посмотрел вниз — там, на снегу, вроде бы и в самом деле кто-то лежал, но смотреть на него было неинтересно, небо манило куда больше. Митя повернулся к нему лицом, и оно стало стремительно приближаться. Странно, оно было всё такое же черное, даже еще черней, но вовсе не темное. Он понял: просто в небе таится такой яркий свет, что смотреть больно, от этого на глазах пелена. Поразительно, как он раньше этого не замечал. Чем выше поднимался Митя, тем больше глаза привыкали к этому сгущенному сиянию, и вот уже он летел не через черноту, а через янтарный свет, и что-то начинало просвечивать там, впереди — не то круг, не то некое отверстие. Митя сделал

усилие, чтоб лететь еще быстрее, так ему не терпелось побыстрее разглядеть, что это за штука.

И он услышал голос — скрипучий, древний-предревный. Голос произносил что-то неразборчивое, но явно звал его, Митю. Однако именовал не Митей, а каким-то другим, не известным ему прозвищем.

— Маалой, — взывал голос. — А, Маалой!

Стало быть, такое здесь, на небе, у него будет имя? Сначала был Дмитрий, потом Митридат, а отныне Маалой?

Он раскрыл глаза пошире и увидел: то, что издали представлялось ему кругом или отверстием, на самом деле — лик.

Вглядевшись в это лицо, он задрожал — такое оно было страшное: сморщенное, с косматыми седыми бровями, загнутым носом, а посередь носа бородавка.

И чудесный свет вдруг померк, снова стало темно. Митя заклацал зубами от холода и увидел, что вовсе он не на небе, а на снегу, под черными елями, а над ним склонилась жуткая старуха, вся замотанная в грязные платки.

— Малой, эй, малой, — проскрипела она своим дребезжащим голосом. — Ты чего? Примерз? Ну-тко, ну-тко. — И потянула к нему свои костлявые пальцы.

Это Баба Яга, понял Митя, нисколько не удивившись, однако перепугался сильно, еще больше, чем давеча волка. Костяная нога, се-

дые усищи, железны зубищи. Еще премудрый Д'Аламбер писал (или барон Гольбах? — голова промерзла, утратила ясность), что не всё в народных преданиях суеверие и вымысел. Сказочные драконы, к примеру, суть воспоминание о старинных пресмыкающихся, некогда населявших планету, и ныне остовы тех чудищ в разных местах откапывают. Вот и Баба Яга, выходит, не суеверие, а всамделишная лесная ведьма.

Сил сопротивляться злым чарам не было. И когда Баба Яга, кряхтя, взвалила Митю себе на закорки, он только жалобно захныкал. Она же тащила его куда-то — должно быть, за темные леса, за синие озера, в черные болота, в глубокие норы — и ворчала:

— Ишь чижолый. Куды чя? До мельни? Не шдюжу, не молодайка. А вот я чя к Даниле-угоднику, ага. Пушкой он, Данила. Ага.

Смысла ее заклинаний он не понимал, ибо от холода, слабости и страха мозг совсем перестал источать мыслительную эманацию. Осталось только дикое, темное, из самого раннего детства: сейчас Баба Яга приволочет добычу в свою избушку на курьих ножках и сожрет, а косточки выплюнет.

Уйти на достойный, античный манер не получилось. Жизнь оканчивалась как-то очень по-русски, очень по-детски и ужас до чего страшно.

Митя тихо заплакал. Хотел маменьку позвать и даже увидел ее будто наяву — всю

розовую, пахнущую фиалковой эссенцией, но маменька сидела перед зеркалом и не оглянулась на свое злосчастное чадо.

Ведьма положила пленника на снег посреди небольшой поляны. Приподнявшись, он увидел бревенчатый сруб с крошечным слюдяным оконцем, в котором горел противоестественно яркий свет. Курьих ног под избушкой Митя не разглядел — наверно, их снегом засыпало.

Старуха громко постучала в дверь железным кольцом, потом вдруг подхватила подол и с неожиданной прытью припустила в чашу. Миг — и ее не стало, исчезла во тьме.

От диковинного поведения ведьмы Митя перепугался еще больше, хотя, казалось, куда уж больше-то?

Это она меня в подарок принесла, в подношение, догадался он. Некому чудищу, которое над ней властвует, а стало быть, еще страшней ее. Кто там у няньки Малаши из лесной нечисти был кроме Бабы Яги? Лесной Царь, вот кто. Который к людям, проезжающим через лес, сзади тихонько в телегу садится и малых деточек крадет. Как она напевала, Малаша-то? «Царь Лесной подсядет, Митеньку покрадет».

Лязгнула дверь, и Митя увидел перед собой Лесного Царя.

Он был вовсе не похож на маскарадную фигуру, какую вчера изображал Наследник. Настоящий Лесной Царь оказался высок и худ, прям как палка, с длинной седой боро-

дой и седыми же волосьями до плеч, а брови черные. И глаза тоже черные, блестящие. Они сурово воззрились сверху вниз на съежившегося Митю. Голос, звучный и вовсе не стариковский, грозно произнес:

— Это еще что за аппарация? Подкидышей мне только недоставало! Что я вам, Воспитательный Дом?

Перешагнул через Митю и как был, в одной черной, перепоясанной кожаным шнуром рубахе, выскочил на поляну. Повертел головой туда-сюда, но Бабы Яги, как уже было сказано, и след простыл.

Тогда Лесной Царь обернулся к Мите и излил свой гнев на него:

— А ну говори, чертенок, чей ты и из какой деревни! Из Салтановки? Иль из Покровского? Все равно дознаюсь и назад отведу! Ах, что удумали, плебеи неблагодарные!

Серdito топнул ногой в коротком войлочном сапоге.

— Ну, что разлегся? Холод в избу напустишь! Заходи, не здесь же тебя оставлять. Но утром, так и знай, отведу тебя к попу в Покровское. Пускай он с тобой возится! Ну, вставай! — прикрикнул так свирепо, что Митя попробовал подняться, вскрикнул.

— Что там у тебя такое? С ногой что?

Легко поднял мальчика, внес в избу.

Жилище на первый взгляд было самое простое: сколоченный из досок стол, вместо стула долбленный пень, небеленая печь, но на стене висели полки с книгами, а единственная

свеча горела невиданно ярким, немигающим огнем.

Вон как Лесной Царь живет. Может, не такой он страшный, как пугала Малаша?

Властитель леса снял с Мити тулуп, хотел снять и валенки, но Митя заверещал:

— Ай! Больно!

— Ага, значит, говорить ты умеешь. Ладно, после потолкуем.

Хозяин посадил Митю на лавку, вынул из сапога ножик и разрезал валенок. Пальцы у него были сухие, длинные, с коротко стриженными ногтями.

Осторожно потрогал лодыжку.

— Поня-ятно. На-ка, закуси. — Сунул в зубы сушеную баранку. — Зубами в нее, крепче.

И как дернет! Митя от боли баранку, что была тверже камня, пополам перекусил, слезы так и брызнули.

Но дед уже перетягивал ногу тряпицей, и боль отступила.

— Встань-ка.

Осторожно, еще не веря, Митя встал. Нога держала!

— Завтра похромаешь, а послезавтра будешь с горки кататься. Ерунда, обычный вывих, luxatio, — сказал старик.

Никакой он, разумеется, был не Лесной Царь, это Мите с холоду и страху такая чушь в голову взбрела, теперь сам устыдился, но услышать латинское слово из уст знахаря

было удивительно. Образованный человек, ученый книжник проживает один, посреди дикого леса! Это ль не чудо?

Митя воскликнул:

— Сударь, вас послало мне само провидение! Я вижу, что вы добродетельны и милосердны! Помогите мне спасти из рук злодеев одну благородную особу! Но прежде дозволено ли мне будет спросить, кто вы и отчего обитаете в сей пустыне на отдалении от людей?

Знахарь отпрянул, воззрился на Митридата с изумлением. Потом прищурился, помахал рукой у себя перед глазами, словно отгонял наваждение. Когда оно не исчезло, сложил руки на груди в позе древнего стойка. Ответил медленно, не отводя взгляда от Митино лица:

— Кто я, желаете вы знать? Сие труднейший из вопросов, какие можно задать человеку. Всю свою жизнь я положил на то, чтоб найти ответ. Волей случая имею российское подданство и православную веру. Волей родителей ношу имя Данила. Нынешнее мое занятие — лекарь поневоле. А теперь, когда я, согласно законам учтивости, ответил на ваш вопрос, ответьте и вы мне, странный человек, что вы такое? Инкуб? Гомункулус? Плод моего одичавшего воображения? Иль сам Сатана, принявший вид крестьянского мальчонки?

— Нет-нет, — поспешил рассеять его естественное сомнение Митя. — Я самый обык-

новенный смертный. Хоть я и молод годами, но много читал и размышлял, отчего мой ум развился быстрее, чем это обычно бывает. Зовут же меня Дмитрий Карпов.

Он поклонился, и человек, назвавшийся Данилой, ответил ему не менее вежливым поклоном.

— Клянусь Разумом! — воскликнул он. — Я читал о подобных случаях, но всегда почитал эти рассказы преувеличением. Теперь же вижу, что и в самом деле встречаются разновидности рассудка, созревающие быстрее обычного, как бамбук набирает высоту много быстрее прочих деревьев. Могу ли я спросить, сколько вам в точности лет, уважаемый господин Карпов?

— Шесть лет и одиннадцать месяцев без одного дня.

Данила поклонился еще почтительней.

— Для меня истинное счастье познакомиться со столь редкостной персоной. В бытность мою студентом Московского университета у нас был один юноша много моложе и смысленнее нас, ему едва сравнялось тринадцать, а всем нам, прочим, было кому шестнадцать, а кому и двадцать с хвостом. Но говорить так осмысленно и складно в неполные семь лет! Поистине это достойно восхищения!

— Благодарю. — Митя опять поклонился, подумав, что среди бревенчатых стен убогой избушки эта церемонность выглядит престранно. — Но у меня совершенно неотложное...

— Он умер, бедняжка, — вздохнул старик, печально покивав каким-то своим воспоминаниям. — От мозговой горячки. Так и не достиг четырнадцатого дня рождения. А какой мог вырасти талант, сколько бы пользы принес отечеству и, быть может, даже всему людскому роду!

Дождавшись паузы, Митя открыл рот, чтобы объяснить про пикинское злодейство и отчаянное положение Павлины Хавронской, но Данила снова заговорил:

— Жаль, что я не остался в стенах университета и не посвятил себя науке с ранних лет. Сколько времени потеряно попусту. Увы! Родитель с рождения записал меня в Семёновский полк и терпел мое учение лишь до тех пор, пока не открылась вакансия при дворе.

Только тут он спохватился, что не дает гостю и рта раскрыть. Виновато улыбнулся, а улыбка у лекаря поневоле (как он сам себя аттестовал) была мягкая, славная.

— Прошу покорно простить, что болтаю без умолку. Одичал тут, отвык без образованной беседы. Ко мне сюда заглядывают разве что местные поселяне, а какой с ними разговор? Вы уж, любезный господин Карпов, потерпите мою словоохотливость некое время. Вскоре я наговорюсь вдосталь и умолкну.

Что ж, рассудил Митя, так и в самом деле будет резонней. Известно, что невыговорившийся человек и слушает менее внимательно,

а до утра дормез с дороги никуда не денется, времени довольно.

— И какова была вакансия, которую при дворе сыскал ваш батюшка? — спросил Митя на правах знатока. — Благодарю.

Последнее относилось к предложенному угощению — хозяин налил из котелка пахучего ягодного взвару, придвинул хлеб, тусок с медом. Ох, как, оказывается, есть-то хотелось, после голодования, после страхов!

Данила сел напротив, отщипнул кусочек от каравая, но до рта так и не донес.

— По тем временам должность была не из завидных, письмовником к великой княгине Екатерине Алексеевне. Она почиталась при дворе фигурой малозначительной и даже достойной жалости, при таком-то супруге. Это уж после все узнали, какова она — Catherine Le Grand!¹

— Это Вольтер ее так назвал, да? — вставил Митя. Надо же было показать ученому человеку, что он не только «говорит осмысленно и складно», но еще и чтит великих людей современности.

— Да, старый льстец выразился именно так. Он думал, что ведет переписку с мудрейшей из женщин, а на самом деле письма составлял я, ибо Екатерина не гораздо знала письменный французский, да и собственных мыслей имела немного. Я же в ту пору состоял при ней камер-секретарем. — Сказал и

¹ Екатерина Великий (фр.)

смутился — видно, подумал, что его слова звучат хвастовством. — Ах, друг мой, камер-секретарь — не Разум вещь какая значительная должность, и высокого чина к ней не полагается. Хотя, с точки зрения многих, состоять при монархе уже само по себе есть высочайшее из званий. Бедные мотыльки! Сколько их опалило крылышки о языки сего ложного пламени и, хуже того, сожгло свои души! Если б вы когда-нибудь увидели Екатерину вблизи, для вас с вашим умом и проницательностью не составило бы труда разглядеть ее внутреннюю суть. Это не глупая, но и не умная, не злая, но и не добрая женщина, единственный талант которой заключается в безошибочном нюхе. Она умеет угадывать чаяния активной фракции еще прежде того, как эта часть общества сама о них догадается. Вот в чем состоит истинный дар прирожденного властителя.

О том, что государыню он видел ближе, чем любой камер-секретарь, Митя благоразумно промолчал, на неизвестно чем вызванную убежденность в своей проницательности скромно потупился, но последнее суждение диковинного лекаря заставило его наморщить лоб.

— В самом деле? — спросил он. — Вы полагаете, что вся суть власти в умении угадывать желание подданных? А что это за активная фракция, о которой вы помянули?

— Властителю довольно угадывать чаяния не всех подданных, а лишь той их части, от которой что-то зависит. Я называю это сосло-

вие *активной фракцией общества*. В разных странах и в разные времена количество и состав сей когорты неодинаковы. В позднем Риме, к примеру, бывали времена, когда к активной части следовало отнести лишь преторианскую гвардию императора. Да и у нас в России влиятельная фракция общества не больно велика: дворянство, чиновники, богатые негоцианты, высшее духовенство. Истинный правитель чувствует устройство и настроение активной прослойки лучше, чем она сама, и никогда не позволяет волне событий опередить себя — всегда удерживается сверху, на самом ее гребне. Иные ученые мужи, начитанные в истории, недоумевают, как могли гнусные тираны вроде Тиберия или Иоанна Грозного долго править, не будучи истреблены своими подданными. А секрет прост — сии кровопийцы делали лишь то, чего в глубине души желала активная часть общества, иначе им бы ни за что не удержаться.

Митя задумался над сказанным, и сразу же возникли возражения, но Данила уже перескочил на другое.

— Я постиг эту истину еще в молодости и видел для отечества благой путь лишь в одном: всемерно расширять численность активной фракции, для чего надобно включить в ее состав сословия, никогда прежде к государственным решениям не допускаемые. Когда молодая государыня повелела созвать Уложенную комиссию, мне помнилось в том прообраз российского Парламента. Я льстил,

что Екатерина слушает мои доводы и внимает им благосклонно. — Говоривший горько усмехнулся. — Смешной мечтатель! Путь к рассудку Екатерины лежит не через уши, а через иное отверстие. Другие умники, которых я в своей наивности полагал ничтожествами, досконально постигли сию истину много раньше меня. Днем Екатерина могла слушать своих ученых советчиков, к числу коих принадлежал и я, но ночью ей пели иные соловьи, и их голос звучал убедительней. Сколько раз, ценя мои труды, она предлагала мне награды и богатства, я же отказывался, счастливый уже тем, что причастен великому делу. Другие были не столь щепетильны...

Лесной житель рассказывал небылицы, но не верить ему было нельзя — так просто и печально он говорил. Нет, на вралю и досужего хвастуна он не походил. Видно, и в самом деле была в его жизни пора, когда он витал в горних высях государственной власти.

— Кто-нибудь из фаворитов навлек на вас опалу? — спросил Митя, почти не сомневаясь, что догадка верна. — Орловы? Или князь Таврический?

Данила гордо покачал головой.

— Нет, я удалился сам, когда понял, что мои прожекты не более чем химеры. Потом я много странствовал. Смотрел и слушал, хотел узнать и понять природу и людей. Узнал многое, особенно про природу. Понял же значительно меньше, особенно про человека. Ну,

а когда вернулся в родные палестины, случились Обстоятельства, после которых я удалился в сии глухие леса.

Слово «обстоятельства», само по себе мало что значащее, старик произносил, словно некое нарицание. По тону можно было предположить, что именуемое таким образом событие было не из веселых.

Повздыхав, Данила продолжил:

— Вижу, господин Карпов, что вы не только образованны и умны, но еще и обладаете утонченной душой, которая удерживает вас от расспросов. Ценю и благодарю. Нечто подсказывает мне, что в будущем мы с вами, возможно, сойдемся ближе, и тогда я расскажу вам о своем несчастье. Пока же вам довольно будет знать, что я бежал людского общества не как отшельник, ищущий святости. Просто из-за Обстоятельств человеческие лица сделались мне невыносимы. Однако и в сих куцах я не нашел полного уединения! В годы странствий, желая постичь тайну, имя которой Человек, я изучал в Падованском университете медицину. К тайне, разумеется, так и не приблизился, ибо она заключена не в телесном нашем устройстве, но врачеванию обучился. Как-то раз, тому два года, по глупости вправил кости одному местному жителю, который спяну угодил под собственную телегу. И с тех пор не стало мне покоя. Потянулись болящие, увечные, и всех их я лечу, по собственной глупости и безволию. А поскольку платы никакой не беру, то туземные

жители вбили себе в голову, будто я — угодник и святой старец. Ходят, глазают, врачи про меня плетут, еду носят, хоть мне и не надобно. Грибов с ягодами да трав для пропитания вполне довольно.

Бывший камер-секретарь и путешественник, а ныне лекарь сердито плюнул, поправил пальцами фитилек своей замечательно яркой свечи, которая от прикосновения запылала еще пуще. Митя заметил, что за все время беседы воска на ней нисколько не оплыло.

— Это мое изобретение, — пояснил Данила, поймав взгляд своего маленького гостя. — Добавляю в пчелиный воск экстракцию одуванчика и еще некоторых растений, тогда свечки хватает на целую ночь и еще на полдня, а свету она дает, будто целая люстра. Одна беда, препятствующая повсеместному использованию сего светильника: когда фитилек изгорает до конца, накопившиеся испарения вырываются наружу, и происходит подобие взрыва. Но я до конца свечу никогда не жгу, заливаю особым раствором. — Он показал на пузырек с белесой жидкостью, помолчал.

Сконфуженно улыбнулся, развел руками.

— Ну вот, накинулся на вас с разговорами, как отпостившийся на скоромное. Расскажите теперь вы мне, что вас привело в лес — одного, да еще после темноты. Тут ведь и волки водятся.

Внезапно Данила нахмурился.

— Постойте! Вы вначале стали говорить что-то про злодеев и благородную особу, нуждающуюся в спасении? А я в смысл слов не вник и поразился лишь неожиданной складности речи! Ради Разума простите меня, друг мой! О, как я суетолюбив и глухосердечен! Что за беда с вами стряслась?

Вот и правильно, что дал человеку говорить, понял Митя. Теперь он и выслушает внимательней, и отнесется добрее.

— Да-да! — заговорил Митридат, с каждым словом всё больше волнуясь. — Случилось ужасное несчастье, подлое преступление! Я путешествовал из Санкт-Петербурга в Москву, сопровождая даму, достойную самого уважительного отношения. Не только из-за своей знатности — а Павлина Аникитишна принадлежит к одному из наисиятельнейших семейств империи, — но главным образом из-за своих несравненных достоинств. Несчастье ее жизни — редкостная красота, из-за которой...

— Стойте! — Старик поднял ладонь. — Мой юный друг, по вашему волнению я догадываюсь, что вы повествуете о чем-то чрезвычайно важном, однако слова проистекают из ваших уст с недогонимой ретивостью, и я половины сказанного не понимаю. Будьте милосердны к тем, кто не наделен, подобно вам, сверхъестественной скоростью языка и мысли, ибо...

Митя понял, что по всегдашней дурной привычке глотает слова. Данила же, наоборот,

изъяснялся столь неспешно и по-старомодно-му витиевато, что пришлось и его, в свою очередь, перебить.

— Хорошо-хорошо! — нетерпеливо махнул рукой Митя и постарался выговаривать слова медленней. Это было и правильней, потому что на ходу надо было еще соображать, о чем говорить, а о чем лучше умолчать.

К примеру, имя светлейшего князя Зурова помянуть не следовало. Кто ж осмелится идти против самого Фаворита?

— Мы ехали в карете, я и госпожа Хавронская. И настиг нас некий страшный человек, который слуг умертвил, а Павлину Аникитишну пленил. Такое ему было приказание от некого значительного лица, одолеваемого сладострастным безумием...

Вот так, не пускаясь в излишние подробности, всё и рассказал.

Данила слушал нахмурясь. Сначала сидя, потом вскочил, стал расхаживать по горнице.

Закончил Митя словами:

— Надо в деревню бежать, за подмогой. А еще лучше солдат. Этих-то пятеро, и все с оружием. К исправнику нужно.

Хозяин яростно подергал себя за седую бороду.

— Исправник в Вишере, это двадцать верст. Да и знаю я его — дурак, ничего не сделает. Не нужно нам никого. За ночь они никуда не денутся, а перед светом пойдем на дорогу, посмотрим, что за Пикин такой. Разберем это дело сами.

Митя так и ахнул. Хороши разбиральщики, старый да малый!

— Сударь, вы же не рыцарь Ланцелот, а лекарь! — попробовал он образумить расхрабrivшегося деда.

А тот только ногой топнул:

— Рассердили вы меня, Дмитрий Карпов, своей историей. Вижу, пока я в лесу от людей спасался, жизнь еще подлея, чем прежде, сделалась, а я подлость никогда сносить не умел. Вы правы, я нынче человек мирный и смирный, ремеслом врач, но, клянусь Разумом (и можете мне верить, ибо Данила Фондорин никогда не лжет), гнев лекаря — штука куда более опасная, чем полагают некоторые.

Глава одиннадцатая

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА

— Шеф, вы что, больной? Врача вызвать? — Валя дернула Николаса в противоположную сторону. — Какое метро? Вы болван, Тюбинг! Во-первых, ночь-полночь, а во-вторых, мы же на вашем панцервагене приехали!

Побежали к припаркованной за углом машине, сели, но отъехали недалеко.

Клубные вышибалы оказались ушлыми: не только вызвали милицию, но еще, оказывается, запомнили, на каком автомобиле приехали долговязый мужчина и его эффек-

тная спутница — заметили их еще, когда Фандорин собирался встать перед клубом, а потом отчего-то передумал и отъехал по-дальше. Машина ГНР, группы немедленно-го реагирования, была неподалеку. Букваль-но через минуту после того, как Николас сел за руль, и через пятнадцать секунд после того, как он с третьей попытки завелся, «жигуленку» перегородил дорогу милицей-ский «уаз».

— Ты пистолет выкинула? — нервно спро-сил Фандорин, вылезая из машины и суя руку в карман за документами.

Ах, как неудачно! Объясняйся теперь, что да почему. А бандиты тем временем очухают-ся и примут меры. Выйдешь из отделения — тут тебя и встретят.

— Вынул руку, завалю! — бешено заора-ли на магистра из темноты.

Лязгнул затвор автомата, и Николас испу-ганно вскинул руки кверху. Ну конечно, их принимают за мафиози, пытающихся скрыться после «разборки». Изрешетят, и будут правы.

— Руки, ..., на капот!

Оперся ладонями о холодный металл. Валя встала рядом.

— У тебя документ какой-нибудь есть? — шепнул Фандорин.

Валя не ответила. Щурясь на свет фар, ог-лянулась через плечо. Действительно, что тол-ку от документа, если бы он и имелся? Там будет написано «Валентин Сергеевич Глен». И начнется цирк шапито.

— Пardon, шеф, я катапультируюсь, — шепнул человек будущего.

Легко, прямо с места, Валя вскочила на капот, прыгнула по ту сторону «жигулей» и метнулась из луча в темноту.

— Стой, застрелю! Саня, за ней! — заорали милиционеры, но дробный стук каблучков доносился уже из подворотни, так что стрелять было некуда.

Один (очевидно, тот самый Саня) кинулся было вдогонку, но передумал:

— Ну ее. Нашли пацана по дворам бегать.

Другой, матерясь, наскоро обшарил Фандорина, безо всяких на то оснований двинул дубинкой по бедру. Николас только ойкнул, протеста заявлять не стал. Полиция любой страны мира при подобных обстоятельствах вела бы себя точно так же.

— ... нам этот ... расскажет, как эту спортсменку зовут, — сказал третий, светя фонариком в Никины права. — Правда, гражданин Фандорин?

И дубинка еще раз стукнула его по бедру — не слишком сильно, как бы предупреждая.

— Девушку я подобрал на улице, она голосовала. Знаю только, что зовут Марго, — на ходу сочинил Николас, зная, что ложь звучит вполне правдоподобно — по ночному времени таких «голосовальщиц» в Москве сколько угодно. — Да не в ней дело. Возле клуба на нас напали трое, из джипа. Это бандиты, идемте

скорей. Да уберите вы свою палку! Я президент фирмы «Страна советов», вот карточка!

Бог знает, что больше подействовало на защитников правопорядка — звучное слово «президент» или солидное название фирмы, но руки позволили опустить и отвезли ко входу в «Холестерин».

Но джипа след простыл, лишь на тротуаре осталось несколько капель крови — у очкастого из носу натекло. Наблюдательность вышибал оказалась избирательной. Фандоринскую «четверку» они запомнили, а вот номер роскошного джипа и даже его цвет у них в памяти не отложились. Хуже того, оба в один голос утверждали, что Фандорин и его «полоумная девка» сами накинудись на приличных молодых людей и избили их чуть не до полусмерти.

— Поедем в отделение, разбираться, — решил старший группы, а Николасу сказал. — Если от потерпевших не будет заявления, утром выпущу. Само собой, штраф заплатишь.

Покраснев, Фандорин шепнул:

— А давайте я вам прямо сейчас штраф заплачу. В двойном, даже тройном размере. Зачем вам меня держать? Личность мою вы уже установили, а?

Никогда в жизни Николас А. Фандорин не позволил бы себе подкупать офицера милиции, да еще находящегося при исполнении обязанностей! Да он даже от гаишника за какое-нибудь нарушение рядности ни разу не

откупался — каждый раз, как последний идиот, вместо того чтоб сунуть полсотни, тратил по два часа на оформление штрафа через сберкассау и еще гордился этим.

Но тут дело шло о жизни и смерти. Пока будешь сидеть в милиции, «приличные молодые люди» успеют подготовиться к новой встрече.

Лейтенант подумал над Никиным предложением. Поманил одного из вышибал.

— ... с ним, с цветом и номером. Марка-то какая?

— У джипуськи? «Брабус».

Милиционер взял Фандорина за локоть, повел к «уазу». Миролюбиво объяснил:

— Не, не получится. Лохи на «брабусе» не ездят. На кой мне лишние заморочки? Посиди до утра, не рассыпешься.

В машину Нику усадили без наручников и не в «кошелек», как какого-нибудь пьянчугу, а на заднее сиденье.

Думай, думай, лихорадочно повторял Николас. Что-то надо делать, но что?

Позвонить капитану Волкову, вот что!

Лучше пусть сомнительный, но все-таки знакомый и вменяемый милиционер, чем эти ночные охотники с автоматами и дубинками.

Он выудил карточку оперуполномоченного, стал набирать номер.

— А ну убрал живо, — сказал сидевший рядом сержант.

— Один звонок — имею право!

— Щас будешь иметь и справа, и слева, — пригрозил служитель закона.

Это был явный и грубый произвол. В другое время Фандорин непременно пошел бы на принцип, но не сейчас, не сейчас.

— Лейтенант, — наклонился он вперед, к офицеру. — Я все-таки заплачу вам штраф. Если позволите сделать телефонный звонок.

Тот подумал, шмыгнул носом.

— Ладно. Гони сто баксов и звони.

— Тысячу рублей, — сказал Фандорин упавшим голосом. — Больше не могу.

— Давай.

Кажется, лейтенант согласился бы и на пятьсот, да ладно, не до этого.

Набирая номер, боялся только одного — услышать в трубке: «Аппарат абонента выключен или временно недоступен». Как-никак третий час ночи. Даже пошептал: «Господи, Господи!»

— Аюшки, — откликнулся Волков бодрым, нисколько не сонным голосом.

— Это Фандорин. У меня новости. Срочные. Я...

— Вы где? — перебил капитан.

— В милицейской машине. Меня арестовали...

— Не арестовали, а задержали, — поправил старший группы.

— Меня задержали. Милиционеры. Везут в отделение.

— Какое? — спросил оперуполномоченный.

Следовало отдать ему должное — разбуженный среди ночи, он соображал быстро и вопросы задавал только самые необходимые.

Фандорин покосился на каменные лица соседей. Лучше не спрашивать.

— Не знаю. Я недалеко от Охотного ряда.

— Ясно. Буду.

И в трубке раздались гудки.

Пока составляли протокол, пока задержанного «пробивали по ЦАБу и ЗИЦу» (Николас так и не понял, что это означает), пришлось сидеть в «обезьяннике» — зарешеченной конуре. Прямо на полу спали двое пыльных мужчин и одна дама, еще более неопрятного вида. За «обезьянником» находились две двери с маленькими окошечками. Судя по голосам, там тоже кто-то сидел — видимо, нарушители посерьезней, чем хулиган Н.А.Фандорин и его товарищи по клетке.

Собственно говоря, магистр не сидел, а ходил. Дело даже не в том, что сесть было не на что — в конце концов, соседи отлично устроились прямо на полу. Взвинченные нервы отвергали статичность, требовали мышечной активности.

Перемещаясь из угла в угол, Николас преодолел расстояние, превышающее длину Тверской улицы. Волков появился, когда усталый магистр был уже на виртуальном подходе к улице Правды, если не к стадиону «Динамо».

Освобождение произошло на удивление просто, без каких-либо формальностей. Волков пошептался с дежурным, и Фандорин тут же получил назад изъятые при задержании вещи: телефон, документы, ключи, бумажник, металлическую расческу.

— Где можно с человеком поговорить? — спросил Волков.

— Да где хочешь, кабинеты все пустые, — ответил дежурный. — На тебе ключ от замполиса, там сидалы мягкие.

Поднялись на второй этаж, в комнату с табличкой «Заместитель начальника по работе с личным составом». Сели в потертые кожаные кресла, должно быть, помнящие еще времена Народного комиссариата внутренних дел.

— Ну? — спросил капитан, доставая сигареты. — Потолкуем без фуфла?

— Без фуфла так без фуфла. — Николас яростно потер пульсирующий висок, отгоняя головную боль — она сейчас была совершенно ни к чему. — Скажите, капитан, какая у вас зарплата?

Волков вопросу нисколько не удивился.

— Две восемьсот. А что?

Зато удивился Фандорин. Оперуполномоченный уголовного розыска, человек общественно значимой, да еще и опасной профессии, получает меньше трех тысяч рублей в месяц? Но в Москве содержать на эти деньги семью совершенно невозможно!

— А ваша «нокиа» стоит шестьсот долларов. Это вам что же, на Петровке такие выдают?

— На Петровке нам выдают хрен с бантиком, — усмехнулся Волков. — Намек понят и принят. Сейчас последует чистосердечное признание. Я, гражданин Фандорин, подрабатываю на стороне.

— Чем же, позвольте узнать?

— Как все нормальные люди — тем, что умею. Врач из поликлиники после работы бежит по частным пациентам, так? А у меня другая профессия. И пациенты другие. Волкова ноги кормят. — Капитан оскалился. — Что рот разинули? У нас Россия, а не Европа. Испокон веку так заведено: государство дает служивому человеку должность, а кормить себя он должен сам — как говорится, в меру своей испорченности. Да вы не пугайтесь, я честный мент, а не отморозок, я за кровь бабок не беру.

— А за что берете? В моем случае вы явно трудитесь не за страх, а за совесть. Я вас среди ночи разбудил — и ничего, сразу примчались.

Фандорин ждал чего угодно, только не прямого и ясного ответа.

И ошибся.

— Мой мирный сон прервался минут за десять до вашего звонка. Дурная привычка — не включать на ночь мобилу.

— Кто звонил?

— Вам имя сказать? Я его не знаю. Только голос. Добудь, говорит, нам Англичанина. Больно шустрый и охрана у него крутая. Премию гарантируем. Так что, когда вы позвонили, я уже был, как огурчик. Ломал репу над тремя вопросами. Первый: как вас добить. Второй: почему у вас такое погоняло — Англичанин.

Всё про меня выяснили, тоскливо подумал Николас. Хорош корифей мудрых советов — сам прибежал к волку в лапы.

— А третий вопрос такой, — продолжил милиционер после паузы. — Не послать ли их в слово из пяти букв.

— Какое? — широко раскрыл глаза Фандорин. — То есть нет, я не то хотел спросить. Я не понимаю, вы на них работаете или нет?

— Работаю, — спокойно ответил Волков. — Если они не бандосы. А если они хотят человека накрывать — я в такой хоккей не играю.

— Накрывать?

— Слово такое, новое. Недавно появилось. Можно по-другому сказать: грохнуть, замочить, завалить, закопать...

— А Шибякин? — прервал Ника жуткий синонимический ряд. — Его-то ведь *накрывали* тоже ваши «пациенты».

— Не думаю. Зачем им? Они с парашютистом потолковать хотели, да что-то у них там не заладилось. То ли случайно свалился, то ли сам сиганул. С вами дело другое. Грох-

нут они вас, точно. Этот, который звонил, прямо трубку зубами грыз, а раньше всегда такой культурный был, вежливый.

Должно быть, тот молодой человек в темных очках, подумал Фандорин и поежился.

— Сергей... простите, не запомнил отчества...

— Да какое, блин, отчество. Просто Серега, — буркнул оперуполномоченный.

— Сергей, я вас очень прошу. Если вы в самом деле не наживаетесь на крови, расскажите мне всё с самого начала, — тихо попросил Николас, глядя Волкову в глаза. — Что вы знаете про этих людей? Кто они? Чего от меня хотят?

Капитан отвел глаза; пустил из носа струйку дыма.

— Надо было, конечно, их сначала покрутить, разобраться, что за лоси такие, — сокрушенно сказал он. — Я всегда так делаю. Но очень уж впечатлительно подъехали. Позвонил с проходной дежурный, говорит: Серый, тебе пакет. Разворачиваю — мобила, вот эта. С vip-контрактом: болтай сколько хочешь. Оформлена на мое имя, честь по чести: адрес, паспортные данные. Ну, я намек понял: люди серьезные, заходят капитально. Ладно, думаю, поглядим, что дальше будет. Только я в кнопочках разобрался, мотивчик подобрал — машинка и зазвонила. Мужик какой-то, вежливый. Ну как, спрашивает, игрушка? Я ему: игрушка хорошая, дальше что? Он говорит: это ведь вы представ-

ляете шестнадцатый отдел в оперативно-следственном штабе по делу «Неуловимых мстителей»? А дело-то закрытое, я вам рассказывал. Молчу, жду. Этот говорит: предлагаю временную работу по совместительству. Никакого криминала. Интерес у нас общий, мы этих уродов тоже ищем. Давайте помогать друг другу. Что мы узнаем — я буду вам сообщать, это вам для карьеры пригодится. А вы, пожалуйста, извещайте меня. Плачу три сотни в день плюс премиальные за результативность. Я, как лох, спрашиваю: триста рублей? Он смеется: американских. Ничего, а? — развел руками Волков. — У меня сын, еще дочка в Ногинске от первого брака, на юридический поступать хочет. Там знаете сколько платить надо? Репетиторы, шмепетиторы, туда-сюда. А тут три центнера баксов в сутки! И, главное, дело чистое: человек свою жизнь защитить хочет.

— Который? — быстро спросил Фандорин и прикусил язык. Про список приговоренных капитану знать было пока незачем.

— В смысле? — не понял капитан. — Что за человек? Не знаю, но какой-то крутой шишкарь, это уж точно. Я неделю на них работаю, так? Две сто получил повременки, плюс штуку за копию экспертизы по парашютисту, плюс еще штуку за знакомство с вами. Четыре тысячи сто долларов — не хрен собачий. Да еще благодарность по делу за то, что личность трупника установил,

Шибякина этого. Думаете, я от вас это узнал?

— Нет, не думаю.

— И правильно. Это мне вежливый слил: и имя, и адрес, и даже подъездный код. Мы, говорит, там провели изыскания, ничего интересного не нашли. Теперь пускай ваше ЭКУ поработает.

— Кто-кто?

— Экспертно-криминалистическое управление, это на Колобках. Мужики свое дело знают. Ну вот, сиюю я, кумекаю, как бы начальству объяснить, откуда я парашютиста вычислил, а тут аккурат вы звоните, и тоже про Шибякина. Всё и сложилось. Докладываю: так, мол, и так, по собственной инициативе провел по Останкину литерное мероприятие номер семь (это у нас так по-официальному «Николай Николаич» называется, наружное наблюдение), который вывел меня на нужный адрес.

— А почему по Останкину? Ведь дом на улице Лысенко?

Волков засмеялся.

— Это вы у нас проходите как Останкин. Ну, из-за роста. К вам большой интерес, вы ведь у нас единственный из установленных «кандидатов» — тех, кого «Неуловимые» приговорили, но еще не шмякнули.

От крошечного, шипящего по-змеиному словечка «еще» Николас передернулся. Так передать Волкову список или нет, заколебался он и тут же вспомнил древнюю мак-

симу: если колеблешься, воздержись от действия.

Воздержался.

— Другой «кандидат» — хозяин моего вежливого нанимателя, — продолжил капитан. — Умный, видать, человек. Сообразил, что приговор — не туфта. Вот и нервничает теперь. Что-то у него со вчерашнего дня переменилось. Когда я про ваш приговор им рассказал — ну, тот, что в кармане у парашютиста нашли, вежливый просто велел к вам наведаться, понюхать, чем вы пахнете. Я доложил: интересный господин, по виду — ботаник, но, похоже, прикидывается. Ладно, говорят, разберемся. А сегодня вдруг такой на вас наезд. Узнали они про вас, Николай Александрович, что-то такое, чего мне вы не рассказываете.

Оперуполномоченный выжидательно уставился на Фандорина, а тот лишь вздохнул. Что за детский сад — снять маркировку с факса и на том успокоиться. Для серьезной структуры не биндм Ньютона и даже не правило буравчика. Получили предостережение и в два счета установили отправителя. Эх, надо было Валю хотя бы на почту послать...

— И я их понимаю, — заметил оперуполномоченный, так и не дождавшись ответа. — Вы в натуре загадка, всякий напугается. Как вы парашютиста-то раскололи, а? Суток не прошло. И про телохранительницу вашу мне тоже рассказали. Не быки с бритыми загривками, как у всех, а Никитá. Круто!

— Никакая я не загадка. И действовал я в одиночку, — хмуро сказал Николас, отлично понимая, что милиционер уже нарисовал себе картинку, от которой так просто не откажется.

— Ага. А чудесная барышня со своим теквондо к вам на помощь с небес слетела, и туда же потом упорхнула. Может вы, Николай Александрович, шпион? Нет, правда, чего они вас Англичанином называют?

Фандорин поморщился. Этого еще не хватало! С его-то биографией и нынешней российской шпиономанией!

— Если б я был шпион или, как вы говорите, «крутой шишкарь», я бы не обращался за помощью к вам.

Волков обдумал сказанное. Качнул головой с видом принца Датского, произносящего: «Есть многое на свете, друг Гораций...»

— Ладно, мое дело теперь сторона. Разбирайтесь с ними сам. Я что? Когда снова позвонят, пошлю их в столицу Херсонской области. И предупрежу, конечно: если с гражданином Фандориным случится бяка, МУРу известно, кого искать. Только хрен они меня послушают. Вас позвал на беседу серьезный человек. Хорошо позвал, не по-детски. От таких приглашений не отказываются. А вы отказались. Да еще обидным образом. Теперь он вас еще больше бояться будет. А серьезные люди бояться и обижаться плохо умеют. У них на такие заморочки ответ один.

Капитан чиркнул большим пальцем по шее.

— Что же мне д-делать? — воскликнул Ника, заикнувшись от волнения. — Поверьте, Сергей... Ну хотя бы просто представьте, что я самый обыкновенный человек, никем и ничем не защищенный! Жил себе обыкновенной жизнью, и вдруг ни с того ни с сего обрушился какой-то кошмар, какая-то жуткая бредятина!

— Бывает, конечно.

Волков посмотрел на Фандорина скептически, но, кажется, внезапно разглядел в лице собеседника нечто для себя новое. Глаза капитана сощурились, в них мелькнула искорка. Может быть, это даже было сочувствие.

— Тогда караул. У тебя что, никакой крыши нет? — спросил оперуполномоченный, жалостливо морщась. — И разрулить некому?

Ника помотал головой.

— Ну, если не врешь... — Волков пожал плечами. — Исчезни. Вообще исчезни. Превратись в человека-невидимку. Кино смотрел? Нет? Это про одного чувака, который...

— Я читал роман. Как это — «исчезни»? У меня семья, работа!

— Какая, блин, семья? Домой и в офис ни ногой. Где обычно бываешь, не появляйся. Никому не звони. Мобильник свой выкинь. Сейчас я тебя отсюда выведу и, как говорится, растворись в ночи.

— И... и сколько это будет продолжаться? Милиционер только вздохнул.

— Если плохо спрячешься — недолго. Ладно, запиши номерок. Звать — Танька. Позвони через денек-другой — только из автомата, понял? Скажешь... скажешь: из телецентра, мол. Если будет что новое, Танька тебе скажет.

— Жена? — спросил Фандорин, доставая ручку.

— Нет, шалава одна подследственная. Но девка хорошая. Не продаст.

Исчезнуть? Спрятаться? Но как, куда?

— Имэджин, два дня подряд в мужском — прямо поголубела вся! Сегодня с утра так ломало, шреклих! День-то ван хандред перцент розовый. Смотрюсь утром в зеркало: май гош, ну нельзя быть красивой такой! Сейчас бы красное афро, сапожки бисерные (помнишь, такие, с бантиком на щиколотке), шарфик шелковый, чтоб развевался по ветру, да пройтись по Тверской-штрассе — все мужики бы попадали. А нельзя, ферботен. Что я, дура, что ли, не понимаю? Твои киднэпперы девушку ищут. Найдут — сделают ей абтрайбунг, без наркоза. Ужас, до чего надоели бутсы и лысая башка! Как бомж, как бомж! Только здесь, на даче, релакснулась. Ничего, что я не накрашена?

Валя отвернулась от плиты, на которой доходил до кондиции какой-то особенный, замысловатый омлет, цапнула со стола зеркальце. Повертела головой, поправила кудряшки.

— Альпентраум! — вздохнула она. — Парик неудачный — сунула в сумку первый попавшийся. Про наряд я вообще молчу... Ладно, кантри-хаус есть кантри-хаус. Будем проще, да?

За два дня, проведенных в убежище, Фандорин так устал от одиночества и страшных мыслей, что голос Вали казался ему ангельской музыкой. Ассистентка привезла из Москвы еды и газет, а главное — вывела узника из мерзкого, выморочного состояния, когда явь путается со сном и непонятно, какой из этих кошмаров хуже.

Расставшись с капитаном Волковым, Николас все-таки сделал один звонок — с Центрального телеграфа, Вале. Нужно же было выяснить, добралась ли беглянка до дому.

Оказалось, что отличным образом добралась. Мало того — выслушав сбивчивую скороговорку шефа («срочно исчезнуть... не знаю, куда... звонить нельзя... придумай что-нибудь для Алтын» и прочее), фандоринская помощница проявила недюжинное присутствие духа. Можно сказать, вытащила из бездны отчаяния.

— У вас сольди есть? — перебила она начальника. — Сколько?

Ника полез за бумажником.

— Полторы тысячи. И мелочь.

— Генуг. Берите тачку, гоните к нам в кантри-хаус. Помните, вы там были — на ани-вёрсэре у Мамоны. По Рублевско-Никольскому до сорок третьего километра, там указа-

тель. В доме сейчас никого, пусто. Я звякну на проходную, у них дубликат ключей. Сидите там, ждите. Во фридже должна быть еда. Ну, фромаж там, сосиссоны. Как-нибудь перетопчетесь до моего приезда. Телефонирен не буду. Они знают, что я ваш секретарь — могут прослушивать. К бэйбиситтеру вашему заеду, скажу, чтоб задержалась.

Ну у кого еще есть такой чудесный ассистент? От Валиного здравомыслия, хладнокровия, четкости Фандорин чуть не прослезился. И паника сразу отступила, потому что ближайшее будущее обрело логику и стройность.

Первый же остановленный таксист согласился увезти ночного путешественника за город. Требовал сначала две тысячи, но согласился и на полторы — Фортуна добрела к жертве роковых обстоятельств прямо на глазах.

Загородный дом у Валиной родительницы был шикарный, расположенный в знаменитом коттеджном поселке «На горах». Шесть спален, садик с беседкой и фонтанчиком, в подвале бильярдная, наверху солярий — в общем, новорусский парадиз в ассортименте. Одна беда: Николас так и не понял, как включается отопление, и оттого очень мерз. Для тепла ходил в стеганом, расшитом павлинами халате Мамоны и ее же овчинных тапочках (хозяйка была гренадерского телосложения, так что и халат, и тапочки пришлись впору).

Свет включать остерегался, чтоб не вызвать ненужного интереса со стороны обитателей по-

селка. Поэтому новости по телевизору не смотрел, питался колбасой, от нечего делать разглядывал близлежащую территорию: с трех сторон соседние дома, примерно такие же, как этот; с четвертой — трехметровый дощатый забор со спиральной колючей проволокой. Привольно живут в России богатые люди, ничего не скажешь.

Наконец, на исходе второго дня заточения, появился Валя. Примчался на мотоцикле, весь забрызганный грязью. На ходу крикнул:

— Ой, не могу! Сил больше нет!

Побежал снимать мужскую одежду.

И вот теперь, переодевшись в цветастый халатик, колдовал у плиты, готовил горячий ужин. Николас сидел у кухонного стола и наслаждался Валиным щебетанием. Как хорошо! Жив, не один, скоро нагреются батареи, а когда стемнеет, можно зажечь свет.

Смущало лишь то, что Валя как-то уж очень быстро и решительно начала злоупотреблять ситуацией.

Во-первых, сразу перешла на интимное «ты». Такая уж, видно, тенденция образовалась в окружающем Николаса социуме: нынче никто с ним особенно не церемонился, что, вне всякого сомнения, свидетельствовало о понижении его общественного статуса. Глава фирмы, солидный человек превратился в невидимку, в тень. К тени на «вы» не обращаются. Откуда это: «Тень, знай свое место»?

Во-вторых, Валя слишком беззастенчиво воспользовалась ролью связной между узником коттеджного гетто и внешним миром. На вопрос, удалось ли связаться с Алтын, коварное существо с невинным видом ответило:

— Положила ей в мэйл-бокс записку. Звонить-то было нельзя. Подпись твою подделывать я умею, а текст настучала на компьютере. Мол, прости, любимая, что-то я устал от фэмили-лайф, хочу некоторое время побыть ганц аляйн.

Ника аж застонал, а Валя покровительственно заметила:

— Она тебя только больше ценить станет. Это я тебе как женщина говорю.

А может, и к лучшему, мрачно подумал Фандорин. Пускай лучше обижается, чем психует. Завтра утром вернется из Питера, откроет почтовый ящик... И что подумает? Что у меня завелась другая женщина?

— Вот что, — сказал он вслух. — Заедешь туда еще раз. Свое письмо вынешь, другое положишь. Я сейчас напишу.

И написал.

«Алтынка, я на пару дней уехал. Срочное дело, даже Лидию Петровну не предупредил. Поздравь меня: наконец подвернулся солидный клиент — помогла твоя реклама. Правда, ехать нужно далеко, в Архангельскую губернию. Пробовал тебе дозвониться, но не получилось. Боюсь, что и оттуда позвонить не смогу. Жуткая тьмутара-

кань, вряд ли роуминг достает. Вернусь — расскажу. История просто фантастическая.

Баронет»

Вроде бы тон выбран правильный: шутливый, немножко азартный. Должно сработать.

Валя вполне могла бы положить записку в карман халата, но вместо этого медленно задрала подол и засунула сложенный квадратик за резинку кружевных трусиков. Николас, страдальчески вздохнув, отвернулся.

— Не знаю, кого больше бояться — этих мафиози или Мамону, — стрекотала коварная, накладывая Нике большую порцию омлета с трюфелями. — Если она пронюхает, в какую я истуар вляпалась, церемониться не станет. Отправит под конвоем куда-нибудь на острова Туамоту, от греха подальше. А с этими козлами, значит, так... Ты кушай, кушай. Хлеб маслом намазать?

Села напротив, по-бабьи подперла щеку. Ну просто семейная идиллия.

— Вчера позволили, домой. Говорят [здесь Валя перешла на мужской голос]: «Господин Глен? Извините, что тревожим вас дома. Нигде не можем найти Николая Александровича, а у нас к нему срочное дело. Не могли бы вы...» Я говорю: «Не мог бы. У меня отгулы. Сами его ищите». И трубку шмякнул. Что интересно: у Мамоны установлена аппаратура хитрющая, любые звонки сканирует, а тут не срисовала — значит, там у них антисканер. Догоняешь? Э бьен. Сегодня ут-

ром ездила в офис цветочки поливать. Там-то они, наверно, мне на шванц и сели. И ловко сели, я ничего не заметила. Заехала в «Пьер-Паоло», это такое особенное место, тебе бы не понравилось. Сажу у бара, треплюсь с Марго (бармен тамошний), пью капучино. Вдруг входят те трое, ну, которых я возле «Холестерина» уронила. Ты что есть перестал? Невкусно?

Николас опустил вилку.

— Что... что они тебе сказали? Они к тебе подошли?

— Только один, рыжий такой. Двое остались у дверей. Я сижу вся на нерве, думаю — вдруг узнают. Па дю ту! Этот подходит, шлепнул меня по макушке, фамильярно так, потной лапищей, и говорит: «Ну, скинхед, где твой шеф?» Жуткий гопник! Я ему опять про отгулы. Типа шеф мне позавчера ночью позвонил, сказал, что срочно уезжает и что я могу пока гулять. Думала, не поверит, кошмарить начнет. А Рыжик ничего, только подмигнул, и все трое сделали веггеганген.

— Что сделали? — наморщил лоб Фандорин. Трудней всего в речи Вали ему давались германизмы.

— Ну, в аут отправились, ушли. Только не совсем. Минут через пятнадцать Макс подходит, он там работает гардьеном. Эти твои квадраты, говорит, сели в джип и сидят. Они, говорит, тебя достают или что? Понимаешь, в «Пьер-Паоло» геи кучкуются, самые крутые. Чужих не любят. А ко мне ничего, привык-

ли, я им вроде как свой геноссе. Макс говорит, я сейчас выйду, уроню им под шину досточку с гвоздями. Так что езжай спокойно, Валюха. Я вышла, села на свой чоппер, как дам газу. Джип за мной рванул, только недалеко уехал... Так что докатила я сюда чистенько, безо всякого хвоста.

И Валя засмеялась, очень собой довольная.

— А если они тебя за эту шалость подстерегут и пристрелят? — покачал головой Николас. — Это страшные люди, ты про них всего не знаешь.

— Это еще кто кого пристрелит, — воинственно объявила неустрашимая девица. — Гук маль!

Сорвалась с места, притащила сумку. Оттуда достала пистолет — тот самый, подобранный возле клуба.

— Я бы им устроила файнал каунтдаун! — Валя вскинул руку с пистолетом. — Ба-дах! Ба-дах!

— Ты его не выбросила! — ахнул Фандорин. — Идиотка! Дай сюда!

Отобрал у полоумной оружие, хотел сунуть в карман халата, но замер, поневоле замороженный матовым блеском и элегантностью страшного инструмента. Почему оружие всегда красивое, подумал Ника. Как произведение искусства. И ответил себе: а потому, что оно, как и искусство, несет в себе тайну жизни и смерти. Одно легкое сокращение мышц указательного пальца, и тайна разгадана. Всё,

всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит...

Из прихожей донесся звонок — музыкальный, даже вкрадчивый, но Николас всё равно вздрогнул, заполошно сунул пистолет в глубокий карман халата. Вскочил.

— Кто это может быть?

Валя улыбнулась:

— Спокойно, Дункель. Мы же на Горах, тут чужие не ходят. Я попросила гардьенов нарвать рябины. Поставлю в вазу — будет вундершён. — И засеменила в коридор, певуче крикнув. — Иду-у!

Вытирая салфеткой губы, Николас потянулся за чайником.

Раздался лязг засова. Валя восторженно взвизгнула:

— Ой, какая пре...

А потом в прихожей громыхнуло — то ли что-то обрушилось, то ли кто-то упал.

Фандорин кинулся на шум, даже салфетку не бросил.

Выбежал в коридор, застыл как вкопанный.

Валя лежала навзничь. Руки раскинуты, по лицу в два ручья льется кровь, глаза закрыты.

А в дверном проеме стоял тот самый мужчина, что остановил Николаса возле ночного клуба. Сегодня он был без темных очков, вместо кожаной куртки костюм с галстуком. В левой руке большой букет из рябиновых веток, правая (она была в перчатке) потряхивает пальцами.

— А вот и мистер Фандорин, — будничным тоном сказал страшный человек. — Что и требовалось доказать.

И отшвырнул букет в сторону.

Когда Николас попятился, мужчина быстро шагнул вперед и зацокал языком.

— Хватит, сэр, набегались. Только создадите всем лишние проблемы, и в первую очередь самому себе.

Устыдившись своего малодушия, Ника двинулся было в обратном направлении — посмотреть, что с Валея.

Бандит снова поцокал. Звук был негромкий, но парализующий, как пощелкивание гремучей змеи. И Фандорин парализовался. Замер.

— Что вы с ним... с ней сделали? — спросил он слабым голосом.

— Ничего страшного. Стукнул вашего гермафродита по носу, как он меня. Чтоб под ногами не путался. — Поглядел вниз на заголившиеся гладкие ноги оглушенного Валея. Иронически заметил. — А вы человек с фантазией. И прикид у вас прямо заглядение.

Ника запахнул на груди халат с павлинами. Пускай этот тип думает про их с Валея отношения что хочет, сейчас не до этого. Но откуда он здесь взялся?

— Как вы его выследили? Ведь он говорил, что хвоста не было!

— Хвосты, мистер Фандорин, вчерашний день. Забава для дилетантов, у которых недостает технических возможностей.

Мужчина нагнулся, сдернул с Вали фальшивые волосы, похлопал его по бритому черепу.

— Мой человек вот так же шлепнул его по тонзуре, а перчатка была смазана особым раствором, вроде клея. Оттуда идет сигнальчик на радар. И всё, проще простого. Как и предполагалось, гермафродит привел нас куда нужно.

— Но как вы попали на территорию поселка? Ведь проходная!

— Обижаете, Николай Александрович, — укоризненно покачал головой мужчина. — Я вам только что продемонстрировал неограниченность наших технических возможностей, чтоб вы наконец перестали валять дурака и начали относиться к нам серьезно. А вы про ерунду спрашиваете. У меня есть удостовереньице, с которым не то что в дачный поселок — в Кремль войти можно.

Обернулся к открытой двери, подал кому-то знак.

Николас заглянул поверх его плеча, увидел, что возле дома стоит знакомый джип. Оттуда вышли двое, тоже знакомые. Рыжий двинулся к крыльцу, Утконос остался около машины.

Посмотрев, как Фандорин вытирает салфеткой выступившую на лбу испарину, главный бандит улыбнулся:

— Что, потовые железы секретируют? Это нервное.

— Слушайте, что вам нужно? Зачем вы меня преследуете? Я про вас и про ваши дела ничего не знаю! Клянусь вам!

Это прозвучало так жалко, так безнадежно, что Ника устыдился и попытался взять себя в руки. В такой ужасной ситуации самое важное — не терять чувства собственного достоинства. Всё что угодно, только не это.

Досадливо сунул салфетку в карман — пальцы коснулись твердого, холодного.

Пистолет! Как он мог забыть?!

Ладонь сама сомкнулась на рукоятке, указательный лег на пусковой крючок.

Теперь помянутые главарем железы засекретировали еще пуще — пот выступил на лбу крупными каплями.

Нет, не смогу, понял Ника.

Какой-нибудь Джеймс Бонд или дед Эраст Петрович пальнул бы прямо через карман, не задумался. А я не смогу.

Ну, палить, конечно, дикость, убийство. Но что если выхватить и бешеным голосом заорать: «Ста-ять! Рруки на затылок!»

Нащупал рычажок предохранителя и даже сдвинул, но отлично знал, что сам себя дурачит — нет, не выхватит и не закричит. И уж тем более не выстрелит.

Магистр сжал зубами нижнюю губу.

— Ну, милорд, — сказал мужчина. — Снимайте своих замечательных павлинов, надевайте пальто, и милости прошу. Карета подана. Человек, который желает с вами побеседовать, не привык приглашать дважды.

Тут в прихожую вошел Рыжий. Увидел лежащую Валю, Фандорина. Присвистнул.

— Я же говорил, — самодовольно покосился на него главарь. — Фирма гарантирует. Пробегись по дому — так, на всякий случай. Мы с сэром Николасом пока в машине посидим.

Повелительно взял Фандорина за локоть, подвел к вешалке.

— С этим что? — кивнул Рыжий на Валю. Главный жестко обронил:

— Он ударил меня по лицу. Или ты забыл?

— Ясно.

Сдернув с вешалки пальто, ужасный человек потянул Нику к двери. На пороге тот обернулся и увидел, как Рыжий достает пистолет с глушителем и приставляет его к Валиному лбу. Бедняжка открыла мутные глаза, но, кажется, так и не поняла, зачем у ее лица чернеет стальная трубка, — снова смежила веки.

То, что случилось в следующее мгновение, произошло словно само собой, безо всякого участия Николасова рации — совсем как в прежние баскетбольные времена, когда рефлексное движение опережало приказы, подаваемые мозгом.

Полувсхлипнув-полувсхрипнув, Фандорин вырвал левый локоть из пальцев конвоира и всем корпусом толкнул главного бандита, так что тот вылетел за дверь и грохнулся с крыльца. Правую же руку с зажатым в ней оружи-

ем Ника наставил на Рыжего — прямо через карман, отчего халат оттопырился и стал несколько похож на цветной ярмарочный ша-тер.

Рыжий дернулся, его взгляд скакнул на угрожающе вздыбившийся халат, моментально усвоил значение этого феномена, и в ту же секунду крепкая, в мелких веснушках рука качнула черную трубку в сторону Николаса. В тот миг, когда трубка превратилась в черную дырку, Фандорин что было сил сжал правый кулак.

Златотканый павлин на кармане оглушительно изрыгнул пламя, и Рыжего отшвырнуло к стене. Он сполз на пол, оставив на обоях блестящую красную полосу.

Николас стремительно повернулся, чтобы не видеть лица застреленного им человека. Зато увидел, что происходит во дворе.

Упавший бандит подняться еще не успел, но его рука нырнула под мышку. Утконос скрылся за джипом, из-за капота высунулся ствол.

Дальше Ника смотреть не стал. Хлопнул дверью, дернул засов.

Взглянуть на Рыжего все-таки пришлось.

Он лежал, привалившись затылком к стене, голова свесилась на плечо. На совсем молодом, покрытом бледными веснушками лице застыло обиженное выражение. Как у мальчишки, которому не дали досмотреть интересное кино, мелькнуло в голове у Фандорина.

Но думать об этом сейчас было некогда. Всё еще во власти баскетбольной моторики, он подхватил Валю под мышки и поволок по полу через коридор, через гостиную — сам не зная, куда и зачем.

Валя захлопала (нет, захлопал, потому что без парика Глен снова превратился в юношу) всё еще бессмысленными глазами.

— Куда? — пролепетал он. — Вофюр?

Однако поднялся на ноги. Покачнулся, но устоял.

Через стеклянную дверь веранды выбрались в сад. Придерживая Валю за талию, Фандорин проламывался через голые и колючие кусты, оставляя на ветвях золотые и серебряные нитки.

Кое-как продрались, но лишь для того, чтобы упереться в высоченный забор, огораживавший территорию поселка.

— Куда дальше? — потрянул Николас за ворот всё еще не очухавшегося Валю.

У того по-прежнему лилась из носа кровь, да еще на щеке алели две длинных царапины — должно быть, ободрался о кусты.

Валя дотронулся до переносицы, жалобно охнул:

— Нос сломан! Боже! Какой кошмар! Не смотри на меня! Пожалуйста, не смотри!

И закрыл изуродованное лицо рукавом.

— Надо уходить! — крикнул ему в ухо Фандорин. — Из поселка можно выбраться не через проходную?

— Да, — прогнусавил Валя. — Вон там.

Побежали вдоль ограды. Глен уже мог передвигаться без посторонней помощи, хоть и несколько зигзагообразно.

Мимо блеклых живых изгородей, мимо стриженных лужаек, на которых сиротливо белели праздные качели, они добрались до столба с прожектором, где забор поворачивал под прямым углом влево.

Пряча лицо, Валя сказал:

— Тут доска отодвигается. Это я прошлым летом выломал. Бегал в деревню, к одному механизатору, на дейты. То есть бегала...

Выдернул гвоздь, сдвинул доску. Пролез в неширокую щель без каких-либо затруднений, а вот Фандорин еле протиснулся.

Впереди было серое осеннее поле, за ним лес.

Николас побежал вперед, чавкая тапочками по грязи. Обернулся, увидел, что Валя не тронулся с места.

— Ты что? Скорей! Надо добежать до леса, пока они не увидели!

Валя стоял, закрыв лицо руками. Плечи сотрясались от рыданий.

Пришлось вернуться.

— Да что с тобой? Бежим!

— Уйди! — всхлипнул Глен и отвернулся. — Ты беги, я сам...

— Что «сам»? Куда «сам»?

Человек будущего забормотал, кажется, впервые путаясь в употреблении мужского и женского родов:

— Не хочу, чтоб ты видел меня такой... Я сам. Ты беги. Там за лесом станция. Четыре километра на восток...

— Что за чушь! Они тебя убьют!

— Я на ферму, к Володе...

— К какому еще Володе?

— Ну, к механизатору, я же говорила... Он хороший... Только он думает, что я девушка... Ничего, скажу, что подстриглась. Фэшн такой... Да беги же ты!

Валя сердито топнул ногой и зарыдал еще горше.

Оглянувшись на щель в заборе, Фандорин побежал через поле к опушке леса. Когда же, минуто спустя, обернулся, Вали у ограды уже не было.

Больше не оборачивался до самых деревьев. Лишь нырнув за первый куст, перевел дух. Раздвинул ветки.

Коттеджный поселок «На горах» был похож на сказочный остров, вынырнувший из пучины моря: из-за стены торчали башенки, флюгера, кружки спутниковых антенн. Остров на море лежит, град на острове стоит...

Слава богу, хоть тридцати трех богатырей было не видно. Снова выскользнул неуловимый Н.Фандорин из когтистых лап беды.

Немножко постоял, прижавшись горячим лбом к влажной и холодной коре дуба. Перед тем как идти (стало быть, всего четыре километра?), вынул из кармана пистолет, кинул на орудие убийства полный отвращения взгляд и швырнул в канаву, которая,

судя по цвету воды, не высыхала даже летом.

Сначала шагал быстро, на всякий случай поглядывая назад. Дурацкий халат расстегнул — было жарко. О том, что произошло каких-нибудь пять, самое большее десять минут назад, старался не думать. Понятно, что теперь так, как прежде, жить будет невозможно, но об этом после, после. Сначала уйти подальше, остыть.

Остыл Фандорин довольно быстро — во всяком случае, в физическом смысле. Сначала запахнул халат, потом поднял воротник, спрятал руки в широкие рукава с отворотами.

Черт, как холодно!

Чему удивляться — середина ноября. Сколько сейчас? Плюс два, плюс три. Вряд ли больше.

Кстати говоря, вот он так решительно устремился в чащу, а где здесь восток? Ника остановился, посмотрел по сторонам.

Подмосковный лес в ноябре безлюден и бесприютен. Люди сюда не ходят, потому что незачем: золотая осень позади, для лыжных прогулок еще рано.

В отсутствие людей игрушечная пригородная чаща удивительным образом вернула себе достоинство дикой природы.

Было очень тихо, сумрачно. Пахло смертью.

На поляне виднелся черный угольный круг, два кирпича, пара пустых бутылок. В луже по-

блескивал кусочек фольги. Вот и всё, что осталось здесь от человека. Николас вдруг подумал, что пройдет сколько-то лет, и человечество исчезнет с поверхности земли, как исчезли из этого леса дачники. И останутся от человечества лишь бессмысленные обрывки и обломки.

Одернул себя: нашел время для философствований. Итак, где у нас восток?

В книжках пишут, что деревья с северной стороны порастают мхом. Ага, вот на березе зеленая плюшевая полоса. Значит, если встать к ней лицом, восток будет слева.

Ободренный, Фандорин двинулся по проложенному курсу и шел довольно бодро — до тех пор, пока прямо перед носом не оказалась другая береза, повернувшаяся ему навстречу точно таким же мшистым боком.

Как это может быть? Получается, что он движется не на восток, а на юг?

Николас задрал голову, посмотрел в серое, постепенно темнеющее небо. И представил, как он смотрится оттуда, сверху: нелепое существо в пестром халате и домашних тапочках, а вокруг лишь голые скелеты деревьев.

Как Иван-царевич в заколдованном лесу, только Серого Волка нет.

И едва он это подумал, как неподалеку зашуршала палая листва. Николас дернулся, оглянулся и не веря глазам увидел над пнем серую мохнатую морду с нахмуренным лбом, острые уши, настороженные глаза, на мгновение блеснувшие нехорошим фосфорическим блеском.

Нет, это был не серый волк, а всего лишь серый волчок. Вернее дворняга, среди предков которой наверняка не обошлось без немецкой овчарки.

Живому существу Фандорин обрадовался. Вдвоем всё веселей.

Он посвистел, почмокал, протянул руку.

Собака смотрела все так же настороженно. Не лаяла, не рычала, с места не трогалась.

Тогда он начал потихоньку к ней подбираться, приговаривая:

— Ну, ну, не бойся, собакевич. Давай знакомиться...

Пес попятился. Потом, то и дело оглядываясь, затрусил через лес — не очень быстро, словно не решил, убежать или нет.

Ника припустил следом.

— погоди! Эй, ты же друг человека!

Собака выбежала на поляну, где были свалены спиленные и, очевидно, давным-давно позабытые столбы. Остановилась.

Фандорин с разбегу не сразу увидел, что возле штабеля разлеглась целая собачья стая. Один пес, широкогрудый, с наполовину облезлой башкой, поднялся и оскалил желтые клыки. Остальные тоже немедленно вскочили. Как мало эти лесные пираты были похожи на городских собак! Ни тени робости или заискивания, никакого виляния хвостом. А глаза примеривающиеся, как бы оценивающие, что ты такое: опасность или добыча.

Похолодев, Ника вспомнил прочитанную где-то статью о том, сколько в подмосковных лесах развелось бездомных псов. Они давно, Бог знает сколько поколений назад, одичали и запросто нападают на оленей, на лосей, а иногда и на людей.

С перепугу Николас пожалел о выброшенном пистолете, но тут же устыдился. Что ж теперь, без пистолета ни шагу, что ли? Чуть что, давай, пали, решай все проблемы при помощи свинца! Человека убил, теперь еще собак перестреляй. А разве они виноваты, что люди их или их предков выгнали из дома? Неужто ты мог бы застрелить вон ту каштанку с квадратной мордой? Или вон ту рыжую нескладеху с мордой колли и коротенькими лапами таксы?

Он попятился назад — не слишком быстро, чтобы это не выглядело, как бегство. Собаки провожали его глазами, враждебности пока не проявляли.

Шагнув за дерево, Фандорин развернулся и тут уж дунул со всех ног.

Бежал, пока не отлетела размокшая подметка на тапочке. Кое-как прицепил ее обратно. Сел на поваленное дерево, стал анализировать ситуацию.

Не тайга же. Какого размера может быть лесной массив в ближнем Подмосковье? Максимум несколько квадратных километров.

Это он просто запаниковал, вот и стал метаться безо всякого толка и смысла.

Что говорит в подобных случаях своим клиентам специалист по умным советам? Сначала нужно локализовать первопричину стресса.

Она совершенно очевидна, мысленно сказал специалисту Николас Фандорин. Я совершил убийство. Однажды мне уже доводилось стрелять в человека, но в тот раз, слава Богу, обошлось. А теперь не обошлось. Веснушчатый парень, на вид лет двадцати пяти, мертв. Его девять месяцев вынашивала мать, потом он долго рос, познавал мир, о чем-то мечтал, а я всё это перечеркнул. Каким бы плохим ни казался тебе кто-то, убивать его нельзя, потому что каждый человек — это вселенная. И каждого человека (ну, или почти каждого) кто-то любит, для кого-то он свет в окошке, кому-то без него и жизнь не в жизнь.

Советчик печально покивал, вникнув в суть проблемы. И ответил так.

Да, ты убил, но не хладнокровно, взвесив все «за» и «против», а подчинился инстинкту, который велит человеку защищать себя и своих друзей. Значит, рыжий бандит — вселенная. А Валя что же? Разве его, то есть ее, ах не важно, разве Валю никто не любит? И потом, ты сам. Ты ведь тоже вселенная, и в этой вселенной кроме тебя есть еще жена, есть дочь и сын. Или уж люби всё человечество одинаково, как Христос, и тогда подставляй левую щеку, не сопротивляйся насилию, иди на заклание и всё такое прочее, но только уж не обзаводись семьей и друзьями. А если обзавел-

ся, то изволь защищать и их, и себя. Даже если для этого понадобится убить.

Вот какой сформулировался совет — такой кровожадный, что Фандорину стало не по себе.

Но душа, как ни странно, от паники избавилась, дала разуму отмашку: думай, теперь можно.

И выяснилось, что голову ломать особенно не над чем. Всего-то и нужно идти по возможности прямолинейно, пока не выберешься на какую-нибудь дорогу или дорожку, а та уж куда-никуда выведет.

Блуждания по лесу закончились уже в полной темноте. Дважды Фандорин пошел не тем путем: сначала глухой просекой, которая петляла-петляла и в конце концов просто разделилась на несколько убогих тропинок; потом набрел на вполне витальную, даже асфальтированную трассу, упершуюся в каменную стену и запертые ворота безо всякой вывески. Лишь с третьей попытки, окоченевший и промочивший ноги, он попал туда, куда нужно. Неприметная на первый взгляд тропа вывела его прямо к обочине шоссе, по которому Николас дошагал до населенного пункта. Еще до того, как начались первые дома, услышал вдали грохот поезда. Уф. Вот и станция.

Не доходя до первого фонаря снял халат и бросил в канаву. Появляться в таком наряде среди публики было бы чересчур, лучше уж в одной рубашке.

Положение беглого «гада и обманщика» было, сдержанно выражаясь, незавидным: раздет, практически разут, денег ноль, деваться совершенно некуда. Но за время затянувшейся лесной прогулки у Николаса выработался план — в создавшихся обстоятельствах единственно возможный.

На всем белом свете был только один человек, который мог бы помочь изгою — конечно, если захочет. Нике почему-то казалось, что, несмотря на недолгий и, как теперь любят говорить, неоднозначный опыт общения с этим человеком, в помощи он не откажет.

Но сначала нужно было преодолеть одну техническую трудность — позвонить по телефону при полном отсутствии ликвидности.

Фандорин потоптался возле железнодорожной кассы, заглянул в приоткрытую дверь с табличкой «Дежурный по станции». Там сидела полная дама в фуражке, читала роман в бумажной обложке. На столе чернел вожделенный телефон.

Включив самую обаятельную из своего арсенала улыбок, Николас просунул голову в щель.

— Ради бога извините, что отрываю от чтения, — сказал он. — У меня к вам огромная просьба...

Дежурная положила роман обложкой кверху, с неудовольствием посмотрела на долговязого типа в одной рубашке.

— У меня ужасная неприятность, — продолжил магистр. — Потерял куртку, а в ней бумажник. Мне бы позвонить в Москву, а?

— Интере-есно, где это нынче куртки теряют, — протянула дама. — Вроде не пьяный. Муж, что ли, из командировки не вовремя приехал?

На обложке покетбука был изображен медальон в виде сердечка, в медальоне полуобнаженная красавица, припавшая к груди мускулистого мачо, внизу заголовок — «Запретный плод».

Может, подыграть? Раз эта женщина увлекается чтением любовных романов, значит, жизнь не балует ее романтическими приключениями. Только вот на чьей стороне ее симпатии: обманутых жен или страстных любовниц? По виду на разбивательницу сердец никак не похожа, но раз интересуется неразрешенными фруктами...

— Что-то вроде этого, — скромно обронил он и потупился, как бы намекая, что быть молодцу не в укор.

После тяжелой паузы дежурная сказала:

— Один звонок. И быстро. Этот телефон занимать нельзя.

Николас набрал номер подружки капитана Волкова, стараясь не думать о том, что ее может не оказаться дома.

Читательница «Запретного плода» сидела, сложив руки на груди, и смотрела на Фандорина суровым взглядом — ждала пикантностей. Это еще больше усложняло и без того

непростую задачу. Как в присутствии этой Горгоны изложить совершенно незнакомой особе по имени Танька суть дела?

— Не берут трубку? — злорадно спросила тетка и потянулась к аппарату. — Больше звонить не дам. Не положено.

Ура! В трубке раздался молодой женский голос:

— Алё.

— Это Татьяна?

— Ну. Кто это?

— Я друг Сергея, — осторожно подбирая слова и в то же время не спуская глаз с пухлой руки, нависшей над телефоном, сказал Николас. — Мы вместе работаем... в телецентре. Он вам про меня, наверно, рассказывал.

— Ну? — повторила Танька, не проявив ни малейшего энтузиазма, но, слава Богу, и не сказав: «Какого еще телецентра?»

— Передайте ему, что я нахожусь на станции Лепешкино Рижской железной дороги. И еще скажите ему, пожалуйста, что я попал в очень трудную ситуацию.

— Очень приятно, — не к месту ответила Танька и развила свою мысль, присовокупив. — Клопы вы поганые.

— Кто? — опешил Ника.

— Мужики. Чуть вам послабку дай — верхом ездить будете. Клала я на ваши ментовские заморочки, понял?

И раздались частые гудки. Неужели бросила трубку? Или прервалась связь?

Он хотел набрать номер еще раз, чтобы непреклонная Танька уяснила всю срочность просьбы, но дежурная забрала аппарат.

— Один звонок, — сказала она. — Что, послала тебя жена твоего дружка? То-то, сам расхлебывай, кобель. Думают, если они с телевидения, всё им можно.

Она из партии жен, понял Николас. А про «Запретный плод», наверное, читает, чтобы лучше знать психологию противника.

Побрел к выходу. Злобная властительница станции Лепешкино еще буркнула ему в спину:

— Только попробуй без билета на электричку сесть. Вечером толковища поменьше, контролерам благодать. Враз сымут — и в отделение.

Главный вопрос бытия на нынешний момент формулировался так: передаст Танька капитану просьбу или не передаст? Прочие жизненно важные вопросы проистекали отсюда же. Если передаст, то скоро ли? И придет ли оперуполномоченный?

Собственно, чего ради? Прибыли он от этого никакой не получит, а вот неприятности, и весьма серьезные, навлечь на себя может.

Фандорин устроился на скамье в стеклянном павильоне, обхватил себя руками за локти, вжал голову в плечи. Дрожал от холода и думал. Кроме двух этих действий занять себя всё равно было нечем.

Что делать, если Волков не появится?

Очевидно, сдаваться в милицию. В конце концов, совершено убийство, хоть бы и при самообороне. До разбирательства посадят в камеру. Там по крайней мере тепло. И безопасно.

А безопасно ли? Если эти люди знают, кто чем занимается в засекреченном оперативно-следственном штабе по делу «Неуловимых мстителей», если, как заявил главный бандит, они запросто могут проникнуть хоть в Кремль, то, вероятно, и в предварилровке достанут.

И еще одно затруднение: милиция захочет выяснить, откуда у гражданина Фандорина взялось огнестрельное оружие. Не выдавать же Валу?

Тут как раз и милиционер подошел, легок на помине.

Правда, не следователь, а всего лишь сержант.

— Что сидим? — поинтересовался он. — Три электрички проехали, а вы всё загораете. И налегке. Раздели, что ли?

После секундного колебания Фандорин со-
врал:

— Да нет, всё нормально. Машина сломалась. Жду, пока починят, греюсь.

— Кто чинит? Лёха из АРМ?

Что такое «а-рэ-мэ», Николас не знал, однако кивнул. Успокоенный сержант пошел себе патрулировать дальше.

Не в первый раз Фандорин оказывался в смертельно опасной ситуации. Не то чтобы он

их любил, эти ситуации, — совсем наоборот. Видно, такая уж у него была жизненная планка. Магистр истории, попадающий в историю. В виде Homo Sapiens существуют разные подвиды. Есть люди, которые проживают свой век благополучно и спокойно, а есть такие, как Николай Александрович Фандорин, с которыми без конца случается всякая ерунда. И, что примечательно, в первой половине жизни, проведенной в Англии, ничего подобного не происходило, все пакости начались после переезда в Россию. Такая уж это страна — не даст человеку мирно состариться, непременно перевернет и вывернет, попробует на зуб, на вкус, на испуг.

Или так оно лучше? В благополучной стране человек может прожить сто лет, не пройдя ни через одно серьезное испытание, а стало быть, так и не узнав, что он собой представляет и каков он на прочность. Английские знакомые говорят: Ник Фандорин свихнулся. Переехать в Россию, сменить гражданство — какое сумасбродство! А ведь, если исходить из того, что главная цель в жизни — понять себя, преодолеть в себе слабое и плохое, став сильней и лучше, то нужно жить именно в России. Или в Китае. Или в какой-нибудь Эритрее. В общем там, где с людьми случаются истории.

В очередной раз убедив себя в правильности избранного пути, Николас закрыл глаза, привалился к стенке и задремал. Нервная и физическая усталость возобладали над холо-

дом, но снилось Фандорину только одно: что он мерзнет и никак не может согреться.

Пробуждение было неприятным.

Кто-то грубо тряс спящего магистра за плечо.

Николас открыл глаза, увидел над собой давешнего сержанта.

— Документы, — сказал сержант и протянул руку.

Хлопая глазами, Фандорин пытался сообразить, как себя вести.

— Они в пиджаке, а пиджак в машине. Я же вам сказал...

— Был я в авторемонтных, — перебил милиционер. — Там замок. А Лёха третий день в запое. Документы, я сказал!

Николас молчал.

— Нет документов? Тогда пошли.

Сержант взял задержанного за плечо, заставил подняться. Николас был выше на целую голову, и милиционер на всякий случай погрозил ему дубинкой.

— Смотри, ..., у меня. Вмажу — пополам согнешься.

Ну вот, всё решилось само собой, думал Фандорин, чувствуя, как в руку впиваются жесткие пальцы патрульного. Свобода выбора утрачена, я превратился в предмет, движущийся с ускорением 981 сантиметр за секунду в квадрате.

На перроне был еще один милиционер — без фуражки, но в блестящей черной куртке с погонами. Он повертел головой туда-сюда,

потом обернулся в эту сторону, и Николас чуть не всхлипнул от облегчения.

Капитан Волков! Слава Тебе, Господи.

Через две минуты Фандорин сидел в припаркованных за станционными пакгаузами милицейских «жигулях» и тер закороченные ладони. Оперуполномоченный снял с себя куртку, надел на страдальца, да еще включил печку. Жизнь, что называется, налаживалась.

— Куртец дрянь, — сказал Волков. — Дерьмантин. Не моя — тут, в тачке валялась. Тачка тоже дрянь, из разъездных. Взял, какую дали — к тебе торопился. Ну, что за новые кошмары в твоей увлекательной жизни?

— Я д-думал, Татьяна не п-передает, — достукивал зубами остатки озноба Ника. — П-почти не надеялся.

— Кто, Танька-то? Она баба надежная. — Капитан вздохнул. — Вот скажи, Коль, отчего это из баб самые надежные — шалавы? Ты как про это думаешь?

Вопрос был несложный, Николас легко мог бы объяснить Волкову этот феномен, но момент для отвлеченных бесед был неподходящий.

Прежде чем перейти к делу, Фандорин осторожно спросил:

— Как у тебя с теми? Звонили?

Оперуполномоченный махнул рукой:

— А как же. Через полчаса после того, как ты растворился в ночи. Послал я их — туда, куда собирался.

— И что?

— Да ничего. Отключили мне мобилу. Но это фигня, я за двенадцать баксов симкарту поменял, взял федеральный номер — он дешевле. Я тебе потом запишу.

Из темноты, светя мощными фарами, подкатил вседорожник, остановился прямо перед капотом «жигулей». Волков весь напружинился, сунул руку в карман, да и Николас с тревогой уставился на непроницаемые черные стекла большого автомобиля.

Но из монстра вышла элегантная и, судя по движениям, молодая женщина. Пискнула пультом, поцокала каблучками по мостовой и растаяла в ночи.

— Тьфу, — сплюнул капитан, вынимая руку из кармана. — Я уж подумал... Хитрая бабка — нарочно у ментовской тачки припарковалась, чтоб ее красавца не раздели. Ну, что у вас стряслось, гражданин Останкин? Давайте только факты. Аргументы потом.

И Николас дал только факты. Поразительно, каким простым и коротким получился рассказ, изложенный без описания собственных эмоций: ассистент привел на хвосте бандитов, они хотели ассистента убить, поэтому пришлось одного бандита застрелить, а от остальных убежать. Только и всего? А когда шел по мертвому лесу, чувствовал себя по меньшей мере героем шекспировской трагедии.

Но оперуполномоченному рассказанная история, похоже, не показалась тривиальной.

— Дерьмам делам, — озабоченно сказал он. — В тюрьгу тебе, Коля, нельзя. Запрос-то сыщется какой-нибудь паскуда в погонах, кто человека за бабки на смерть сдаст. И возьмет-то недорого. За своего бандосы тебя точно порешат, я их повадки знаю. Хоть в Австралию умотай — всё равно достанут. Так что теперь на тебе два смертных приговора. Ты делаешь карьеру.

Авторитетное мнение эксперта избавило Нику от иллюзий по поводу налаживающейся жизни.

— Что ты мне посоветуешь, Сергей? — спросил специалист по советам, голос у него изменнически задрожал.

Ответить капитан не успел.

Покинутый хозяйкой джип вдруг включил огни: и дальний свет, и противотуманный прожектор на крыше. От ярких лучей, направленных прямо в лицо, Николас ослеп.

Отвернулся, но сзади тоже горели фары — там, метрах в десяти, тоже стоял джип.

— Браво, капитан! — крикнули не спереди и не сзади, а откуда-то слева, из темноты. — Обеспечил товар в лучшем виде!

Фандорин узнал голос — тот самый вежливый бандит, который у них за главного. Но не это потрясло магистра больше всего, а чудовищное предательство МУРовца. Как убедительно врал, каким рубахой-парнем прикидывался!

— Выходим, господа! — продолжил веселый голос. — Нас ждут великие дела!

Волков свистяще выругался, ударил кулаком по рулю.

— Суки! Маяк прицепили! Как лоха последнего...

Кажется, оперуполномоченный в подлости был неповинен, и, хотя это мало что меняло в нынешней ситуации, Фандорин почему-то испытал неимоверное облегчение.

— Я выйду, ты оставайся, — сказал он, кладя капитану руку на запястье. — Ты тут ни при чем. Спасибо, что хотел помочь.

Взялся за ручку двери, но Волков больно двинул его локтем в плечо.

— Сиди, телебашня долбаная! Что тебе Серега Волков — мальчик-колокольчик? Щас, щас...

Капитан быстро закрутил головой — влево, назад, снова влево, вперед.

— Не, не вырулю, зажмут. Тогда так.

Внизу что-то щелкнуло. Николас опустил взгляд и увидел зажатый в руке милиционера пистолет.

— Не писаем в штаны, Коля. У меня кандидатский по стрельбе, прорвемся. Щас сажаю переднему по фарам, и ты сразу сигай вправо, а я влево. Чеши через кусты, не оглядывайся. Бог, он знает, кому пора, а кому еще нет.

Фандорин хотел возразить против этого самоубийственного плана, но отчаянный капитан уже вскинул руку с пистолетом и нажал на спуск. Прожектор на крыше переднего джипа лопнул.

Выстрел был всего один, но дырок в лобовом стекле почему-то образовалось две. Волков энергично ударил затылком о подголовник и остался сидеть в этой позе, руку же с пистолетом опустил. Оглухший Ника увидел, как губы капитана надулись, словно он собирался прыснуть со смеху, но изо рта вырвался не смешок, а бульканье, и на подбородок милиционера потекла черная жидкость, в которой поблескивали осколки зубов.

Так и не поняв, что за беда стряслась с Сергеем, магистр дернул ручку дверцы, выкатился на землю и, бешено орудуя локтями, дополз до придорожных кустов. Там вскочил и, не разбирая дороги, понесся в темноту.

— Живьем! — крикнул кто-то сзади.

Голос был высокий, тонкий, будто кричал подросток.

Николас ударился голенью о какой-то ящик, но даже не почувствовал боли.

В голове пронеслось: хорошо, что я в черной куртке, в белой рубашке было бы видно издалика.

Сзади доносился топот. Непонятно, сколько было преследователей, но не один и не два — это уж точно. Взревел мотор, потом второй.

Длинные ноги, обутые в мягкие тапочки, беззвучно касались земли. Ника повернул в щель между складами, с разбегу прыгнул на забор, подтянулся (и откуда взялось столько сил?), приземлился по ту сторону.

Рельсы, в стороне от станции.

По дальнему пути, тяжело погромыхая, катился грузовой состав.

Фандорин подбежал, некоторое время огромными скачками неся рядом, потом, улучив момент, вцепился в поручень тормозной площадки последнего вагона и повис. Ноги поджал, чтобы не волочились по земле. Поставил на ступеньку одно колено, второе. Оглянулся.

Сзади на путях метались какие-то тени, туда-сюда ерзали лучи фонарей.

Видели или нет?

В любом случае, чем дальше от Лепешкина он отъедет, тем лучше.

Николас потерял ушибленную голень и сел на металлический пол. Наплевать, что пыльно, грязно, перепачкано мазутом или еще какой-то пахучей дрянью.

Откинуться на спину, перевести дух.

Он попробовал вытянуться на узкой площадке поудобнее и вдруг ткнулся головой во что-то мягкое. Вернее в кого-то.

Подавившись воплем, повернулся.

На противоположном конце площадки, съевшись, сидел закутанный в тряпки человек. Пронесшийся мимо фонарь на миг выхватил из темноты блестящие глаза, кустистую бороденку, драную кроличью шапку.

— Ну, вы, гражданин начальник, отчаянный, — сказал человек. — А какой прыгучий, я прямо восхищаюсь. Это вы из-за меня своей драгоценной жизнью рисковали? Чтоб меня в отделение доставить?

— Вы кто? — пробормотал Фандорин, испугавшись, что от всех потрясений у него начались галлюцинации.

— Миша, путешественник. Живу между небом и землей. На зимовку вот собрался, в Новгородскую губернию. Если вы меня, конечно, с поезда не ссодите.

Николас понемногу принавливался к дерганому железнодорожному освещению, от которого все предметы то вспыхивали, то погружались во мрак, и теперь мог разглядеть своего нежданного спутника получше.

Неопределенного возраста, одет в замызганную синтетическую куртку, на плечи накинута не то скатерть, не то занавеска. Одним словом, бомж.

— Я не милиционер, — успокоил бродягу магистр. — Куртка не моя. Одолжил, чтобы согреться.

— А-а, — повеселел Миша. — Тогда другое дело. Греться мы после полезем. Это в шестой вагон надо, там вату везут. Подышим воздухом, чтоб сон был здоровее, и туда. Вы, сэр, куда?

Откуда он знает, что я сэр, вздрогнул Фандорин и не ответил. Но бомж несколько не обиделся.

— А я на зимовку. Я этот поезд два дня ждал. Его в Ржеве на Ленинградку перегонят, а спальный вагон, который с ватой, покатит прямиком в город Бухалов. Очень у них там изолятор замечательный. Харчи не воруют.

ют, и начальник, майор Савченко, хороший человек. Я всегда там зимую. Хотите, сэр, и вас устрою?

Это у него такая манера выражаться, успокоился Николас и спросил:

— А где это — Бухалов?

— Новгородская губерния, Чудовский район. Городок славный, тихий. Душой отдыхаешь. В изоляторе библиотека хорошая, всякие там шашки-шахматы. Сопрем что-нибудь на вокзале в порядке правонарушения и сразу к Степану Филимонычу, сдаваться...

Миша принялся уютно описывать, как они устроятся в городе Бухалове, но Николас дальше уже не слушал, потрясенный упоминанием о Чудовском районе.

Вот уж воистину перст судьбы! Подсказка свыше, иначе и не назовешь!

Как он мог забыть о человеке, который выручал его из трудной ситуации прежде и наверняка не откажется помочь сейчас!

Именно там, где-то в лесах под Чудовым, поселился фандоринский компаньон, соучредитель «Страны советов», бывший банкир, олигарх и медиа-магнат. Поехала у капиталиста крыша, перенапрягся в сражениях за прибавочную стоимость. Забросил дела, удалился от суетного мира в скит. Так-то оно так, но ведь был поистине неограниченных возможностей и фантастической предприимчивости человек. Не может быть, чтобы у него ничего не осталось от былых талантов и связей.

Только вот будет ли он рад встрече с очевидцем его прежней, мягко говоря, небезгрешной жизни? Те, кто общается с ним сегодня, вряд ли догадываются о бурной биографии святого старца. И это правильно. Прошлые грехи известны самому отшельнику да Господу Богу, теперь никто другой не узнает о них до самой его смерти.

Глава двенадцатая

НЕСЧАСТЬЯ ДОБРОДЕТЕЛИ

— ...А когда именно каждого из нас ожидает смерть, известно одному лишь Богу, проще же говоря — никому, ибо Бог и есть Никто. — Данила Фондорин остановился посреди тропы и испытующе посмотрел на своего маленького спутника. — Я вижу, мой юный друг, вас не покорило мое утверждение о Боге как о Ником, то есть Небытии, Пустоте? Это делает честь открытости вашего рассудка. Преосвященный Амвросий, викарий новгородский, который иногда посещает меня в моей хижине, хоть и просвещенный муж, но от таких слов взвился бы до потолка, да еще, пожалуй, лишил бы меня славы угодника, которой я ему же, Амвросию, и обязан.

— Сударь, светает, — жалобно сказал Митя, ибо Данила, увлеченный собственными умствованиями, останавливался уже не в

первый и не во второй раз. — Опоздаем! И потом, я просил не говорить мне «вы» — я пока не ощущаю себя достаточно созревшим для подобного обращения.

— Хорошо, Дмитрий, не буду. Так что ты думаешь о Боге? Веришь в Него?

— Конечно, верю. Пойдемте, а?

— И я верил. Ведь что такое вера?

— Что? — обреченно спросил Митя, уже зная, что Фондорин не тронется с места, пока не выскажет мысль до конца.

— Вера происходит либо от полной уверенности, то есть абсолютного знания, либо от полного отсутствия уверенности, сиречь абсолютного незнания. Все известные мне люди веруют от неуверенности, иначе говоря, верят церкви на слово. Я же от полного незнания отошел, а всеохватного знания еще не достиг, и потому веровать не могу. Полностью же я познал лишь силу Разума, вот он ныне и есть мой Бог.

— Господин Фондорин, миленький, нужно спешить!

Они покинули лесную поляну и двинулись по направлению к Московскому тракту затемно. Оружия у лекаря не было никакого, если не считать длинного, в добрую сажень, посоха, которым он при каждом шаге решительно стучал по земле. Всю дорогу Данила говорил без умолку — видно, за ночь опять соскучился по слушателю. Митя сначала прихрамывал, но потом почти перестал — нога размялась, расходилась.

— Не тревожься, Дмитрий, мы уже пришли.

Старик шагнул с тропы в снег, раздвинул кусты. За ними открылась дорога, смутно различимая в серых сумерках.

— Отсюда мы и услышим, и увидим, как они едут.

— Но почему вы взяли, что Павлину Аникитишну повезут именно в эту сторону?

— Ты же сам сказал, что вас догоняли. Ergo, туда и повезут, откуда прискакали, то есть в сторону Петербурга. Не названное тобой по имени значительное лицо, раз уж оно не устрасилось похитить даму из рода Хавронских и умертвить ее слуг, наверняка проживает в столице. Я полагаю, мой скрытный друг, что во всей России сыщется только один сладострастник, которому подобное злодейство сойдет с рук.

Митя покраснел. Оказывается, проницательный старик обо всем догадался. И если не устрасился противодействовать самому Фавориту, то это делало честь его храбрости. Хотя что может он, старый и безоружный, против богатыря Пикина и четверых головорезов?

Этот насущный вопрос Митя и задал, постаравшись придать ему наименее обидную форму.

— Мой славный Дмитрий, Доброе Слово и Наука всегда одолеют грубую силу, — безмятежно ответил Фондорин, опираясь на свою палку. — Ты, я вижу, сомневаешься? Так вот

тебе доказательство, изволь: что если не вера в Бога, то есть в Доброе Слово, вкупе с Наукой вознесли человека над прочими животными, в том числе несравненно более сильными, нежели он?

— Вон они! Едут! — указал Митя дрожащим пальцем на дорогу.

Впереди покачивался в седле один конный, но не Пикин — кто-то из гайдуков. Второй сидел на козлах. Еще двое ехали сзади верхом.

— Пикин, наверно, в карете, — прошептал Митя.

— Не думаю, — ответил Фондорин обыкновенным голосом. — Видишь, к дормезу сзади привязана только одна лошадь. Это кучерова. Предводителя здесь нет. Должно быть, помчался к своему сюзерену, хвастать викторией.

Пожалуй, верно. Лошадь без всадника была серая в яблоках, а не то вороное чудище, на котором скакал Пикин. Только что это меняло? Ну не пятеро врагов, четверо. Все равно лекарю с ними не справиться.

— Мой славный друг, ты побудь здесь, — сказал Данила. — Я же пойду побеседую с этими людьми, попробую воззвать к их разуму.

Только теперь, глядя в прямую спину выбирающегося на дорогу чудака, Митя вдруг понял, что всё пропало. Время упущено, Павлину не спасти. И виноват в этом только он, Митридат Карпов. Вместо того, чтобы слу-

шать рассказы Фондорина да всю ночь греться на печи, нужно было бежать в деревню, звать на помощь. О, проклятое недоумие и легковерие! Как можно было довериться философу, обретающемуся в идеальном, умозрительном мире?

«Воззвать к разуму» — каково?

Фондорин выбрался из сугроба на тракт, потопал валенками, стряхивая налипший снег. Встал прямо посередине, оперся на посох.

Дормез приближался, скрипя полозьями. Первый из верховых крикнул:

— Эй, дед, ты чего?

Кони замедлили бег, остановились, не дожидаясь, когда возница натянет поводья, — видно, почуяли в неподвижной фигуре нечто особенное.

Данила воздел правую руку и заговорил звучно, громко — Мите из его укрытия было слышно каждое слово.

— Служители временщика! Я знаю, что вы стали преступниками не по своей воле, а по принуждению вашего начальника и господина. Отпустите пленницу, и, обещаю, с вами не случится ничего дурного.

Верховой привстал на стременах, заозирался вокруг. Кучер тоже поднялся на козлах. Двое замыкающих подъехали ближе.

— Сколько вас? — спросил передний, кладя руку на эфес сабли. Похоже, в отсутствие Пикина за старшего был он.

— Я здесь один.

Старший сплюнул, облегченно гоготнул.

— Прочь с дороги, старый дурень. Ну! Вот я тя плетью!

Он пустил коня на Данилу. Широкая, покрытая инеем грудь затеснила Фондорина к обочине.

— Постой, Охрим! — крикнул кучер. — Откуда он сведал? Хватай его! Допросим!

— И то.

Охрим нагнулся и потянул руку к вороту фондоринского тулупа.

— Напрасно вы не послушали голоса разума, — покачал головой Данила, отступив на шаг.

Посох дернулся книзу, раздался тошнотворный хруст, и всадник схватился левой рукой за бессильно обвисшую правую. Не прекращая движения, палка повернулась к нему пыром и ткнула конника в подвздошье — он кувыркнулся из седла навзничь. Но и того чудо-посоху показалось мало. Он подлетел вверх, перевернулся и вновь оказался в Данилиной руке, но теперь лишь самым кончиком. Фондорин проворно скакнул вперед, размахнулся, описав в воздухе свистящий полуторасаженный круг, и вlepил остолбеневшему вознице дальним краем своей дубины в ухо. Кучера с козел будто пушечным ядром сшибло.

Всё это свершилось столь быстро, что вряд ли кто успел бы дочесть и до пяти, даже если б считал скороговоркой.

Митя потер глаза — не привиделось ли?

Нет, не привиделось. Данила стоял, двое гайдуков лежали, осиротевшая лошадь крути-

лась вокруг себя, хватала зубами болтающуюся уздечку.

Но оставались еще двое всадников, и уж они-то не были склонны отнестись к лесному старику с легкомысленным небрежением, погубившим их товарищей.

Первый выхватил из-за пояса пистолет, второй рванул из ножен саблю. Оба пришпорили коней.

Но и Фондорин не остался на месте. Он снова подбросил посох, перехватив его посередине, разбежался и метнул свое диковинное оружие на манер античного дротика — прямо в лицо целившему из пистолета. Тот всплеснул руками, покачнулся, завалился на сторону.

Теперь Даниле противостоял всего один неприятель, но руки лекаря остались пусты и заслониться от сабельного удара ему было нечем.

А он и не стал заслоняться — проворно прыгнул вбок, уклонившись от клинка, а потом схватил последнего гайдука за кушак да и выдернул из седла.

Тот прокатился по земле, перевернулся, ловко вскочил на ноги. Сабли при падении из руки не выпустил и сразу же кинулся на Фондоруина, бешено матерясь.

Данила на сей раз поступил без хитростей — просто нагнулся и подобрал валявшийся пистолет.

— Остановись, неразумный, — сказал он. — Иначе...

Не успел договорить.

Гайдук, пригнувшись, ринулся вперед. Видно, хотел под пулю нырнуть, да как раз темнем на свинец и налетел.

Данила печально качал головой, глядя на распластавшееся у его ног тело.

Подошел поочередно к остальным поверженным противникам. Двоих связал их же кушаками, третьего оставил как есть.

Обернувшись к лесу, поманил Митю рукой. Тот вышел, едва переступая негнушимися ногами.

— Беда, Дмитрий, беда, — сокрушенно сообщил Фондорин. — По несчастному стечению обстоятельств двое служителей временщика лишились жизни. Одному брошенный шест переломил переносицу — я метнул слишком сильно. Второй же крайне неудачно наклонился. Я хотел прострелить ему ляжку, а вместо этого выбил мозги. Слава Разуму, двое других не слишком пострадали, и я смогу им помочь. Но сначала успокоим даму, которая несомненно напугана пальбой и криками.

Он приблизился к карете и постучал. Ответа не последовало.

Тогда, сдернув шапку, Данила открыл дверцу и учтиво поклонился.

Слава Богу, Павлина была жива и цела. Митя увидел ее бледное, испуганное лицо, обращенное к заросшему седой бородой незнакомцу.

— Ты лесной разбойник? — спросила графиня дрожащим голосом.

Ну, конечно! Что еще она могла подумать? Что попала из огня да в полымя, променяла горькую участь на иную, быть может, наигорчайшую.

Данила распрямился, открыл рот, чтобы ответить — да так и застыл с открытым ртом. Еще бы! Отвык, поди, в своей пустыне от женской красоты.

От этого безмолвия Павлина перепугалась еще больше.

— Что ты так зловеще молчишь? Сколько вас?

Фондорин, наконец, опомнился и показал на Митю:

— Двое. Я и вон тот отрок, небезызвестный вашему сиятельству. Это он меня привел.

Павлина высунулась из кареты, увидела Митю и с радостным криком спрыгнула на снег.

— Деточка! Митюнечка! Живой! А я глаз не сомкнула, боялась, что ты замерз в лесу, что тебя звери загрызли!

Она упала перед Митей на колени, стала его обнимать, целовать, по ее прекрасному лицу потоком лились слезы.

— Рыбанька моя! Малюточка! Ну, скажи что-нибудь! Ну, назови меня «Пася»! Как мило у тебя это получается! Ты мне рад?

Делать нечего. Митя покосился на Данилу, который умиленно взирал на эту трогательную сцену, и нехотя просюсюкал:

— Пася... Рад.

Чего еще-то сказать, чтоб она порадовалась?

— Митюся скутял.

— Скучал по мне, родименький!

Слезы из ясных серых глаз полились еще пуще, а Данила удивленно поднял седую бровь. Митя выразительно пожал плечами поверх золотистой головы коленопреклоненной графини: мол, иначе с ней нельзя.

И в самом деле — как теперь, после совместного сидения на ночных сосудах, ночи в обнимку и всех прочих интимностей, вдруг взять и заговорить с Павлиной по-взрослому? Да она со стыда сгорит, а он будет чувствовать себя подлым обманщиком.

Фондорин, деликатный человек, воздержался от каких-либо замечаний. Стоял в стороне, терпеливо ждал.

Вытерев слезы и высморкавшись, графиня обернулась к своему спасителю.

— Где ты, старинушка, научился так ловко палкой драться? Верно, служил в армии?

— Служил, как не служить, — степенно ответил Данила. — И даже не в армии, а в гвардии. Но палкой обучился драться в Англинской земле, когда странствовал. У тамошних бездельников, именуемых джентлменами, есть целая наука, как драться дубинками. Силы большой для этого не требуется, лишь знание правил. Я ведь говорил, [здесь он покосился на Митю], что если не Доброе Слово, то Наука легко одолеют грубую силу. Однако где же ваш главный похититель?

Я ожидал встретить пятерых противников, а встретил лишь четверых.

Павлина гордо подняла подбородок.

— Я не пустила его ночевать в карете, велела убираться. Когда же он попробовал послушаться, пригрозила, что Зурову нажалуюсь, будто он мне амуры делал. Этого злодей устрасился. Ночь просидел у костра, со своими татями. А утром, когда здороваться сунулся, я ему еще к лицу приложила, звонко. Тогда он заругался, прыгнул в седло и как погонит коня прямо по снегу, через опушку. Крикнул своим, что в Чудове встретит, со сменой лошадей.

Она вздрогнула, озабоченно сказала:

— Уезжать надо, да поживей. Ну как передумал и навстречу едет? Пикин — душегуб, человек страшный, не этим дурням чета. Англинской палочной наукой его не одолеешь. Прошу тебя, храбрый старик, довези нас с Митюнечкой до станции. Я тебя щедро награжу.

Фондорин сдвинул брови. Ответил сухо:

— Отвезу. Да не до станции, где вам навряд ли сыщется защита, а прямо до Новгорода. Прошу в карету, сударыня. И ты, Дмитрий, садись.

Павлина прыснула:

— Как ты смешно моего Митюшеньку зовешь. Он мой сладенький, мой пузыречек сахарный. Да, Митюшенька? Вот ведь кроха совсем, а догадался бывалого человека на помощь позвать. И как только разъяснил?

— Довольно складно для своих лет, — сдержанно ответил Фондорин, и в его глазах мелькнула некая искорка.

— Умничка мой, — зашептала графиня Мите на ухо. — Мой Бова-королевич. Хочешь быть моим сынулечкой? Хочешь? Зови меня «мама Паша». Хорошо, люлечка?

— Мама Пася, — хмуро повторил Митридат и был немедленно вознагражден дюжиной жарких поцелуев.

— А что делать с этими ворами? — показала Павлина на двоих связанных. — Оставлять их нельзя. Пикина наведут.

Один из гайдуков, тот, что со сломанной рукой, еще не пришел в себя и лежал на снегу недвижно. Второй же, сшибленный посохом с козел, при этих словах засучил ногами и пополз прочь — прямо сидя, как был. Челюсть у него затряслась.

— Да, задача, — согласился Фондорин. — Конечно, наведут. Но не убивать же их.

— А как иначе? — жестко сказала графиня. — Пикин моих людей убил, а эти ему добивать помогали.

Данила пробормотал — словно бы в сторону, а на самом деле Мите:

— Как жесток век, в который даже столь нежные особы призывают к убийству.

— Что ты сказал, дедушка? — обернулась Хавронская.

Он снова нахмурился.

— Я сказал, сударыня, что убивать их не буду, ибо каждый человек — узел тайн. Не

я этот узел завязывал, не мне его и обрывать. Мне, увы, доводилось лишать жизни себе подобных, но всякий раз без убийственного намерения, по несчастному стечению обстоятельств.

Фондорин подошел к хрипящему от ужаса гайдуку, в два счета перетянул ему тряпкой расшибленную голову. Второму, бесчувственному, привязал сломанную руку к ножнам от сабли. Митя знал — у медиков это называется Schiene.

Павлина посмотрела-посмотрела, да только руками всплеснула:

— Они за твое милосердие на тебя же Пикину и укажут. Ты не знаешь, какой это лютый волк. Он из-под земли тебя добудет, чтоб за обиду отомстить!

— Я не спорю, — кротко признал Данила. — Если их убить, нам будет проще. Но я не сторонник этакой простоты. Едем, ваше сиятельство. Время дорого.

И полез на козлы.

Как совсем рассвело, Московский тракт ожил. Стали попадаться и отдельные повозки, и целые поезда из груженных саней. Запряженный шестеркой дормез мчал лихо, замедляя ход, лишь когда дорога забирала в горку, а на спусках поскрежетывал тормозом. Данила стрелял кнутом, как заправский кучер, сбруя весело звенела, из-под полозьев летела ледяная кроха. Хорошая зимой езда,

не то что летом. Никакой тряски, да и скорость совсем другая. Один фельдъегерь во дворце хвастал (Митя сам слышал), как по зимнему времени пролетел 600 верст до Москвы за 36 часов. Не ел, не спал, только лошадей менял.

Вскоре после полудня прибыли в Новгород, город настолько древний, что год его основания неизвестен — он появился еще прежде Руси. Щурясь на сияющий под солнцем купол Софии, Митридат проверил память: обширность сего поселения 452 десятины, население две тысячи душ. А в XV столетии людей здесь проживало в двести раз больше. Если задуматься, то же когда-нибудь и с Москвой будет, и с Петербургом, и даже с Парижем. Придут в запустение и обезлюдят, ибо всему на свете приходит конец.

Он зажмурился и представил будущие руины Москвы: обвалившиеся кремлевские стены; голая Красная площадь, по которой бредет одичавшая кошка; поросшая бурьяном Тверская; слепые окна домов. Бр-р-р, привидится же такая страсть.

— Что, мусенька, морщишься? — погладила его по голове Павлина. — Устал? А вот мы отдохнем, чаю с пряниками попьем, нам теперь бежать незачем. Город большой, никакие буки Митюшеньку не обидают. Это, сладенький, Новгород, Новый Город. Когда-то давным-давно он и вправду был новый, а теперь старый-престарый. Ты вот тоже сам собою молоденький, весь новенький, а пройдет

много-много лет и будешь старый старичок, как дед Данила. Правда, смешно?

— Смесьно, — подтвердил Митя.

Животики надорвешь. Ничтоже ново под солнцем. Иже возглаголет и речет: се, сие ново есть, уже бысть в вещех бывших прежде нас...

Остановились в самой лучшей гостинице «Посадник». Данила проследил, как распрягают лошадей, и исчез — сказал, хочет навестить старинного знакомого, у него и отобедает. Митя же с Павлиной поели ухи с кашей и отправились за покупками — такое, видно, у графини было обыкновение: куда ни приедет, хоть бы даже в самое захолустное место, сразу идет на товары смотреть.

В Новгороде лавки были много богаче, чем в Любани, и Павлина затеяла Митю наряжать. Сначала увидела в магазине батистовое платьице, «прелесть какое милое», и загорелась одеть Митю девочкой, но он закатил такой рев (иных средств обороны в арсенале не было), что от этого плана графине пришлось отступить. По взаимному согласию преобразовали Митю в казачка: досталась ему синяя бекеша, сафьяновые сапожки, а краше всего была мерлушковая папаха с алым шлыком. Посмотрелся он в зеркало и очень себе понравился — прямо запорожский рыцарь.

В общем, день провели с приятностью, а вечером сели в дворянской зале «Посадника» пить шоколад. Павлина распорядилась, чтоб

седобородого старика по имени Данила, когда придет, вели прямо сюда. Собиралась наградить его щедро, ста рублями, сердечно поблагодарить за добро и отпустить обратно в лес. Кучер теперь был свой — Хавронская подрядила ямщика из местных.

Была Павлина весела, благодушна. Рассказывала Мите про то, как славно и покойно покатыт они теперь до Москвы. Одни не поедут, упаси Господь, а только с хорошими попутчиками. И никакой Пикин тронуть не посмеет.

Похоже, по вечерам «Посадник» превращался в подобие салона или клуба, ибо чистой публики в зале собралось изрядно. Были и проезжающие, и местные дворяне. Закусывали, пили чай с кофеем, вели негромкие, приличные разговоры. Митя смотрел на приятную картину и думал: вот если б у нас в России всё население было столь же пристойным, тогда жили бы не в грязи и пьянстве, а культурно, как в Голландии или Швейцарии. Прав Данила, тысячекратно прав: надобно всемерно увеличивать активную фракцию.

Подошел солидный человек, немолодой. Прилично представился:

— Коллежский советник Сизов, служу в канцелярии его превосходительства господина наместника. Почитаю долгом гостеприимства объезжать гостиницы, где останавливаются путешественники благородного звания, и спрашивать, нет ли в чем недовольства.

И это Мите тоже понравилось.

Павлина назвалась Петровой, московской дворянкой, поблагодарила за заботливость.

Местный чиновник погладил Митю по щеке:

— Славный какой казачок. Как тебя звать?

У самого взгляд цепкий, внимательный. Видно такой уж серьезный человек, что даже с детьми по-иному не умеет.

Пролепетал ему:

— Митюса.

— Ну-ну.

Коллежский советник отошел к соседнему столу, где сидела путешествующая из Москвы помещица с сыном и дочкой. Поговорил и с помещицей, тоже и про детишек не забыл. Потом сделал козу маленькому краснощекому немчику, который с гувернером ехал в Тверь, где его фатер служил в акцизе. И лишь после этого, исполнив долг гостеприимства, сел к огню выпить пива.

А вскоре в залу вошел еще один господин — в коричневом камлотовом скюртуке, замшевых сапогах до колен, с аккуратно напудренными волосами. Постоял у порога, откашлялся и направился прямо к камину, подле которого сидели Хавронская и Митя.

Посмотрев в лицо вновьприбывшему, Митя ахнул. Этот взгляд из-под черных бровей, скептические морщинки у глаз, высокий лоб не узнать было невозможно.

Данила! Но сколь преображенный!

Без бороды, с обнажившимся лицом — худым, тонкогубым, прорытым резкими складками — он вовсе не походил на старика. Скорее на зрелого мужа, не так давно преодолевшего цветущую пору жизни. Длинные волосы лесной лекарь обстриг чуть ниже ушей, вверху взбил, сзади завязал в косицу и теперь их седина выглядела обыкновенной припудренностью.

Смущенно подмигнув Мите, Фондорин поклонился графине. Та морщила лоб, словно не могла припомнить давнего, успевшего подзабыться знакомого.

— Раз уж я в городе... — Данила запнулся и слегка покраснел. — Одним словом, решил вот принять городской вид, чему поспособствовал мой друг и многолетний корреспондент, местный судья. Вот, одолжился из его гардероба.

Только теперь, по голосу, Павлина его признала.

— Ах! — воскликнула. — Так вы не поселянин? Мне следовало догадаться по вашей речи. Но кто вы? Какого звания?

— Данила Ларионович Фондорин, природный русский дворянин. Готов к услужению вашего сиятельства.

Хавронская ответила церемонным наклоном головы. Ее серые глаза взирали на преображенного Данилу с интересом.

— Как? Фон-Дорн? Не родственник ли вы генерал-поручику Андрону Львовичу Фон-Дорну, наместнику ярославскому? Но, прошу вас, садитесь.

— Как же, это мой кузен, сын родного моего дяди.

Данила сел на край стула, изящно оперся о стол локтем. От первоначального смущения, если оно вообще не померещилось Митрида-ту, не осталось и следа. Бывший камер-секретарь держался уверенно, а говорил гладко и непринужденно, будто заправский посетитель салонов.

— Андрон уже генерал-поручик? Высоко взлетел. Два года назад, когда я покинул Москву, он вышел из армейских полковников статским советником. Впрочем, нимало не удивлен. Их ветвь побойчее нашей. Мы с ними давно не знаем — лет, пожалуй, тридцать. Это они, сударыня, называются Фон-Дорны, а я Фондорин, как дед наш Никита Корнеевич писался. В краткое царствование Петра III, когда в силу вошли немцы с голштинцами, дядя Лев всепокорнейше испросил позволения именоваться, подобно нашим старинным предкам, Фон-Дорном. При государыне же Екатерине, когда в моду попали природные русаки, дядя стал обратно в Фондорины проситься, да соизволения не получил. — Данила злорадно хмыкнул, а Митя подумал, что тут уж, верно, не обошлось без участия некоего камер-секретаря. — Приказано ему и потомству оставаться Фон-Дорнами. А многочисленные дядины бастарды, рожденные от крепостных девок, обходятся без «фона», их пишут просто «Дорнами».

Графиня рассмеялась — рассказ ее позабавил.

— Располагайтесь удобней, Данила Ларионович. Вытяните ноги к огню. Не угодно ли шоколаду или грогу? Мы с Митюней стольким вам обязаны! Право, кажется, что я вас знаю много лет. Сразу видно человека бывалого, много повидавшего. Расскажите о себе. Одно из главных наслаждений жизни — в зимний вечер у камина послушать искусного и умного рассказчика.

— Вы в самом деле так полагаете? — Данила приятнейше улыбнулся. — Странное суждение из уст молодой и прекрасной особы. Обычно в ваши лета и с вашей внешностью предпочитают иные наслаждения.

Видно было, что комплимент графине приятен.

— Значит, я отлична от других, — молвила она, заправляя в точеную ноздрю щепотку душистого майнлибера из золотой табакерки. — Не угодно ли прочистить нос?

— Признателен за угощение, но ни грогу, ни табаку не употребляю. Я решил ограничить себя в привычках, которые ослабляют волю или ведут к изнеженности. Впрочем, — спохватился Фондорин, — эти добровольные ограничения я наложил на себя в зрелые годы. В молодости же чрезмерная воздержанность вредна, ибо может привести к высушиванию души.

Павлина улыбнулась и мелодично чихнула в шелковый платочек.

— Отменного вам здоровья, Павлина Аникитишна.

Вытерев слезы, она кивнула:

— Благодарю, любезный друг. Так расскажите же, отчего вам вздумалось сделаться лесным жителем? Признаюсь, мне и самой не раз хотелось бежать от суеты света в девственные леса, жить там простой, немудрствующей жизнью.

— Это вы, Павлина Аникитишна, начитались господина Бернардена де Сен-Пьера. — Данила вздохнул. — Опаснейший род чтения, отнявший у меня брата, юношу чувствительного и прекрасного душой. Он пустился в Новый Свет на поиски рая природной простоты, да так и сгинул. Нет, графиня, отшельником я оказался по иной причине. — Он помолчал, испытующе глядя на собеседницу, словно решал, говорить ли дальше, и, кажется, прочел-таки в ее глазах нечто, располагающее к откровенности. — Если желаете, расскажу, хотя должен предупредить, что история печальна.

— Душевно вас прошу! — воскликнула она, прижимая руки к груди. — Мне это очень интересно! А что до жизненной печальности, то вряд ли кто поймет вас лучше, нежели я.

Слушая этот во всех отношениях утонченный разговор, Митя таял сердцем. Истинно благородная беседа подобна менуэту, исполняемому искусными танцорами. Всяк знает свою партию в доскональности, а сколько

изящества в каждом звуке, в каждом движении!

Он сел поудобнее, готовясь слушать. Павлина премило сцепила руки под округлым подбородком. Фондорин же обратил свой взор на пламя очага и в продолжение всего рассказа ни разу не оторвал глаз от алых языков флогистона, с потрескиванием покидавшего березовые поленья.

— Я не стану подробно описывать вам начало моей жизни, ибо оно не имеет прямой связи с обстоятельствами, понудившими меня искать лесного уединения. Скажу лишь, что в первую пору своего существования я, подобно большинству, брел наугад, не столько сам выбирая тропинку, сколько следуя той, что оказалась ближе. Временами случайные эти стези выводили меня на возвышенные холмы, иной раз заставляли спускаться в низменные расщелины, но путь мой всё время был окутан туманом, и я, сколь ни тщился, мог видеть лишь малую часть окружающего ландшафта. Так бы я и блуждал до самой своей кончины, подобно несмышленому ребенку, если б однажды, безо всякой своей заслуги, а по одной лишь счастливой случайности, не наткнулся на свою дорогу.

— Как это? — с живым любопытством спросила Павлина. — Я понимаю, вы говорите в аллегорическом смысле, но все же как вы догадались, что это именно ваша дорога? На ней что же, был указатель с надписью «Для Данилы Фондорина»?

— Нет, указателя не было, но, когда попадаешь на свою дорогу, ошибиться невозможно.

— Почему?

— Потому что туман, прежде окутывавший твой взор, сразу рассеивается. И ты видишь окрестные леса, горы, моря, видишь высокое небо и, главное, зришь лежащий пред тобой путь, равно как и цель этого пути.

— Что же это за цель?

Графине так не терпелось услышать ответ на свой вопрос, что она вся подалась вперед.

— Мне она явилась в виде отдаленного города, защищенного высокими стенами и увенчанного множеством сияющих золото-розовых шпилей. Другому человеку, устроенному иначе, чем я, несомненно была бы явлена иная цель — вполне возможно, обретающаяся не на земле, а на небе. Но я сразу понял: мне нужно туда, вперед, к этим зубчатым стенам, потому что за ними я найду град Разума, Достоинства и Красоты.

— А что было дальше?

— То, милая Павлина Аникитишна, что я пошел по этой дороге. И по прошествии некоторого времени, отшагав чрез страны и годы, обнаружил, что отнюдь не одинок на сем пути. У меня появились спутники, немногочисленные, но отрадные. Мы объединились в некое добросклонное общество, члены которого были слишком скромны в оценке собственных совершенств, чтобы стремиться к переустройству человеческого общежития, а

потому более всего стремились к познанию Бога, Натуры или самих себя, ибо все сии тайны есть одно и то же.

— Я не вполне понимаю... — Павлина наморщила лоб. — Вы говорите не совсем ясно.

Ах, да что ж тут не понимать, подосадовал Митя. Право, только слушать мешает! От досады он даже крикнул и головой тряхнул так, что замечательная запорожская шапка слетела на пол — пришлось поднимать.

Данила же нисколько не раздражился, а, наоборот, кивнул, будто замешательство Хавронской было совершенно естественным.

— Разве вам неизвестно, любезная графиня, что все главные тайны и все главные происшествия имеют место не вовне, а внутри нас? Всё происходящее вокруг нас — лишь обращенные к нам вопросы, а наши деяния — ответы, которые либо приближают нас к тайне, спрятанной в нас самих, либо отдалют от нее. И мы, братья Злато-Розового Креста, хотели вначале понять свое собственное устройство, а уж после, если сие устройство окажется благим (и лишь в одном этом случае), позвать за собой всех прочих, кто пожелал бы идти с нами к Чудесному Граду. Однако все эти искания, разумеется, составляли лишь часть моей жизни, пускай наиважнейшую и наивысшую, но все же не препятствовавшую обыкновенным занятиям. Из странствий я привез жену, поселился с нею в Москве и зажил счастливым семьянином.

— Так вы женаты? — Павлина улыбнулась, словно обрадованная приятной неожиданностью. — И как же зовут вашу супругу?

— Ее звали Джулия, — ровным голосом ответил Фондорин, по-прежнему не отрывая взгляда от огня. — Она была прекрасным ребенком солнечной страны, полным жизни и любви, а я погубил ее, и это первое из свершенных мной преступлений, за которые я каждодневно казним своей совестью.

— Она погибла? — Графиня прикрыла пальчиками рот, а ее ресницы заморгали часто-часто, и видно было, что слезы уже готовы пролиться из широко раскрытых глаз. — Я не верю, что вы могли быть в этом повинны!

— Она не выдержала суровостей нашего климата. А кто привез ее сюда, да еще в канун зимы? Я. Мне не терпелось соединиться со своими единомысленниками, применить на деле добытые в странствиях знания, и я притащил послушную девочку, которая готовилась стать матерью, в чужую, холодную страну. Джулия так ждала весны, тепла, солнца, а умерла снежной ночью в слепом месяце феврале...

Вот слезы и покатались по щекам Павлины Аникитишны, легко и обильно. Фондорин же помолчал некоторое время, потом откашлялся и продолжил свой рассказ.

— Она скончалась родами у меня на руках. Я, верно, лишился бы рассудка от горя или прибег бы к последнему лекарству невыносимой боли — самоубийству, если б не по-

требность спасти ребенка. Мой сын появился на свет очень маленьким и слабым. Сам будучи врачом, я не надеялся, что мальчик выживет, однако сражался за его жизнь со всей яростью отчаяния и, благодарение Разуму, свершил невозможное. Дитя выжило. Вы легко можете себе представить, сколь мнительным и пугливым отцом после всего этого я стал своему сыну. Он был болезнен и хил, и потому я назвал его Самсоном, чтобы имя библейского богатыря придало ему здоровья и сил. Так мы и жили вдвоем, и мое существование было исполнено двойного смысла: высшего, который брезжил мне под сенью Злато-Розового Креста, и обыденного, без которого жизнь суха и невозможна. А потом, тому два года, в Москве случились Обстоятельства. То есть, собственно, первоначально случились они не в Москве, а в Париже, где толпа отсекла голову последнему Бурбону, но в самом скором времени волна страха и безумия, прокатившись по Европе, достигла нашей окраинной империи. Нет более удобного рычага для воздействия на сильных мира сего, чем страх. Известно, что наша государыня, добывшая корону ценой убийства, всегда жила и поныне живет в отчаянном опасении за свою жизнь.

Эти крамольные слова Данила произнес, нисколько не понизив голоса. Павлина и Митя не сговариваясь поглядели по сторонам, но соседи, слава Богу, были увлечены собственными делами и к речам Фондорина не

прислушивались. Один лишь давешний коллежский советник (кажется, он назвался Сизовым?), неотрывно смотрел в эту сторону, однако не на рассказчика, а на Митю. Впрочем, сидел он довольно далеко и слышать ничего не мог. Чего тогда, спрашивается, уставился?

— Был подле Екатерины один черный человек, некто Маслов, — как ни в чем не бывало продолжил Фондорин, и Митя при звуке знакомого имени сразу забыл про бесцеремонного туземца. — Из того хитроумного ведомства, которое кормится от пресечения государственных злоумышлений и потому без злоумышленников существовать не может. А поскольку таковые попадают нечасто, сему ведомству часто приходится выдумывать их самому, да чтоб были пострашней. Чем больше власть боится, тем Масловым вольготней. А тут этакий подарок — французская революция. Поискал Маслов в Петербурге якобинцев среди тамошних масонов. Да только известно, для чего у нас дворяне в вольные каменщики вступают — чтоб ужинать без дам и полезные знакомства делать. Какие близ престола революционеры? Курам на смех. Все ложь с перепугу тут же верноподданнейше самораспустились. Тогда Маслов додумался на вторую столицу взглянуть. А тут свой ворон сидит, московский главнокомандующий князь Озоровский. Он и рад стараться. Есть, докладывает, общество и претайное. Книжки всякие печатают, хлеб голодным раздают, лечат

бесплатно — а для какой цели-надобности? Ясно: чтоб бунт готовить. И название непонятное: Братья Злато-Розового Креста. В каком-таком смысле?

— А в самом деле, в каком? — спросила Павлина.

— Наш предводитель причислял себя к рыцарям-розенкрейцерам, которые поклоняются Розе и Златому Кресту. Я же вкладывал в это прозвание свой собственный смысл, памятуя о явленном мне чудесном видении злато-розового града. Но вышел все же не град, а крест, потому что именно на этом орудии мучительства тайный советник Маслов вкупе с князем Озоровским и распяли моих высокодуховных братьев. Снарядили сыскное дело, а товарищи мои были люди нехитрые, доверчивые, запретных книжек далеко не прятали, мыслей своих не скрывали — бери их, дураков, голыми руками. И взяли. Кого в Сибирь, кого в крепость, кто с ума сошел, кто сам помер — ведь чувствительные все, тонкой души. А мне повезло... Заступилась за меня некая высокая особа. Всего месяц продержали в гауптвахте и выпустили без последствий.

Это за него сама императрица заступилась, не забыла своего камер-секретаря, догадался Митя. И очень ему понравилось, что Данила перед графиней своим прежним положением не похвастался, умолчал как о несущественном.

— Так всё обошлось? — вскричала Павлина с облегчением.

— Не обошлось. — Фондорин нагнулся, толкнул кочергой полено. Лицо его было бесстрастным, по изрезанным морщинами щекам метались красные отсветы. — Вернулся я к себе в дом из-под ареста неожиданным манером. Дворян уж не чаяла своего барина вновь увидеть, ведь мне, по слухам, была уготована самое меньшее вечная каторга. Без хозяина слугам жить понравилось. Рожи сытые, масленые, все ренские да венгерские вина из погреба повыпили, мебель-картины распродали. Думали, чего жалеть — всё одно на казну отпишут. Увидели меня — затряслись. Повалились в ноги, воют, прощения просят. Я им: «Пустое, друзья мои. Разум с ней, с мебелью, другую заведу». Они — пуще выть: «А еще за то, барин, прости, что сыночка, кровиночку твою, не уберегли». Ну, у меня в глазах и потемнело. Кажется, закричал я и даже на время чувств лишился, чего со мной во всю жизнь ни разу не случалось. Правды от слуг нескоро дознался... А вышло так. — Данила опять покашлял. — Меня ведь как арестовывали — с превеликим шумом, будто нового Пугачева хватали или самого Робеспьера. Явился целый воинский отряд, при ружьях, при лошадях. Что лязгу-то, крику. А Самсон у меня был мальчик трепетный душой. Он, бывало, на ярмарке медведя на цепи увидит, так после неделю ходит сам не свой, зверя жалеет. Тут же как-никак не медведя — родного отца в кандалы заковали, да на улицу поволокли... Ну, и слег мой Самсоша с нервной

горячкой. Думаю, за ним толком и не ходил никто, потому что у слуг вольная жизнь началась, не до больного ребенка. А ведь жила у меня дворня всем на зависть. — Фондорин покачал головой, как бы вчуже удивляясь этой странности. — На «вы» их называл, ни разу не высек никого, даже когда было за что. Беседы вел, чтоб из них граждан воспитать. Теперь-то я думаю, что так скоро граждане из рабов не происходят. Но это сейчас не к делу, не о том рассказ... Сын, говорят, всё бредил, к батюшке рвался. Однажды слуги заглядывают к нему в комнату — кровать пуста, окно нараспашку. В одной рубашонке вылез и ушел неведомо куда. А зима была. Вроде бы даже и искали они его, а может, и врут. Дождь был в ту ночь со снегом. Поди, из тепла и вылезать-то не захотели...

Тут он замолчал надолго, всё барабанил пальцами по столу. Павлина всхлипывала, утиралась платком. Митя крепился, слезы глотал, и небу оттого было солоно.

— Дальше что ж. Пустился я на поиски. На граду посулил, небо и землю, как говорится, перевернул. Только не видал никто отрока семи годков, темноволосого, худого, с бледным личиком. Пропал мой мальчик безо всякого следа. Умом-то я понимал, что больному и раздетому не уцелеть ему было. Всякое себе представлял, и видения были одно ужасней другого. Замерз где-нибудь, или под лед провалился, или того хуже — попался какому-нибудь извергу, охочему до запретных пороков.

Пальцы, барабанившие по скатерти, вдруг сжались в кулак и ударили по столу так сильно, что подскочили чашки. В зале заоборачивались, а графиня кликнула слугу — поменять скатерть.

Данила дождался, пока всё успокоится, и продолжил свою повесть.

— И стало мне невольно смотреть на людей. Отписал крестьянам вольную, московский дом предал заустению, сам же поселился в лесу. Там мне хорошо показалось: растения, звери, птицы. Есть друг друга едят, а мучить не мучают. Только недолго я робинсонствовал. И в скиту не оставили меня человеки. Лечи их, постылых, бабам брюхатым отвары вари, ребятишкам гадючьи укусы притирай... И чем дальше, тем хуже. В прошлую весну явился преосвященный Амвросий, здешний викарий. Дошли до него слухи о некоем лесном деде, которого крестьяне чтут. Приехал проверить, не раскольник ли, не колдовством ли врачую. Я с Амвросием потолковал, полечил его от почечуя целебными свечками из травы-ликоцины, и так он меня полюбил, что повадился в гости ездить. Мало того, разнес повсюду, будто я старец святой жизни и даже угодник. Понесли про меня всякую небывальщину — мол, медведи ко мне за благословением ходят, как к Сергию Радонежскому, и прочее разное. Я в последнее время подумывал, не уйти ли из скита, найти место поглубже. А тут мне Разум вас послал...

— Так вы назад не вернетесь? — спросила графиня.

— Теперь, должно быть, уже некуда. У меня там свеча такая, особенная. Дмитрий вон видел, знает. Нынче утром, уходя, я ее гореть оставил. Думал, если ворочусь — успею загасить. А нет, пускай всё сгорит огнем. Поселяне после скажут: вознесся Данила-угодник на небо в огненной колеснице, подобно Илье-пророку. Этак, глядишь, в святцы попаду.

Павлина, еще не довсхлипывая до конца, улыбнулась, а Митя подумал: вот воистину искусный рассказчик. Завершив свою повесть, увел разговор в сторону от грустного и даже пошутил — это чтобы не оставлять на сердце у слушателей горького осадка.

— А что это у вашего сиятельства глазки красны и в дыхании хрипотца? — спросил Фондорин, повернувшись к Хавронской и внимательно глядя ей в лицо.

— Ваш рассказ тронул меня до слез.

— Нет, не то. Позвольте-ка. — Он осторожно поднес руку к ее лицу и приподнял веко. — Так и есть. Простыли, матушка. Надо болезнь в самом начале пригасить, не то расхвораетесь. Хорошо ли будет?

— У меня и в самом деле горло несколько саднит, — призналась Павлина. — Да что поделаешь? Ехать все равно надо.

— И поедете, отличным образом поедете. Только я вас сначала эликсиром напою, собственного сочинения. Как раз взял у своего

знакомца необходимые ингредиенты. Так и знал, что пригодятся в дороге.

Он достал из кармана пару каких-то пузырьков, пакетик, пучок сухой травы. Махнул половому:

— Эй, принеси-ка шкалик самой лучшей водки и лимон.

В одну минуту соорудил лекарственное зелье. Половину велел выпить тотчас же, остаток смешал с горячей водой.

— Это — горло полоскать. Пойдемте к ручейнику, я покажу, как. И воспаление как рукой снимет, вот увидите.

— Посиди здесь, крошечка, мы сейчас вернемся, — сказала Павлина, и Митя остался за столом один.

Стало быть, Данила лишился обожаемого сына два года назад, и Самсону тогда было семь, как сейчас Мите. Не мучительно ли осиротевшему отцу видеть перед собой отрока тех же лет?

И он стал мечтать, как сыщет пропавшего Самсона, который окажется жив и здоров, просто от горячки отшибло у него память. Живет он у хороших людей, ни в чем не нуждается. Но когда Митя приведет к нему родителя, Самсон, конечно, сразу всё вспомнит. То-то будет счастья, то-то радости! И Данила из грустного сделается веселым, а ему, Мите, скажет...

— Дружок, смотрю я на тебя, и до того ты мне нравишься, — раздался вдруг у самого его уха вкрадчивый голос.

Митя обернулся и увидел совсем рядом местного чиновника, который так паялился на него из угла.

— Такой ты, братец мой, хорошенький, что захотелось мне сделать тебе подарок, — продолжил этот самый Сизов и улыбнулся, но глаза у него остались неулыбчивые, сосредоточенные. — Пойдем во двор. У меня там полный мешок пряников. И яблочки моченые тоже есть.

— Не хотю яблотьков, — ответил Митя докучливому дядьке.

Но тот взял его на руки, прижал к себе.

— Пойдем, детка. Я тебе свою лошадку покажу. Она мохнатая, с серебряными бубенцами. Накинь бекешку. Чудо что за бекешка. И шапка хороша.

Сдернул с годовы шапку, погладил по макушке, снова надел.

Вот ведь привязался!

Митя забарахтался в крепких руках коллежского советника, крикнул:

— Пусти! Не хотю пряников! И лосядку не хотю!

Может, заступится кто-нибудь?

Соседка-помещица оглянулась, сказала своим чадам:

— Вот какой мальчик крикун. Кобенится, ничего не хочет.

Сизов быстро понес сопротивляющегося Митю к дверям.

Ну уж это чересчур!

— Мама Пася! — отчаянно заорал Митя. — Данила-а-а!

В темном коридоре не было ни души.

— Тихо ты, бесеныш! — шикнул чиновник и внезапно перехватил пальцами горло, так что Митя сбился с крика на хрип. — Будешь шуметь, шейную жилу раздавлю!

«Вы что, с ума сошли?» — хотел спросить новгородца Митя уже безо всякого детского сюсюканья, но с губ рвался лишь сип.

Сизов же выдернул из кармана носовой платок и запихал ему в раскрытый рот, а потом сорвал с шеи галстук и повязал сверху. Только после этого отпустил горло, но с забитым ртом не очень разговоришься.

Опять подхватил на руки, через холодные сени выбежал наружу.

И там никого не было. По темной улице мела вьюга. Горел тусклый фонарь.

— Сейчас, сейчас, — бормотал сумасшедший, отвязывая от привязи каурюю лошадь, никакую не мохнатую и безо всяких бубенцов.

Лошадь была впряжена в одноместный возок, похожий на повернутую боком корзину.

— Тихо! — рывкнул коллежский советник на извивающегося и мычащего Митю. — Пришибу!

Откинул сиденье, под ним оказался пустой короб. Сизов сунул туда Митю головой вниз, захлопнул крышку и, судя по скрипу, уселся сверху.

Митридат попробовал вывернуться. Куда там! Тесно, не шелохнешься. Уперся спиной в сиденье — не сдвинул ни на полдюйма.

Господи Боже, что ж это творится?

— Н-но, пошел!

Сани тронулись, однако проехали недалеко.

Раздался звук быстрых шагов, лошадь заржала, остановилась — видно, кто-то схватил за узду.

— Что вам нужно? — крикнул Сизов. — Пустите повод!

— Сударь, где мальчик?

Это был голос Фондорина!

Митя замычал, стал тыкаться в стенки проклятого короба. Я здесь! Данила Ларионыч, миленький, я здесь!

— Какой мальчик? Я спешу. Прочь!

— Казачок моей приятельницы. Мне сказали, что это вы вынесли его из залы.

— А, тот мальчонка? Право, не знаю. Дал ему леденец, он и убежал куда-то. Шустрый постреленок. Прощайте, сударь. Мне недосуг.

— Убежал? А что это за стук доносится из-под скамьи?

Ага, услышал! Митя заерзал еще пуще.

— Это я лягавых щенков положил, чтоб не померзли. А впрочем, не ваше дело. Вы мне докучаете. Великое ли дело, казачок потерялся!

На это Данила ничего не сказал, но коллежский советник угрожающе повысил голос:

— Пусти руку, невежа! Я в Новгороде лицо известное! Коллежский советник Сизов! Мне и полицмейстер подвластен! Скажу слово — проведешь ночь в холодной! Ну!

— Моя спутница весьма привязана к своему казачку, — словно бы оправдываясь молвил Фондорин. — Что же я ей скажу?

Чиновник убавил грозности, очевидно, считая спор решенным.

— Скажите ей, чтоб уезжала из нашего города, да поживей.

— Уезжала? — с сомнением переспросил Данила. — Однако казачок — ее собственность. Он стоит денег, да и на его экипировку потрачено немало. Бекеша, мерлушковая папаха, сапожки на меху...

Сизов оборвал его — нетерпеливо, веско:

— Передайте вашей спутнице, чтоб забыла и о казачке, и о бекеше. Всякая попытка искать возмещения своих потерь обернется лишь против нее.

Борис Акунии
ВНЕКЛАСНОЕ ЧТЕНИЕ

Р о м а н

1

Издано в авторской редакции

Художественный редактор *М. Епифанова*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Слепцова*

Лицензия ИД № 05480 от 30.07.01

Подписано в печать 10.04.02.

Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Кудряшевская».
Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 300 000 экз. (1-й з-д 1 — 100 000 экз.)
Изд. № 02-4327. Заказ № 4199.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

36 2PH
135.00

ОЛМА-ПРЕСС

Разве можно до такой степени погружаться
и восемнадцатое столетие? Время – материя
коварная и непредсказуемая. Однажды так вот
тырнешь в его глубины, да и не сумеешь
вернуться обратно.

ISBN 5-224-03807-3

9 785224 038077 >